

ШЕДЕВРЫ ФЭНТЕЗИ

ГОРОД КЛИНКОВ

РОБЕРТ ДЖЕКСОН БЕННЕТТ

Божественные города

Роберт Беннетт

Город клинков

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)

Беннетт Р. Д.

Город клинков / Р. Д. Беннетт — «Издательство АСТ»,
2016 — (Божественные города)

ISBN 978-5-17-108385-4

Этот город был крепостью богини войны и смерти, когда Континент правил всем миром. Здесь рождались воины, одаренные сверхъестественной силой, и они держали в страхе все население Сайпура, бывшей имперской колонии. Но потом Сайпур сверг власть Континента, а божество убили. Теперь город лежит в руинах, и для его новых хозяев это лишь пустыня, где царят варварство и насилие. Именно сюда приезжает генерал Турин Мулагеш – героиня Мирградской битвы и свидетельница постыдной и страшной тайны в истории Сайпура. По официальной версии генерала отправили в почетную отставку. На самом деле она должна проверить деятельность местных ученых: те совершили открытие, способное полностью изменить мир – или уничтожить его. Но когда в городе начинаются жестокие ритуальные убийства, становится ясно, что здесь до сих пор обитают призраки прошлого, что время ничего не лечит, а смерть, кровь и боль не исчезают без следа даже спустя много лет и способны породить настоящих монстров.

УДК 821.111

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-17-108385-4

© Беннетт Р. Д., 2016

© Издательство АСТ, 2016

Содержание

1. Пусть это будет не зря	6
2. Старая добрая лошадка	17
3. Прогресс	25
4. Черная комната	37
5. Составные части	58
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Роберт Джексон Беннетт

Город клинков

Robert Jackson Bennett
CITY OF BLADES

Публикуется с разрешения автора и его литературных агентов, Donald Maass Literary Agency, Inc (США) при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия)

Перевод с английского: Марина Осипова

Дизайн обложки Юлии Межовой

В оформлении обложки использована иллюстрация Михаила Емельянова

Серия «Шедевры фэнтези»

Copyright © 2016 by Robert Jackson Bennett

© Марина Осипова, перевод, 2019

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Сэр Терри, мое сердце помнит каждое слово, что Вы написали

Нана, ты была неисчерпаемым источником новых книг

1. Пусть это будет не зря

И сказал он:

«Жизнь есть смерть, а смерть есть жизнь.

Проливающий кровь познает переход от одного к другому, и нет таинства выше, чем узреть плетение нитей, составляющих мир, и в смертном крике перетечь от жизни к пеплу и разложению.

Ибо те, кто сражается во славу Ее, станут клинком в руке Ее.

Отпустит Она все грехи и сопричислит к сонму святых и праведников.

И сии избранные пребудут с Ней вовеки в Городе Клинков».

И запел он:

«Через моря и воды придите, чада мои,

К белейшим берегам и молчащим паломникам,

Ибо долгая тьма ждет вас

В тени Вурты».

Отрывок из «О Великой Матери Вуртье, что взирает на нас с вершин Клыкков Мира», около 556 г.

Где-то на третьей миле подъема в гору Питри Сутурашни приходит к выводу, что джавратское солнце как-то не хочется назвать «теплым и расслабляющим» – врут эти ваши рекламные буклеты. И ветерок он бы охарактеризовал совсем не как «нежно ласкающий шею»! И эти вот леса – он бы точно не сказал про них «благоуханные и экзотические». Потому что Питри, жалостно утирая – в двадцатый, верно, раз – пот со лба, назвал бы здешнее солнце «адским пеклом», про ветерок бы честно сообщил «и в заводе не имеется», а леса – ох, леса бы он описал как «населенные тварями с явным переизбытком зубов, каковые означенные твари так и норовят вонзить в человеческую плоть».

Но вот и вершина холма, а на ней – маленькая таверна! Питри то ли стонет, то ли вскрикивает от облегчения. Поддернув ремень сумки, он, шатаясь от усталости, бредет к хлипкому домишке. Неудивительно, что народу там почитай и нет – только хозяин да пара его приятелей. А все потому, что остров Джаврат – курорт, а на курорте жизнь протекает тихо и размеренно.

Питри умоляет: «Воды, пожалуйста, воды!» Хозяин одаряет его до невозможности презрительным взглядом и нарочито медленно выполняет просьбу. Питри кладет на стойку пару дрекелей, но почему-то падает в глазах хозяина еще ниже.

– Извините, пожалуйста, – говорит Питри. – Не могли бы вы мне помочь?

– Уже, – цедит хозяин и кивает на воду.

– Да, да, вы дали мне попить, и я вам за это очень признателен! Но, видите ли, я тут кое-кого пытаюсь найти.

Хозяин заведения и его товарищи молча смотрят на него. Лица у них каменные. Непроницаемые такие лица.

– Я тетю свою ищу, – поясняет Питри. – Она сюда переехала после одного несчастного случая в Галадеше, и вот я привез ей бумагу об освобождении от обязательств по этому инциденту. Ее, знаете ли, не так-то быстро выдают...

Один из приятелей хозяина – молодой человек со сросшимися мохнатыми бровями – бросает выразительный взгляд на сумку Питри.

– Деньги, значит, везешь?

– Э-э... м-м-м... нет, – мямлит Питри, отчаянно пытаясь измыслить какую-то правдоподобную деталь; вот что бывает, когда легенду не готовишь заранее, а придумываешь на ходу. И почему, почему Шара, пока муштровала его, так и не научила врать как следует? – Тут у меня только чековый счет и инструкции, как получить причитающееся...

– Во, мы ж и говорим – знаешь, как денег стясти! – восклицает другой приятель хозяина с нестриженной бородой, в зарослях которой даже рта не видно.

– В общем, моя тетушка, – настаивает Питри, – она примерно вот такого роста... – тут он поднимает руку, – ну, в ней пятьдесят или около того, и она очень... как бы это вернее сказать... крепкая, вот.

– Жирная? – уточняет хозяин.

– Нет, нет! Нет, нет, совсем нет! Она... – тут он сгибает в локте руку: мол, у нее бицепс – ого-го (у него самого, кстати, на этом месте не просматривается даже намек на мышцу) – крепкая. А, и еще вот: у нее одной руки нет.

Тут все трое переглядываются и понимающе хмыкают: мол, теперь понятно. Эта, значит.

– Я вижу, вы знакомы, – говорит Питри.

У всех троих настроение стремительно портится, и даже самый воздух в комнате становится темным и вязким.

– Я так понимаю, она, похоже, тут недвижимость приобрела, – не отстает Питри.

– Она купила дом у пляжа. С другой стороны холма, – отвечает хозяин.

– Ах, как чудесно! – восклицает Питри.

– А теперь она не разрешает нам охотиться на ее земле, – сообщает бородач.

– Ах, как жалко! – восклицает Питри.

– А еще она не пускает нас собирать чайкины яйца на скалах! И стрелять диких кабанов тоже не дает! Ведет себя, словно эта земля у нее в собственности!

– Э-э-э... ну... как бы... как бы можно сказать, что так оно и есть, – осторожно замечает Питри. – Если она эту землю купила и все такое. Ну, вы понимаете.

– Ну и что? – заявляет бородач. – Земля дяде моему, Рамешу, принадлежала задолго до нее, да!

– Ну-у... э-э-э... да, я обязательно поговорю с ней насчет этого, – кивает Питри. – Я прямо сегодня с ней поговорю. Да. Не откладывая. А вы сказали, что она на той стороне холма живет, да, я правильно вас понял? Мне... э-э-э... туда?

И он машет в сторону запада. Хозяин с приятелями не отвечают, даже не кивают в ответ, но в суровых глазах проскакивает какая-то искра, и Питри понимает: он попал в точку.

– Спасибо, – говорит он. – Преогромное вам спасибо!

И с нервной улыбкой пятится к выходу. Все трое мрачно провожают его взглядами, хотя нет, тот, что со сросшимися бровями, глаз от сумки не отводит.

– Еще раз с-с-спасибо... – бормочет Питри и выскальзывает из таверны.

С другой стороны холма, говорите? Жаль, что он не спросил подробнее, с какой именно стороны. Потому что он блуждает среди этих тропок и тропинок, а проклятый холм то одним боком к нему повернется, то другим, и сторон у него явно немало! И нигде никаких признаков цивилизации!

Наконец до слуха его доносится глухой рокот волн. А вот и дом, который он ищет, – беленая развалюшка, угнездившаяся среди прибрежных скал.

– Ну вот я и дошел. – И, с облегчением вздохнув, Питри прибавляет шаг.

Лес все подталкивает и подталкивает его в спину, и он спускается все ниже и ниже, и вот он уже осторожно ступает по тонкой как нитка тропе, и над левым плечом мрачно нависает лесная чаща, а по правую руку зияет каменистый обрыв устрашающей крутизны. Питри успевает пройти по тропинке еще несколько ярдов, прежде чем слышит за рокотом волн еще один звук – кто-то продирается сквозь лес.

Парень из таверны, тот, что со сросшимися бровями, выступает из лесной чащи на тропинку где-то в двадцати ярдах от Питри. В руках у бровастого вилы, и вилы эти направлены прямо на Питри.

– Ой... э-э-э... еще раз здравствуйте, – мямлит он.

За спиной снова трещат ветви. Питри оборачивается и видит, как из леса выбирается на тропинку бородач. До него тоже ярдов двадцать, а в руках у бородача топор, и этот топор хотят использовать явно не в мирных целях.

– Э-э-э... ладно, – бормочет Питри. Справа обрыв, а под обрывом очень бурное море. – Ну ладно. Значит, опять мы встретились. Гм.

– Деньги! – рычит бровастый.

– Что-о-о?

– Деньги! – рывкает бровастый. – Деньги, деньги давай!

– Понятно. – Питри кивает, достает кошелек и вынимает из него где-то семьдесят дрекелей. – Понятно. Деньги, значит, деньги. В-вот, возьмите, пожалуйста.

И он протягивает им полную горсть монет.

– Нет! – заявляет бровастый.

– Нет?

– Нет! Настоящие деньги давай!

– Сумку! Сумку с деньгами давай! – орет бородач.

Питри ошалело поворачивается то к одному, то к другому грабителю. Такое ощущение, что он с эхом разговаривает.

– Н-но... но тут нет никаких денег! – с безумной улыбкой бормочет он. – Вот, смотрите! Смотрите!

И он раскрывает сумку и показывает, что внутри там только папки.

– Ты знаешь, как их получить! – заявляет бровастый.

– В смысле?

– У тебя есть счет в банке, – убежденно говорит бровастый. – У тебя есть номер счета в банке. А на том счете денег куча!

– Куча денег! – орет бородач.

Надо было легенду лучше продумывать, а то симпровизировал, и вот оно как все повернулось...

– Ну... Э-э-э... Я не... я не...

– Ты знаешь как...

И вдруг бровастый осекается и визжит, тоненько и пронзительно – странный такой звук, Питри даже успевает подумать, уж не птица ли какая орет.

– Я знаю, как что? – уточняет Питри.

Но бровастому уже не до беседы: он падает наземь, по-прежнему тоненько вереща, и тут Питри замечает что-то такое блестящее красное прямо у бровастого над коленом. Вот только что не было ничего – а теперь торчит. Точно. Острие арбалетного болта. Бровастый перекатывается на живот, и Питри видит: сзади из ноги торчит он. Арбалетный болт.

На тропинке в паре дюжин футов от верещащего бровастого стоит женщина. Питри видит темный прищуренный глаз над прицелом гигантского арбалета. Взгляд этот не сулит ничего хорошего, а острие болта нацелено ему прямо в грудь. Волосы у женщины темные с проседью, виски вовсе побелели, смуглые, исполосованные шрамами плечи блестят на солнце. Арбалет

она держит левой рукой, и от середины предплечья это не живая рука, а протез из темного полированного дуба.

– Питри, – сообщает женщина. – Придурок. На землю быстро – ло-жись!

– Да-да-да, – соглашается Питри и аккуратно укладывается на тропу.

– Больно! – орет бровастый. – Во имя всех морей! Больно!

– Боль – это хороший знак, – замечает женщина. – Это значит, что у тебя еще есть мозг, который может ее чувствовать. Считай, сильно повезло тебе, Ранджеша.

Бровастый отвечает нечленораздельным воплем. Бородач теперь весь покрыт испариной. Он смотрит на женщину, затем на Питри, а потом на лес, что стеной стоит слева.

– Ну нет, – качает головой женщина. – Брось топор, Гарудас.

Топор бухается на землю. Женщина делает несколько шагов вперед, но острие болта в арбалете не сдвигается ни на дюйм.

– Сдается мне, Гарудас, у тебя неприятности, – говорит она. – Я ведь пообещала вам обоим: еще раз увижу на своей земле – и ваши кишки сведут знакомство со свежим морским воздухом. Пообещала? Пообещала. А ведь цивилизованный человек всегда исполняет свои обещания, верно? Это ведь фундаментальный, можно сказать, закон нашего социума, правда?

Бородач бормочет:

– Я... я...

– А еще, Гарудас, ходят слухи, – продолжает женщина и делает еще один шаг вперед, – что ты со своим дружкой повадились заманивать сюда туристов и грабить их без зазрения совести. А поскольку у вас весьма расплывчатые представления о частной собственности, я совсем не удивлена, что вы решили провернуть этот трюк на земле, которая сейчас принадлежит мне. Но вот в чем дело: я такие штуки терпеть не могу. Прямо тошнит меня от такого дерьма. Вот я думаю: а не всадить ли в тебя пару дюймов хорошей стали, а, Гарудас? Как думаешь, это поможет убедить тебя больше никогда, никогда так не поступать?

Бородач смотрит на нее как замороженный и молчит.

– Я, мать твою, вопрос тебе задала! – рявкает женщина. – Мне что, сынок, болт в тебя всадить, чтоб ты разговорился?

– Н-нет-нет-нет! – ужасается бородач. – Нет, не надо, пожалуйста, болт в меня всаживать!

– Стремиться нужно к мечте, – наставительно говорит женщина. – А ты что делаешь? Не стремишься. Забыл, как оно у нас? Ступил на мою землю – подстрелю. И не сбудется твоя мечта гулять неподстреленным.

Повисает молчание.

Бровастый тихонько скулит.

– Питри, – произносит женщина.

– Да? – отзывается Питри. Поскольку он так и лежит лицом в землю, ответ вздымает приличное облако пыли.

– Как насчет встать и перешагнуть через идиота, что разлегся на моей дороге да еще и кровью ее попачкал?

Питри поднимается, отряхивается от пыли и осторожно переступает через бровастого, вежливо прошептав:

– Извините, пожалуйста!

– Гарудас? – Женщина снова обращается к бородачу.

– Д-да? – отзывается тот.

– У меня для тебя задание. Подойди сюда, подними своего дружка и отволоки в сраную лачугу, в смысле таверну, своего брата. Вопросы есть?

Бородач, с мгновение подумав, отвечает:

– Нет.

– Отлично. Приступай. Немедленно приступай, я сказала! И запомни: еще раз увижу ваши рожи, пощады не жди: стрельну сам знаешь куда.

Бородач, старательно держа на виду руки, медленно-медленно подходит к раненому другу и поднимает его с земли. Потом они, прихрамывая, удаляются вниз по тропе. Пройдя ярдов пятьдесят, бровастый не выдерживает, оборачивается и орет:

– Пошла ты в жопу, Мулагеш! И ты, и твои деньги, идите вы в жо...

И взвизгивает: арбалетный болт со свистом пролетает над камнями всего в нескольких дюймах от его ног. Бровастый подпрыгивает от испуга – и снова орет от боли: ведь первый болт все еще торчит у него из бедра. Мулагеш перезаряжает арбалет и внимательно смотрит им вслед, пока бородач и его верещащий, припадающий на одну ногу друг не скрываются из виду.

Питри мямлит:

– Гене...

– Заткнись, – откликается она.

Мулагеш стоит не двигаясь некоторое время. Через две минуты она расслабляется, проверяет арбалет и вздыхает. Потом поворачивается к Питри, чтобы смерить его с головы до ног взглядом.

– Проклятие, Питри... – говорит генерал Турин Мулагеш. – Какого... ты здесь делаешь?

* * *

Питри слабо себе представлял, как будет выглядеть жилище Турин Мулагеш, но такого не ожидал точно: перед ним простирается кладбище пустых бутылок из-под вина и грязной посуды. Еще тут полно угрожающих жизни штук: арбалетных болтов, арбалетов, мечей, ножей, а в углу – здоровенный винташ, огнестрельное оружие с нарезным стволом. Это изобретение совсем недавно стало доступным по цене, и все благодаря тому, что увеличилось производство пороха. У военных – Питри знал это не понаслышке – на вооружении куда более продвинутые модели.

А еще тут жутко воняет: такое впечатление, что генерал Турин Мулагеш не на шутку увлеклась рыбалкой, вот только еще не совсем определилась с тем, куда девать кости.

– Ну да, пованивает, – подтверждает Мулагеш. – Знаю я, знаю. Но я уже привыкла. У океана же живу, тут везде так пахнет – что на берегу, что в доме.

Питри бы горячо возразил ей, но ему хватает ума промолчать.

– Благодарю, что спасли меня!

– Не за что. У меня с этими парнями симбиотические отношения: они идиоты, каких поискать, а я метко стреляю по идиотам. В результате все получают желаемое.

– А как вы узнали, что я пойду по той тропе?

– До меня дошли слухи, что какой-то парень из Галадеша ходит по побережью и разыскивает меня. И говорит, что должен мне вручить преогромную сумму. Мы хорошо ладим с одним продавцом на рынке, так что он мне шепнул на ушко. – Мулагеш качает головой и выставляет на кухонную стойку бутылку вина. – Питри, деньги. Разве так можно? Ты бы еще табличку с надписью «Я дебил, пожалуйста, ограбьте меня» себе на лоб повесил...

– Д-да... я теперь понимаю... это было не слишком... умно.

– Вот я и подумала: а постою-ка я посторожу. И тут глядь – ты поднимаешься к бару Хаки. Потом смотрю – ты идешь, а за тобой следом – Гарудас с подельником. Ну и вот. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять – по твою душу ребята собрались. Впрочем, я тебе за это даже признательна. Давно я так не веселилась...

Она достает бутылку чая и бутылку слабого вина и, как это ни смешно при таком разгроме в доме, сервирует напитки на подносе, как это положено гостеприимной сайпурской хозяйке. У каждого напитка в таком ритуале свое особое значение: чай пьют на деловых встречах с

бизнес-партнерами, а вино – с друзьями в неформальной обстановке. Питри наблюдает за тем, как она двигается: похоже, Мулагеш приноровилась делать все одной рукой.

Она ставит поднос перед Питри. Он отвешивает вежливый поклон и выбирает открытую бутылку чая.

– Приношу свои извинения, – говорит он. – Хотя я весьма признателен за вино, генерал, боюсь, я здесь по официальному поводу. Меня прислала премьер-министр.

– Ну да, – кивает Мулагеш и тянется за бутылкой вина. – Я так и поняла. Как еще мог Питри Сутурашни оказаться на моем заднем дворе? Только по приказу Шары Комайд. Так чего же от меня хочет премьер-министр? Затащить обратно в военный совет? Я ведь из него убралась, и дело вышло громким, громче не бывает! И думала, что поставила жирную такую точку в своей карьере.

– Так и есть, – кивает Питри. – Дело вышло громким, до сих пор эхо по Галадешу гуляет...

– Твою мать, Питри! Что это тебя на поэзию потянуло?

– Спасибо. Я украл эту строку из речи Шары.

– Естественно.

– Впрочем, я здесь вовсе не затем, чтобы убедить вас вернуться в военный совет. На самом деле, они нашли вам замену.

– Ммм... – тянет Мулагеш. – Гавали небось?

Питри кивает.

– Так я и думала. Во имя всех морей, эта баба только и делает, что жопы обцеловывает, когда у нее время говорить остается, ума не приложу. И также вообще не понимаю, как она, проклятье, до генерала дослужилась.

– Справедливое замечание, – снова кивает Питри. – Но на самом деле я здесь затем, чтобы предоставить вам кое-какую информацию касательно вашей... пенсии.

Мулагеш от неожиданности давится вином и перегибается пополам, откашливаясь.

– Моей чего?! – вопрошает она, разгибаясь. – Моей пенсии?

Питри сжимается в комок, но кивает.

– Какого хрена? Что не так с моей пенсией? – резко спрашивает Мулагеш.

– Ну... Вероятно, вы слышали, что есть такая штука, срок службы?

– Что-то такое слышала, да...

– С ней вот какое дело... Когда сайпурского военнослужащего повышают в звании, – говорит Питри, одновременно копаясь в сумке, – ежемесячные выплаты тут же возрастают, однако военнослужащий обязан прослужить определенное время в этом звании, прежде чем получить право на пенсию, этому званию соответствующую. Так решили после того, как сколько-то лет тому назад ряд офицеров получили повышение, а потом тут же подали в отставку, чтобы жить на увеличенную пенсию.

– Подожди-ка. Да знаю я все это, знаю! Для звания генерала срок службы какой? Четыре года! Я абсолютно уверена, что оттрубила достаточно...

– Вы прослужили в звании генерала дольше четырех лет, – подтверждает Питри. – Но срок службы, видите ли, начинает отсчитываться после того, как закончат оформлять документы на звание. А поскольку в то время, когда вас повысили в звании, вашим местом службы являлся Мирград, документы должны были оформить там, но, видите ли, Мирград в тот момент был практически полностью разрушен, как вы сами, мгм, хорошо знаете. Одним словом, с оформлением они затянули, так что вот... так.

– Ну ладно. Хорошо. И как долго в Мирграде оформляли документы?

– Они их задержали примерно на два месяца.

– Что значит, мой срок службы...

Питри вынимает наконец из сумки бумагу и водит пальцем по строчкам, отыскивая нужную.

– Вот. Три года, десять месяцев и семнадцать дней.

– Твою мать!

– Да.

– Твою мать и так и разэтак!

– Да. А поскольку срок выслуги недостаточен, в конце нынешнего финансового года ваша пенсия будет пересчитана в соответствии с прежним званием, а именно званием полковника.

– И сколько это?

Питри кладет бумагу на стол, пододвигает к Мулагеш и указывает пальцем на цифру.

– Твою мать!

– Да.

– Проклятье! А я тут лодку прикупить хотела... – И она горько качает головой. – А теперь непонятно, смогу ли я себе это позволить!

И она обводит рукой комнату.

Питри оглядывает темные облупленные стены. Кругом роятся мухи, причем в превеликом количестве.

– Да. Увы. Такая жалость.

– И что теперь мне делать? Или ты приехал только за тем, чтобы сообщить: так и так, генерал, из-под вас немножко выдернули ковер, спасибо, до свидания? Может, я не знаю, апелляции какую можно подать? Как-то оспорить решение?

– На самом деле, такое нередко случается. Некоторые офицеры вынуждены уйти на пенсию по состоянию здоровья, в связи с семейными обстоятельствами и так далее. В таких случаях военный совет может проголосовать за то, чтобы не учитывать оставшееся до полного срока выслуги время и все равно предоставить повышенную пенсию. Но так как вы, э-э-э-э, ушли в отставку при... э-э-э... сложных обстоятельствах, они решили повышенную пенсию не давать.

– Сраные говнюки! – рычит Мулагеш.

– Да. Но есть, конечно, выход из ситуации. Если попавший в подобное положение офицер продемонстрировал в свое время безупречную службу Сайпуру, ему предоставляют возможность отправиться с, как это великодушно прозывается, «обзорной экскурсией».

– Проклятье. Я помню про такое. Выходит, я проведу оставшееся мне до срока выслуги время, «осматривая оборонительные сооружения» Континента. Я правильно тебя поняла?

– Совершенно верно, – кивает Питри. – Речь идет об обязанностях исключительно административного характера. Премьер-министр лично позаботилась о том, чтобы подобная возможность была вам предоставлена.

Мулагеш задумчиво постукивает по столу деревянной рукой. Пока она сидит, погруженная в свои мысли, Питри украдкой разглядывает протез: тот пристегнут к локтю, ременная петля обвивает бицепс, до сих пор поражающий бугристостью и размером. Мулагеш натянула на культю рукав хлопковой рубашки, возможно, чтобы избежать раздражения от трения, и он заметил, что вокруг туловища у нее тоже что-то вроде переплетенных ремней. Видимо, это сложно устроенный протез, и носить его не слишком легко – что вовсе никак не способствует смягчению и без того вспыльчивого нрава генерала Мулагеш.

– Глаза, Питри, – вдруг совершенно спокойно произносит она. – Или ты слишком давно не разговаривал с женщиной?

Измученный Питри на всякий случай продолжает тарашиться на лежащую между ними бумагу.

Мулагеш сидит молча и неподвижно. А потом:

– Питри, я могу спросить у тебя кое-что?

– Конечно-конечно...

– Ты ведь в курсе, что я только что подстрелила человека?

– Д-да. Я в курсе.

– И ты прекрасно понимаешь, что я его подстрелила, потому что он зашел на землю, являющуюся моей частной собственностью. И еще потому, что он придурок.

– Вы очень четко это сформулировали, да.

– Так вот. Почему бы мне не поступить точно так же с тобой?

– П... простите?..

– Питри. Тыходишь в ближайшее окружение премьер-министра, – говорит Мулагеш. – Официально ты не главный помощник и все такое, но все равно не какой-нибудь рядовой клерк. А Шара Комайд не послала бы человека из своего ближайшего окружения в такую жопу, как Джаврат, только для того, чтобы сообщить мне: родная, тебе пенсию тут пересчитали. Для этого давно изобрели почту. Так вот. Почему бы тебе не перестать ходить вокруг да около и не выложить всю правду-матку, а?

Питри делает глубокий вдох и кивает.

– Вполне возможно, что, если вы поедете на эту... э-э-э... обзорную экскурсию, это станет прекрасным прикрытием для другой операции.

– Вот оно что. Понятно.

Мулагеш кривит рот в усмешке и шумно втягивает воздух сквозь зубы.

– И кто же у нас агент в этой операции?

Питри так внимательно разглядывает бумагу на столе, словно пытается обнаружить в тексте инструкции, как выйти из этой крайне неловкой ситуации.

– Питри?

– Вы, генерал, – говорит он. – Этот агент – вы.

– Понятно, – произносит Мулагеш. – Твою мать.

* * *

– Я хочу сказать – пошли вы в задницу, Питри, – рычит Мулагеш. Деревянная рука со стуком опускается на столешницу – генерал выкладывает обе ладони перед собой. – Я тебе так скажу: говенная это игра – шантажировать боевого офицера пенсией, чтобы он пошел под пули. Да.

– Я очень хорошо понимаю, что вы чувствуете, генерал. Но эта операция, она...

– Я ушла в отставку, мать вашу. Я на пенсии. Я сказала, что с меня хватит, я сделала все, что нужно, большое спасибо, теперь оставьте меня в покое. Что, никак не возможно вот просто взять и оставить меня в покое? Я слишком многого хочу?

– Ну... премьер-министр сказала... – начинает очень осторожно говорить Питри, – что эта операция – как раз то, что вам нужно.

– Мне нужно? А откуда Шара, мать ее так, знает, что именно мне нужно? И что мне вообще может быть нужно, как она считает?

И она опять обводит рукой свою хибару, и Питри снова оглядывает вонючий, грязный дом, где ковры свернуты и подпирают ставни, дверца кухонного шкафа перекосилась и не закрывается, повсюду стоят пустые винные бутылки, везде – даже на кухне – навалена грязная одежда и высятся горки рыбьих костей. Потом он переводит взгляд на Мулагеш, и в голову приходит только одно.

Генерал Турин Мулагеш дерьмово выглядит. Она, конечно, еще очень даже ничего для женщины своего возраста, но все равно: ей не мешало бы помыться, причем уже давно, под глазами у нее круги, а одежду хорошо бы постирать. Тоже давно. Где та офицер, которую он некогда знал? Женщина в форме, накрахмаленной так, что рукавами можно было бы резать по дереву, женщина, обладавшая взглядом настолько пронзительным и ясным, что хотелось проверить себя на предмет возможных синяков после того, как она на тебя посмотрела.

Питри уже приходилось видеть людей в подобном состоянии. Например, друга, который пережил бурный развод. Но Мулагеш-то ни с кем не разводилась! Хотя нет, она, можно сказать, развелась – с сайпурской армией.

И пусть это хоть как-то объясняет то, чему он стал свидетелем, Питри все равно не может взять в толк: почему ее вдруг сняли со всех должностей? Хотя бы потому, что никто – ни сайпурская пресса, ни военный совет, ни даже парламент – вообще не понимали, с чего бы генерал Мулагеш подала в отставку. Почти год назад она отбила в «Континентал Херальд» телеграмму: «Я, генерал Турин Мулагеш, подаю в отставку и прошу освободить меня от обязанностей члена Сайпурского военного совета». И в тот же момент ей оформили пенсию, и она исчезла. Ото-всюду. Мулагеш и раньше была непредсказуемой, но тут произошло нечто вовсе несусветное: покажите мне целеустремленного, вменяемого, знающего, что делает, сайпурца, который бы взял и ушел с должности вице-президента Сайпурского военного совета? Вице-президент, чтоб вы знали, почти всегда становится главнокомандующим, а главнокомандующий – это второй человек в государстве после премьер-министра. Люди и так и эдак анализировали и в лупу разглядывали все, что случилось в предшествующие отставке недели, но так и не смогли понять, что довело ее до нервного срыва, приведшего к такой административной катастрофе.

– Значит, вот во что Шара превратилась? – мрачно говорит Мулагеш. – В шантажистку? Она меня шантажирует, да?

– Вовсе нет! У вас есть возможность просто отправиться в поездку и отказаться от участия в операции. Или вы вообще можете никуда не ехать и согласиться на пенсию полковника.

– А что за операция-то?

– Мне велели сказать, что детали невозможно раскрыть, пока вы не дадите полное согласие на участие в ней.

Мулагеш тихо смеется:

– Значит, вы мне kota в мешке предлагаете. Отлично. Просто замечательно. А мне-то это за каким хреном сдалось, а?

– Ну... Думаю, Шара считала, что если она лично вас об этом попросит...

Мулагеш меряет его холодным непроницаемым взглядом.

– Хорошо-хорошо. В случае если личной просьбы окажется недостаточно, она попросила передать вам это.

И Питри залезает в сумку и достает оттуда конверт.

Мулагеш рассматривает его:

– Это чего такое?

– Понятия не имею. Премьер-министр собственноручно написала и запечатала это письмо.

Мулагеш берет конверт, вскрывает его и читает письмо. Сквозь бумагу просвечивают чернила. И хотя Питри не может разобрать написанное, похоже, в письме всего пара строчек, и то коротеньких.

Мулагеш смотрит на бумагу огромными пустыми глазами, и рука ее вдруг начинает дрожать. Она сминает письмо и долго смотрит в пустоту, погрузившись в собственные мысли.

– Твою мать, – наконец тихо говорит она. – Откуда, мать ее, она знала...

Питри наблюдает. На плечо ей садится муха, другая приземляется на шею. Мулагеш не замечает.

– А ведь ты это всерьез, иначе бы не писала, – бормочет она. Потом вздыхает и качает головой: – Твою мать.

– Я так понимаю, – осторожно говорит Питри, – вы склонны дать согласие на участие в операции.

Мулагеш окатывает его гневным взглядом.

– Просто спросил, – быстро говорит он.

– Ну ладно. А что ты можешь рассказать мне про эту операцию? Ну?

– Да не очень много. Я знаю, что проходить она будет на Континенте. Еще я знаю, что она связана с вещами, которым влиятельные люди в Галадеше уделяют самое пристальное внимание. И часть из этих влиятельных людей не слишком благосклонно оценивают действия премьер-министра.

– Вот почему у меня такая легенда. Помнится, в прошлые времена мы такой хренюю мозги пудрили другим народам, не своему. О времена, о нравы и все такое...

– В Галадеше все... совсем не просто, – соглашается Питри. – В прессе любят говорить, что Шара находится... э-э-э... «на осадном положении». До сих пор сказываются результаты недавних выборов. Они были для нас... неблагоприятны. Ее усилия по восстановлению Континента крайне непопулярны в Сайпуре, и сторонников у нее больше не становится.

– Еще бы, – усмехается Мулагеш. – Я прекрасно помню, как все партии ликовали, когда ее выбрали. Все думали, что сейчас начнется золотой век, не меньше...

– Пристрастия электората крайне... волатильны. А для некоторых удобнее не вспоминать, что Мирградская битва случилась всего пять лет назад.

Мулагеш прижимает к себе протез, словно деревянная рука может болеть. В гостиной становится ощутимо холоднее, или ему просто так кажется. Мулагеш вдруг становится прежней – тем самым командиром, который не растерялся и громовым голосом дал приказ занять оборону, а вокруг рушились и горели здания, и с небес звучал страшный глас божий...

– А я вот не забыла, – холодно говорит она.

Питри осторожно прочищает горло:

– Ну, я... я и не думал, что вы забыли.

Мулагеш еще несколько минут смотрит в пустоту остановившимся взглядом.

– Ну хорошо, – говорит она наконец, и хотя голос у нее спокойный, слушать ее как-то неуютно. – Я это сделаю.

– Сделаете?

– Да. Почему бы и нет.

Она кладет смятый комочек бумаги на кухонный стол и улыбается. Улыбается так, что у Питри мурашки по спине бегут: ему приходилось видеть такие лица. С безуминкой в глазах. Такие лица у солдат, которые слишком долго воевали.

– Хуже не станет. Потому что хуже не бывает.

– Я... я уверен, премьер-министр будет в восторге, – выговаривает наконец Питри.

– Так что это за операция?

– Ну, как я уже сказал, вы не сможете узнать детали, пока не дадите полное согласие...

– Пусть тебя демоны заберут, Питри, я только что сказала – да, ты что, не слышал?

– Считается, что вы согласились только после того, как вы сядете на корабль.

Мулагеш прикрывает глаза.

– Во имя всех...

Питри быстренько выуживает из сумки папку и вручает ей.

– Вот инструкции касательно вашей поездки. Обратите внимание на дату и время отправления. Полагаю, что по крайней мере часть времени мы будем путешествовать вместе. Смею надеяться, что через три недели я вас снова увижу, генерал.

– Ура.

Мулагеш принимает папку. И тут же печально горбится:

– Питри, говорят, мудрость приходит с возрастом. Так почему же я продолжаю раз за разом ошибаться?

– Я... боюсь, я недостаточно компетентен, чтобы ответить на ваш вопрос...

– Ну ладно. Ты, по крайней мере, честен со мной.

– Могу ли я обратиться к вам за одолжением, мэм? Мне нужно вернуться в Галадеш, чтобы уладить кое-какие дела, но, учитывая сегодняшние происшествия, я...

И он многозначительно смотрит на ее коллекцию холодного оружия.

– Что-нибудь на дорожку? Чтобы без проблем до порта дойти, да?

– Я ошибочно предполагал, что Джаврат – цивилизованное место.

Мулагеш насмешливо фырчит:

– Я тоже так... ошибочно предполагала. Так, дай-ка я тебе выдам какую-нибудь штуку, страшную снаружи, добрую внутри, а то ты ненароком поранишься.

– Я прошел курс молодого бойца, когда получил назначение в мирградское посольство!

– Я знаю, – кивает Мулагеш. – Этого-то я и боюсь. Фиг его знает чему они тебя научили, разве что как ловчее ногу себе отстрелить.

Питри смиренно кланяется, когда Мулагеш встает и, чеканя шаг, скрывается в каком-то темном углу, где начинает рыться. А ведь она всегда так ходит – словно на плацу марширует...

Как только генерал разворачивается спиной, Питри хватается смятое в комок письмо. Это, конечно, безобразное превышение полномочий, не говоря уж о том, Шара ему доверяет, а он... Ну, извините, плохонький из него шпион... хотя чего это он, он вообще ведь не шпион!.. И Питри сразу становится легче на душе.

Развернув письмо, он таращится на строчки.

– Чего-о-о?.. – вырывается у него.

– Чего-чего? – откликается Мулагеш из соседней комнаты.

– Н-н-ничего! – И Питри моментально сминает письмо обратно в комок и кладет на кухонный стол.

Мулагеш возвращается с огромным длинным мачете.

– Уж не знаю, для чего его использовал прежний хозяин, – говорит она. – Может, тиковое дерево рубил. Но если сейчас им можно разрубить подтопленное масло, я буду удивлена, не скрою.

Она вручает ему железяку и провожает до двери.

– Значит, через три недели, да?

– Именно. Через три недели.

– Тогда у меня есть еще три недели, чтобы пожрать, – говорит Мулагеш. – Вряд ли на Континенте вдруг взяли и научились готовить дим-самы и рис... И вот еще что...

И она прижимает руку к животу:

– Я уж думала, с капустой навсегда покончено...

Питри прощается с ней и идет вверх по склону холма. Оборачивается. Какая же у нее все-таки жалкая хибара, и весь песок вокруг битыми и пустыми бутылками усеян...

Хотя раньше ему никогда не приходилось участвовать в настоящей спецоперации – ну разве что в Мирграде, но Мирград не в счет, – однако как-то странно все начинается... И вот это еще. Письмо. Почему она согласилась? Ведь там всего-то было написано: «Пусть это будет не зря».

2. Старая добрая лошадка

Я прошла через смерть и огонь, чтобы прийти и спросить вас: неужели мы не можем стать лучшими? Неужели мы настолько самодовольны и мелочны, что нам недоступны даже мечты о лучшем будущем – не только для Сайпура, но и для всего человечества?

Наши предки стали живой легендой: они изменили мир. Неужели мы настолько узко-лобы, что откажемся от этого наследия и после нашего краткого пребывания на этих берегах не оставим миру ничего нового?

Из послания парламенту премьер-министра Ашары Комайд, 1721 г.

Она просыпается среди ночи. И пытается не закричать. Крик бьется в глотке, раздувается внутри пузырем горячего воздуха, и она колотит руками и ногами, пытаясь ухватиться, уцепиться хоть за что-то, вот правая рука сминает в комок простыню, ступни уперлись в каменную стену... Она бьется и сопротивляется, а мозг упрямо твердит, что она все еще там, в посольстве, пять лет назад, рука ее завалена обломками, небо заплыло дымом, а мир рухнул, провалился и обрушился в одно мгновение. И она ворочается на простынях, но все равно видит молоденького солдата: он лежит ничком на бетоне, а в ухе все набухает и набухает капелька крови, а потом она надувается и вытекает красной дорожкой, еще и еще одной, и они бороздят гладкую щеку парнишки, который так и не успел обзавестись щетиной.

Мулагеш вслушивается – а где же шум волн? Она знает, волны никуда не делись. Она знает, где находится. Просто нужно за что-то уцепиться и держаться.

Наконец она улавливает тихий равномерный гул прибоя, вода шуршит песком, отползая с берега – всего в нескольких сотнях ярдов от ее домика.

Ты в Джаврате. И ты знаешь, что ты в Джаврате. Не в Мирграде. Все это случилось давным-давно. Было и прошло. Просто слушай шум прибоя...

Она пытается вспомнить, как это – расслабиться. Надо просто приказывать каждой мышце по очереди – все, хватит. Ну вот, тело обмякло. И тогда его заливают боль – потому что каждая мышца помнит, как это – напрячься до упора, в камень, чуть ли не до разрыва.

И она выдыхает и двигает руками и ногами – так можно растяжение или вывих себе заработать... Но нет, обошлось. Все болит, но все обошлось...

Она смотрит на будильник. Еще даже полуночи нет. Но уснуть сегодня ночью больше не выйдет.

Ну и ладно. Подумаешь – четыре часа подождать. Ей абсолютно не улыбается сидеть на пристани и ждать корабля. Незачем ей там сидеть. Не хочется на людей глазеть. И чтобы они на нее глазели – тоже не хочется.

Взгляд ее переходит к предмету, что лежит справа от будильника: человеческая рука из темного дуба, пальцы застыли в полусогнутом состоянии. Мастер сказал, что так будет легче предметы брать, и оказался прав, но Турин Мулагеш так и не освоилась с этой полусогнуто-стью: рука кажется ей слишком, до боли, напряженной, словно ей так хочется ухватить что-то, что даже пальцем не пошевелить...

Мышцы живота отзываются на то, что она встает, резким протестом, Мулагеш стонет. Она берет протез и прилегающую к нему сбрую, пролезает в знакомые, хорошо размятые

ремни и аккуратно пристегивает протез к культе – рука ее заканчивается в нескольких дюймах над запястьем. Оборачивает мягким хлопковым рукавом предплечье, закручивает четыре кожаных ремня, застегивает их, натягивает посильнее.

А потом еще долго возится, то ослабляя их, то наоборот. У нее никогда не получается пристегнуть все с первого раза, всегда что-то не так. Она знает, что у нее никогда не получится сделать все идеально.

Сидя в темноте, генерал Турин Мулагеш пытается снова почувствовать себя целой.

* * *

Мулагеш щурится: пассажирский лайнер «Кайпи» подходит к пристани, подобный белому ножу на темной скатерти моря. Она не сразу понимает: это не корабль еле движется – просто у него размер такой. Он огромный, невероятно огромный, почти восемьсот футов длиной. Надо же, раньше такие только для военных нужд и делали, а теперь, по истечении восьмидесяти лет, сайпурская сверхдержава вбухивает огромные ресурсы в роскошный отдых и прочие декадентские забавы.

Однако не гигантский лайнер так бесит Мулагеш, нет. Все дело в том, что она сидит на пристани в окружении многочисленных семейств, голосащих малышей, мрачных подростков, сплетающихся в объятиях голубков-влюбленных и пожилых пар, прямо-таки излучающих удовлетворенность и тихую радость при взгляде на море.

Похоже, Мулагеш – единственная, на кого пребывание в Джаврате не подействовало благотворно. Все вокруг – в легкой тропической одежде, чуть ли не полуголые, а она – нет. Она выглядит совершенно иначе: сидящие волосы собраны в тугий узел, на плечах – чудовищных размеров военная плащ-палатка, прикрывающая протез. Единственная уступка тропическому климату – синие солнечные очки. Впрочем, она их нацепила, чтобы похмельные круги под глазами не так было видно...

Через синие линзы она рассматривает их всех: отцов семейств в коротеньких шортах на слишком длинных худых ногах, неловких, болтающих на своем птичьем языке детишек, таких милых и до боли открытых. Она с завистью наблюдает за ласкающими друг друга любовниками.

«Когда я успела проскочить мимо всего этого? Чистые, без единого шрама лица, носы не сломаны, плечи гладкие, никогда не знавшие тяжести армейского рюкзака... – Она поправляет рукав, натягивая его на протез. – Когда я успела так постареть? Когда, мать твою? Когда я успела превратиться в старуху?»

Мулагеш вздрагивает от пронзительного звука корабельного свистка – оказывается, она так глубоко задумалась, что пропустила момент, когда лайнер подошел к пристани. Она понимает рюкзак. Главное – не думать о поездке. Не думать о том, что она отправляется обратно. На Континент. На Континент, где в боях прошла ее молодость, где десятилетие за десятилетием она воевала с идиотской бюрократией. А потом потеряла руку. И все это время за ней наблюдали из тени мертвые тамошние боги.

* * *

Сказать, что «Кайпи» – роскошный лайнер, ничего не сказать. Но Мулагеш не удостаивает взглядом ни резные потолки, ни ценную древесину, из которой сделаны палубы. Она марширует в свою каюту – кстати, явно не первого класса – и укладывается. Ждать ужина. Корабль отходит, а она все лежит и спит, удобно устроившись в складках плащ-палатки. Надо же, она забыла, как это удобно, как мягко в ней ложится рукам и ногам... И сразу вспоминаются долгие походные ночи, холод, дождь и грязь – обычному человеку такие воспоминания не по нраву, но для Мулагеш они окутаны розовой дымкой ностальгии...

«С ума сойти, – проскакивает в ее сонной голове, – о чем я думаю? Я плыву на роскошном круизном лайнере и с удовольствием вспоминаю о всяких гадостях солдатской жизни...»

А когда она просыпается, небо уже затянуто пурпурной дымкой. Мулагеш смотрит в иллюминатор, потом на часы – ну вот, уже 16:00. Пора идти. И она встает и направляется в отдельный кабинет «Тохмай».

Стоящий перед дверями служащий почтительно осведомляется, какая компания внесла ее в списки.

– «Тивани индастриз», – отвечает она.

Он находит ее имя, кивает и с улыбкой открывает перед ней дверь.

Мулагеш идет вперед и дальше по длинному узкому коридору и в конце концов оказывается в собственно кабинете. Как и все на этом корабле, помещение отделано с крикливой роскошью. Интересно, сколько они заплатили за ее сраный билет, а? А вот за стойкой бара, увы, никого нет. Единственный человек в комнате сидит за столом перед рядом стеклянных дверей с видом на бескрайнее темное море.

Питри Сутурашни слышит, как она входит, встает ей навстречу и улыбается. Лицо у него зеленоватое, а еще от него отчетливо пахнет рвотой.

– Добро пожаловать! Генерал... Рад вас видеть.

* * *

– Ятак понимаю, – цедит Мулагеш, – вы меня посадили на этот корабль, потому что он первый под руку подвернулся.

– Вы совершенно правы. Вы ценный сотрудник, но мы обычно не прибегаем к таким средствам передвижения.

Питри икает и залепляет ладонью рот.

– Ведро принести?

Питри задумчиво покачивает головой, словно решает, нести или не нести ведро.

– Пожалуй... настоящий сайпурский патриот всегда готов отправиться в плавание, но мне, увы... далеко до настоящего сайпурского патриота...

– Да, Шара тоже всегда слаба желудком была, – кивает Мулагеш, присаживаясь. – Бывало, покажешь ей фотографию корабля – и раз, весь завтрак уже по стенкам разблеван.

Лицо Питри зеленеет еще сильнее.

– Я так вижу, корабль идет курсом на Аханастан. Это там планируется операция?

– Нет, – отвечает Питри. – Из Аханастана вам предстоит отправиться на корабле в пункт назначения. И хотя Шара снабдила меня исчерпывающими указаниями, я бы предпочел, чтобы она рассказала вам все сама.

– Сама? – переспрашивает Мулагеш. И оглядывается. – Она что... здесь?

Питри тянется к сумке, лежащей около кресла, вынимает оттуда деревянный ящичек и ставит его на стол перед собой.

– Так что, Шара здесь? – настаивает Мулагеш.

– В определенном смысле – да, – кивает Питри.

Он сдвигает стенку ящичка, и там обнаруживается медная трубка, которую он направляет на Мулагеш. А под верхней стенкой находится маленький, масляно блестящий черный диск. Питри секунд двадцать крутит ручку сбоку ящичка, потом нажимает на кнопку, и ящик издает змеиное шипение.

– Это что еще за гадство? – интересуется Мулагеш. – Очередная штука-дряка?

– Это один из многообещающих новых проектов Департамента реконструкции, – слегка обиженно отзывается Питри.

– Ах, Департамента реконструкции! Тогда все ясно: они что ни реконструируют, все говно получается, – кивает Мулагеш. – Страшно подумать, что будет, когда эти ребята доберутся до туалетов.

Питри снова вздыхает, вынимает из сумки папку и протягивает ей. Обложку украшает толстая печать красного воска. Совершенно гладкая, безо всяких гербов и надписей. Значит, то, что лежит в этой папке, явно пришло не по официальным каналам.

– Сломайте печать, когда она вам скажет, – говорит Питри.

– Она?

И тут из глубин ящичка раздается шипение, а потом голос – тихий, немного грустный и явно принадлежащий женщине заметно старше той, которую Мулагеш знала:

– Здравствуй, Турин.

– Ох, – дергается Мулагеш. – Шара?

– Она вас не слышит, – поясняет Питри. – Это запись. Здесь только звук, как в телефоне.

Мулагеш опасливо косится на ящичек.

– И откуда он идет, этот звук?

– Ну... наверное, он записан на этот маленький черный диск... По крайней мере, я так думаю. Они когда мне объясняли, кучу страниц графиками изрисовали. Так или иначе, мне пора уходить.

– Питри, – снова слышится через потрескивание призрачный голос Шары, – если ты все еще здесь, можешь идти.

– Вот видите? – говорит Питри.

Он снова улыбается и выскальзывает из комнаты на балкон. А Мулагеш остается наедине с ящичком и папкой.

* * *

– Надеюсь, у тебя все хорошо, Турин, – продолжает говорить Шара. – Надеюсь, ты хорошо провела время в Джаврате. Прости, что поручаю тебе это задание, но... все слишком хорошо складывалось, чтобы я могла устоять и не обратиться к тебе. Прошло всего десять месяцев, и ты все еще известный генерал, избегающий внимания публики. И у тебя есть веская причина для того, чтобы находиться на Континенте: ты можешь ехать с инспекцией куда угодно, и все будут думать, что тебе это нужно исключительно для того, чтобы выслужить пенсию. Что наша страна оказывает тебе услугу перед тем, как отправить старую добрую лошадку на заслуженный, так сказать, отдых.

– Конечно! – сердится Мулагеш. – Давай уж без экивоков, что ли...

– Разумеется, странно посылать с такой миссией генерала с твоей репутацией, – продолжает призрачный Шарин голос, – но, помимо всех «за» и «против», есть еще одно: я полагаю, что эта миссия подходит тебе лично как человеку, по ряду причин, которые, я надеюсь, скоро станут ясными. Сейчас я все расскажу. Запись невозможно проиграть вторично, поэтому слушай внимательно.

Мулагеш наклоняется к ящичку, почти касаясь ухом медной трубки.

– Два года назад на Континенте было сделано открытие: одно из наших отделений обнаружило месторождение странной рыхлой руды на гористом западном побережье. Открытию не придавали особого значения, пока в качестве эксперимента команда местного губернатора не попыталась пропустить через этот металл электрический ток.

И они обнаружили, что проводниковая способность металла превышает все ранее виденное. Если ты в курсе, не существует идеальных проводников – и медные, и стальные провода теряют в мощности, пока по ним идет ток. А этот металл – нет. Он работает вообще без потерь.

А еще... некоторые сведения заставляют думать, что у этого металла есть и другие свойства, гораздо более странные, и их немало...

В комнате повисает молчание.

– Я не знаю, доверять или нет этим отчетам. Поэтому я хочу, чтобы ты лично приехала, увидела все своими глазами и оценила ситуацию.

Что-то в голосе Шары наполняет душу Мулагеш тревогой. Что-то странное есть в этом призрачном звуке: будто бы слова, которые она произносит, обретают плоть и кровь, и это-то и есть самое страшное.

– Если мы сможем использовать весь потенциал этого металла, произойдет настоящая научно-техническая революция – и в Сайпуре, и на Континенте, который отчаянно нуждается в электрификации и отоплении. В деле будут участвовать сильнейшие промышленные компании, им это очень выгодно. Тем не менее я пока воздерживаюсь от обнародования сведений. Прежде всего, потому, что наши ученые и инженеры пока не могут объяснить, чему этот металл обязан своей идеальной проводимостью. То есть с обычными проводниками все ясно. А с этим вообще ничего не понятно. А я не склонна доверять тому, что не могу объяснить, – тут ты меня, я думаю, понимаешь.

Мулагеш кривится – еще бы, она очень хорошо понимает Шару. Если металл обладает удивительными свойствами, которые невозможно объяснить с научной точки зрения, вполне вероятно, эти свойства – чудесного происхождения. То есть этот металл – продукт жизнедеятельности или создание одного из древних Божеств Континента. Шара и ее прапрадедушка, благословенный кадж Сайпура, немало поспособствовали тому, что практически все Божества Континента ушли из жизни, а их чудесные создания и диковины утратили божественные свойства и тоже, так сказать, умерли. А если эта штука все-таки чудесная, то, увы, вполне возможно, что еще одно континентское Божество совсем не так мертво, как нам хотелось бы верить.

– Ты, наверное, думаешь, и думаешь правильно, что я обеспокоена происхождением этого металла. Он может быть божественным по своей природе, – продолжает Шарин голос. – Тут ты, наверное, удивишься, почему я посылаю с заданием тебя, а не кого-нибудь из Министерства иностранных дел и с опытом обезвреживания божественного и чудесного.

– Точно, я удивилась, ага, – бормочет Мулагеш.

– Ответ прост. Мы послали туда человека. Восемь месяцев тому назад. А через три месяца она пропала. Исчезла. Без следа.

Мулагеш заламывает бровь:

– Хм-м-м...

– Ее зовут Сумитра Чудри, – говорит Шарин голос. – Ее досье – в папке, которую тебе передал Питри. Как я и сказала, она занималась исследованиями три месяца, сидела на местной военной сайпурской базе. Последние ее сообщения выглядели бессвязными, а затем в один прекрасный день Чудри просто исчезла. Ни с того ни с сего. Наши войска организовали поисковую операцию, но не нашли никого и ничего. Они также не обнаружили следов... необычного воздействия.

Слышится звон стекла, звук наливаемой в стакан воды. Шара шумно отпивает из стакана.

– Я говорю о необычном воздействии, потому что металл был обнаружен в Вуртьястане. Именно туда тебе и предстоит отправиться.

– Твою мать! – подсказывает Мулагеш. – Мать твою так и разэтак! Задери тебя тысяча демонов, Шара, это шутка такая, да?

Шара снова отпивает из стакана.

Потом Шарин голос произносит:

– Я дам тебе пару минут, чтобы прийти в себя.

* * *

Тут Мулагеш прорывает, и она сообщает ящичку массу нелестного. В основном она говорит, что и как сделает с Шарой после того, как вернется в Галадеш – если, конечно, она туда вернется, потому что в сраном Вуртьястане, в этой жопе мира, два шанса из трех, что ее прирежут, или утопят, или она сама от чумы помрет, это ж надо, куда она ее послала!

В тьмутаракань! В такую глубинку, на такой дальний кордон, куда отправляют лишь тех, кто не с тем переспал или не того убил!

– ...да срать я хотела, хоть в тюрьму меня после этого сажайте! – орет Мулагеш ящичку. – Кишки выньте и четвертуйте! Я это все с тобой сделаю прямо среди бела дня, и срать я хотела на пышные твои титулы!

Из ящичка доносится звук еще одного глотка воды. Шара Комайд явно никуда не спешит.

– Ты вытаскиваешь меня из Джаврата, чтобы посадить на корабль, идущий в Вуртьястан, без предупреждения! – орет Мулагеш. – Это нечестно! Это подло, наконец!

Шара продолжает прихлебывать воду из стакана.

Мулагеш закрывает лицо руками.

– Проклятье. И что мне теперь делать?

– Надеюсь, ты постепенно успокаиваешься. – Шарин голос звучит холодно.

– Да пошла ты в жопу, – отзывается Мулагеш.

– Думаю, тебе станет легче на душе, если ты узнаешь, что военная база, о которой идет речь, – это собственно штаб-квартира местного губернатора, форт Тинадеш. Так что ты окажешься, я надеюсь, в регионе, который находится под нашим жестким контролем. Как ты знаешь, крепость стоит вне Вуртьястана, за чертой города, так что ты будешь находиться в достаточно... цивилизованном месте. Во всяком случае, по сравнению с остальной провинцией.

– Все равно не фонтан.

– Я понимаю, что ты скажешь, что это все равно не фонтан, – слышит она Шарин голос. – Но мы также придадим тебе в пару наш контакт, человека, который поможет тебе акклиматизироваться в Вуртьястане и вникнуть в тамошнюю ситуацию. Питри расскажет тебе обо всем подробнее.

Мулагеш вздыхает.

– Мне нужен там, на месте, человек, которому я могу доверять, Турин. Мне нужен там кто-то, кто может точно установить, есть ли основания считать, что этот металл имеет божественное происхождение, а также сумеет расследовать исчезновение Чудри.

– А еще что мне нужно сделать? Пойти туда, не знаю куда? Принести то, не знаю что? Поймать небо в пивной стакан?

Меж тем Шарин голос продолжает говорить:

– К вопросу о том, что ты – единственный сотрудник, способный выполнить это задание. Дело в том, что новый губернатор Вуртьястана – генерал Лалит Бисвал.

Это имя обрушивается на Мулагеш подобно удару молота. Она сидит, не находя слов от изумления, и таращится на ящичек.

– Нет, – наконец шепчет она.

– Поскольку вы оба сражались во время Лета Черных Рек, – продолжает неторопливо говорить Шара – совершенно не подозревая, насколько потрясена Мулагеш, – я надеюсь, это может дать тебе некоторую фору – фору, какой не будет у большинства оперативников.

Его лицо возникает в памяти Мулагеш: перепачканный грязью молодой темноглазый парень смотрит на нее из траншеи, а небо мочится на них редким дождем. И хотя сейчас ему где-то шестьдесят пять, помнит она его именно таким...

– Нет, нет, нет, – шепчет Мулагеш.

– И хотя Бисвал в том же чине, что и ты, думаю, он с пониманием отнесется к официальной причине твоего вояжа – и это делает твою легенду еще более удачной. Он прекрасно знает все ходы и выходы в военной бюрократии и много раз становился свидетелем подобных поездок.

Мулагеш просто сидит и молча смотрит на ящичек на столе. Интересно, что за смертный грех она совершила, что ее настигла такая судьба?

– Еще есть проблема с гаванью, – продолжает Шарин голос. – Как ты знаешь, Сайпур сотрудничает с Вуртьястаном и Соединенными Дрейлингскими Штатами в деле сооружения второго международного порта на Континенте. Это не должно повлиять на ход выполнения твоего задания – так я надеюсь, – однако проект сам по себе непрост и генерирует много напряжения в регионе.

– Отлично, – стонет Мулагеш.

Шара затем быстро проговаривает, по каким каналам Мулагеш должна связываться с ней, чтобы направлять отчеты, какие шифры и прочие приемы спецслужб применять.

– Так или иначе, подобные вещи можно будет использовать лишь в экстремально сложных ситуациях, – говорит Шарин голос. – В связи с... осложнениями в политической обстановке подлинная цель этой операции не должна стать достоянием гласности. В противном случае это может иметь крайне негативные последствия. Вот почему я буду держаться в стороне от операции, хотя, поверь, мне она не нравится так же, как и тебе. Впрочем, я уверена, что ты сможешь преодолеть любые препятствия на своем пути.

– Вот дерьмо-то какое...

– Я также хотела бы тебя поблагодарить за то, что ты согласилась участвовать в операции, Турин, – говорит Шара. – Кроме тебя, мне даже никто на ум не приходит. Только тебя я могла послать в Вуртьястан. И я хотела бы поблагодарить тебя за то, что ты вернулась ко мне – хотя бы лишь для того, чтобы выполнить одну эту миссию. Не скажу, что я хорошо понимаю причины, по которым ты подала в отставку, но иногда мне кажется, что – да, я их понимаю.

– Ты прекрасно все понимаешь, Шара. Иначе бы не послала мне то письмо...

– Еще раз благодарю тебя за поддержку, друг. Твоя страна воздает тебе почести за службу – в прошлом, настоящем и будущем. Удачи.

Шипение, щелчок – и голос пропадает.

* * *

Дверь кабинета «Тохмай» приоткрывается. Питри стоит на балконе, заложив руки за спину, и любуется залитым лунным светом морем. Услышав скрип двери, он оборачивается и запоздало понимает, что в руке у Мулагеш стеклянный стакан, полный явно недешевого спиртного.

– Г-где вы это взяли?

– В баре, естественно.

– Но... но нам же придется платить за это...

– Ты знал?

– Что именно?

– Что Шара отправляет меня в демонов Вуртьястан?

Питри колеблется, затем выдавливает:

– Ну... я где-то так подозревал...

– Проклятье, – бормочет Мулагеш.

Единым духом осушает стакан, размахивается и швыряет его за борт. Питри наблюдает, как хрустальная посуда ценой в сорок, а то и в пятьдесят дрекелей исчезает в бурных волнах океана.

– Куда она меня послала? Она послала меня вынюхивать, есть ли там что-нибудь божественное! Только этого мне и не хватало! Словно я уже недостаточно этого всего нанюхалась и насмотрелась! Когда мне уже можно будет отдохнуть, а?

– Но вы же там будете среди друзей, а не среди чужих, правда? Вот и генерал Бисвал там! А он ваш старый боевой товарищ. И потом, почему вы решили, что ваше героическое прошлое – это обязательно прошлое, вы еще вполне...

И осекается, потому что лицо Мулагеш становится непроницаемым, каменным – циничную ухмылку как водой смыло. Генерал стоит и смотрит на море. И хотя Мулагеш и до того была недовольна заданием, сейчас Питри понимает: она испугана. Он впервые видит ее такой.

– Он не был моим боевым товарищем, Питри. Он был моим командиром. Если честно, я думала, он давно погиб. Я о нем сто лет ничего не слышала. И как так вышло, что его назначили региональным губернатором Вуртьястана?

– Предыдущего убили, – отвечает Питри, – и никто не хотел идти на эту должность.

– Понятно.

– А они решили, что он – лучшая кандидатура. Я так понимаю, у генерала Бисвала большой опыт... зачистки завоеванных территорий.

– Можно и так выразиться, – говорит Мулагеш.

Питри смотрит на нее:

– На что это было похоже?

– Что? Лето Черных Рек?

– Да.

Мулагеш долго не отвечает.

– Ты хорошо помнишь Мирградскую битву, Питри? – тихо спрашивает она.

– Д-да.

– Ты хотел бы снова увидеть нечто подобное?

– Это, наверное, проявление трусости, но... нет. Нет. Я не хотел бы.

– Разумный выбор. Так вот. Я скажу так: то, что Бисвал – и я – сделали с Континентом в Лето Черных Рек... в общем, по сравнению с этим Мирградская битва – детская игра в крысу.

Питри не отвечает. Мулагеш смотрит на море и водит указательным пальцем правой руки по деревянным костяшкам большого пальца протеза.

– Вали отсюда, Питри, – говорит Мулагеш. – Я хочу побыть одна.

– Да, мэм, – говорит он и уходит с балкона.

3. Прогресс

Сайпурицы с гордостью утверждают, что они были лишены божественной помощи и потому им пришлось думать собственными головами. Мы так уверены в этом, потому что у нас не было выбора: изобретать что-то новое или не изобретать. Точнее, единственный наш выбор был идти вперед или умереть.

Это отчасти правда. Однако записки Валлайши Тинадеши позволяют нам по-другому взглянуть на проблему неожиданного научно-технического прорыва Сайпура: оказывается, мы многим обязаны забытому континентскому святому Тории.

Самое поверхностное изучение мирградских отчетов о совершенных казнях подтверждает тот факт, что Тория был святым из числа таалвастан и большую часть своей жизни провел в Сайпуре, будучи отправлен туда в 1455 году. Таалвастан, последователи божества-строителя Таалавраса, становились архитекторами, инженерами, дизайнерами и машиностроителями – словом, людьми, которым нравилось экспериментировать с техникой и всем, чем одаривала нас смертная жизнь, – всегда при поддержке божественных чудес, благодаря которым многие их изобретения и работали.

Тория умирал от скуки в своей сайпурской усадьбе и оттого беспрестанно побуждал своих слуг предлагать ему ради развлечения всякие технические задачи и проблемы. В результате на свет появились ролики, на которых слуги могли быстро кататься по длинным коридорам, а также плита с конвекционной духовкой, в которой хлеб пекся в два раза быстрее, чем в обычной.

Насколько нам известно, все эти изобретения были порождены скукой, а не жаждой помочь слугам в их каждодневных делах.

И тут один из его сайпурских слуг понял, что грех не воспользоваться благоприятным случаем. В течение нескольких месяцев он предлагал вниманию хозяина разнообразные – и всегда занимательные и сложные – вопросы, и Тория так увлекся, что в 1457 году ему пришлось создать и записать несколько базовых законов, согласно которым функционировал смертный мир: так появились базовые математические и физические правила и формулы, которые не задействовали божественные начала, а также некоторые изобретения, основанные на использовании этих законов. Поскольку в распоряжении Тории находилось множество божественных механизмов с потрясающими свойствами, законы эти удалось сформулировать четко, быстро и без погрешностей.

Это привело к самой настоящей научно-технической революции. Слуга тайно переписал трактаты Тории и разослал их по всей стране. Уже через десять лет сайпурские фермеры пользовались благами ирригации, а строители в кратчайшие сроки возводили более прочные здания. Однако появление ткацкой машины на паровой тяге – небольшой, но тем не менее она тоже стала прорывом, – так вот, ее появление в 1474 году привлекло нежелательное внимание. Ибо создавший ее сайпурец жил в колонии вуртьястани – а последователи Вуртьи понимали, что такое власть и знание, лучше, чем таалвастан.

Вуртьястани справедливо предположили, что кто-то обучил всему этому сайпурицев, и быстро обнаружили, что это был святой Тория. Тогда они казнили всех слуг и рабов, которые когда-либо контактировали с усадьбой Тории, и направили в Мирград петицию, требуя

не просто лишить Торию духовного сана, но казнить его. Они получили желаемое, и в 1475 году Торию подвергли жесткой казни через выпускание кишок – за преступления против континентских колоний.

Однако победа вуртьястани оказалась неполной: трактаты Тории продолжали существовать и использоваться в глубокой тайне. Когда сам кадэ в 1636 году создавал свое таинственное оружие, способное убить Божество, он неоднократно цитировал трактаты Тории в своих записях. И когда в 1640 году Валлайша Тинадеши инициировала великую научно-техническую революцию, обеспечившую мировую гегемонию Сайпура, она во многом опиралась на работы святого Тории, написанные на два с лишним столетия ранее.

Сайпуры – гордая нация, и им нелегко принять, что континентцы во многом способствовали их техническому прорыву. Однако, забывая об этом, мы забываем великий закон истории: раб способен использовать любое средство для того, чтобы вырваться на свободу, – даже если изначально это средство принадлежит хозяевам.

Доктор Ефрем Панъюй. «Нежданная гегемония»

Сначала дождь – мерзкий, бьющий по ушам дождь. Ливень такой силы, что Мулагеш просто ошарашена его дикой яростью. Мулагеш последнее время не выходит из каюты дрейлингского грузового судна «Хьемдаль», однако теперь она не так уверена, что хочет того, о чем молила последние две недели: чтобы эта бесконечная череда кораблей закончилась уже и она ступила на твердую землю...

На землю, но не такую. Какая, к демону, земля – ее наверняка затопило этой дождиной...

Мулагеш приставляет ладонь козырьком ко лбу – чтобы глаза не залило, – выходит на палубу и осматривается.

Ее взгляду открывается невероятной ширины устье реки – Солды, той самой, что течет через Мирград, город, в котором она провела два десятилетия своей жизни. По обеим сторонам реки высятся мощные, ошестинившиеся скалами утесы, постепенно уходящие в воду острыми, бритвенно острыми уступами и обломками. Не зря город называют Городом Клинков, не зря... Выглядит это так, словно две горы рухнули и с тех пор медленно оползают в воду – однако среди камней и кряжей горят огни, выются дымы и светятся тысячи окон.

– Значит, вот ты какой, Вуртьястан, – мрачно говорит Мулагеш. – Что ж. Чего-то такого я и ожидала.

А потом глазам ее предстает гавань. Точнее, то, что однажды станет гаванью – если станет.

– Охренеть, – тихо говорит она.

Главная проблема с тем, чтобы оказать помощь Континенту, а также общая цель всех восстановительных и гуманитарных усилий Шары – это проблема доступа. Новейшая история Континента знает лишь один пригодный для эксплуатации международный порт – Аханастан, и он всегда был главным сайпурским плацдармом на континентском побережье. Однако, если задаться целью наладить снабжение и финансирование всего Континента, одного порта на вход и выход судов окажется маловато.

Когда климат Континента изменился – и продолжал становиться все холоднее, поскольку Божества уже не могли чудесным образом влиять на погоду, – остался единственный незамерзающий порт – порт Вуртьястана. А Вуртьястан, так уж вышло, стоит над устьем Солды. Тот, кто контролирует устье, получает – и предоставляет целому миру – доступ ко всем тайным уголкам Континента.

Давным-давно в Вуртьястане, конечно, имелась гавань. На самом деле, во времена Божеств гавань эта была огромной, больше и оживленнее любой современной – сейчас даже вообразить себе невозможно насколько. Однако пользовались ею в невыразимо ужасных целях – современные сайпуры содрогаются от ужаса при одной мысли о них.

– Всякое препятствие, – любила говорить Шара (до того как ее собственная карьера оказалась под угрозой из-за великого множества препятствий), – это шанс продвинуться вперед.

Разве не станет невероятно резонансной, огромного символического значения победой то, что Сайпур построит новый порт в Вуртьястане и поставит его на службу благому делу? Не будем ли все мы спать спокойнее, зная, что Вуртьястан, самый опасный и отсталый из городов, постепенно – подобно ослу, идущему вперед за морковкой, – модернизируется?

Вот почему было решено, что Департамент реконструкции с одобрения полиса Вуртьястан восстановит древнюю гавань, оказав таким образом скорейшую помощь в восстановительных работах другой части Континента и превратив Вуртьястан во второй по богатству и ресурсам город на Континенте.

А вот кто должен заниматься собственно строительством – это был отдельный вопрос. Сайпур – морская держава и недостатка в подрядчиках, конечно, не испытывал: дюжина компаний с охотой взялась бы за этот контракт на порт. Но цены у них тоже были сайпурские, то есть астрономические. Некоторое время казалось: порт не построить. Если, конечно, не случится какое-нибудь чудо финансового характера. И тут недавно основанные Соединенные Дрейлингские Штаты, унаследовавшие от предшественного уродливого и насквозь коррумпированного государственного образования, Дрейлингских республик, пустую казну, предложили взяться за строительный подряд за такую смехотворную цену, что люди переглядывались и не могли взять в толк: они что там, рабскую силу собираются использовать? В конце концов тендер выиграла Южная Дрейлингская компания – или ЮДК, как многие предпочитали ее называть.

Однако Мулагеш уже приходилось слышать, что подрядчики столкнулись со множеством неожиданных проблем, а строительные работы оказались куда сложнее, чем изначально предполагалось. Мулагеш помнила, как ей рассказывали: устье Солды в значительной степени перекрыто каменным крошевом и обломками – страшное наследие Мига, уничтожившего город. И насколько она знала, лучшие инженеры ЮДК до сих пор сидели и растерянно чесали за ухом, не зная, что делать со всем этим счастьем...

А вот сейчас она стоит на борту корабля в Солдинской бухте и видит: а работы-то продвинулись. Значительно так продвинулись!

В устье вздымается лес драг – каждая под сто пятьдесят футов высотой, – причем землечерпалки выстроены в линии, расходящиеся от берега. Некоторые краны сооружают другие краны, и стройные ряды их уходят все дальше и дальше в море, в то время как краны у берега разбирают ближайшие к ним драги. Блестящее решение, хитрый лабиринт, сбивающий с толку самый пытливый взгляд, инженерное чудо – вот что видит Мулагеш и дивится про себя: «Они тут трудятся, чтобы восстановить лежащий в руинах божественный город или без следа снести его с лица земли?» На берегу кипит работа: тем, кто в море, без устали помогают люди в построенных на скорую руку цехах и временных причалах. Дышавший на ладан мегаполис на глазах перерождается в город, которому суждено стать финансовой и торговой столицей западного побережья Континента.

Однако... где же все эти камни и обломки, которые краны должны выуживать из воды? Их совершенно не видно! Куда их дели? Солдинская бухта чиста и просторна...

– Здесь мы заложим крутой вираж, мэм, – предупреждает капитан «Хьемдаля». – Крепко держитесь за леер, мэм.

– Вираж вокруг чего? – подозрительно спрашивает Мулагеш. – Я, демон заberi, думала, мы в открытом море, капитан!

– А вы перейдите на борт, с которого порт видно, да и посмотрите вниз, – отвечает капитан, – может, что и увидите интересное.

И Мулагеш, крепко держась за леер, перебирается туда и смотрит.

Палуба ходит ходуном под ногами. Темные воды разбиваются о корпус корабля. Сначала она ничего не видит, а потом...

В полудюжине футов от корабля вода взбаламучена, волны перекатываются через что-то, а ведь там должна быть водная бездонная гладь, разве нет?... Она прищуривается и... что-то там такое есть под водой, прямо под ними...

Что-то белое. Что-то широкое, гладкое и лунно-бледное, прямо под поверхностью воды. «Хьемдаль» закладывает вираж вокруг этого чего-то, и... да! В белой поверхности виднеется какое-то отверстие, длинное, узкое, сверху заостренное, а внизу прямое, а вот и узор вокруг него идет, а это... что это? Это же ставня! Ставня свисает на заржавленной петле! Сколько же этой ставне лет...

Во имя всех морей. Это же окно.

– Это же... это же здание. Дом, – говорит она вслух и оглядывается. – Там... там дом под водой!

– Добро пожаловать в старый Вуртьястан, – произносит капитан с поддельной веселостью. И машет в сторону устья Солды. – Правда, сейчас его толком уже и не разглядишь. Сдвигают его, мэм, спихивают в море – на триста футов. Как торчало все, так и торчит, только ниже по шельфу.

Тут он ухмыляется и смеется, хитро прищурившись.

– Так он – под водой? – изумляется Мулагеш. – Слушайте, подождите... Выходит, то, что Солду перегораживало, весь этот мусор с обломками, это что же... сам город был? А почему я об этом раньше ничего не слышала?

– Потому что никто не выжил, чтобы рассказать, мэм, – отвечает капитан. – Тут бухта – одно сплошное минное поле, мэм, мы дальше в нее не пойдем, а потом вы на берег спуститесь, сами посмотрите на этих континентцев, они ж дикие все... в общем, сами все поймете.

И тут он видит маленький катер, отважно несущийся к ним через лес кранов.

– А вот и ваш эскорт, мэм. Уверен, у вас с ними найдется о чем поболтать, мэм...

* * *

Катер мчит ее через бухту, пена слетает с барашков волн под ревушими ударами ветра. Мулагеш прикрывает глаза ладонью, штормовые порывы бьют со всех сторон, но она силится разглядеть берег. Что ж, что-то они успели приличное построить: вон с западной стороны форпостом цивилизации высится высокий красивый маяк, медленно обводящий лучом штормовые волны, его свет пляшет на пене. А за ним – о, за ним стоит большое покрашенное в веселенькие цвета здание из дерева и камня. Как-то не подходит этот милый домик темному унылому здешнему пейзажу... К дверям здания ведет лестница, с обеих ее сторон полощутся знамена с вышитыми буквами ЮДК.

– Смотрите-ка, штаб-квартиру уже построили, ну дают, – бормочет Мулагеш.

Катер причаливает с восточной стороны маяка. На пристани никого, хотя нет, вон человек стоит над водой, в темноте вспыхивает огонек сигареты. На человеке толстый плащ из тюленьего меха, капюшон надвинут, так что лица не разглядеть.

Мулагеш, неловко перебирая руками – протезом-то не больно уцепишься, – спускается по веревочной лестнице на причал. Человек на дальнем конце пристани приветственно взмахивает рукой.

Как там Питри сказал, сажая ее на «Хьемдаль»? Мы вам нашли напарника, он с вами свяжется по прибытии.

– Это кто же такой? – поинтересовалась она.

А ей Питри: лучше человека не найти, целого главного инженера ЮДК мы вам в сопровождение придадим. Уж они-то как никто знают, что там и как в Вуртьястане. Кстати, имя-то, имя, они так и не назвали. А она не спросила, как этого главного инженера зовут.

Мулагеш шагает по пристани, поддерживая на плече сумку.

– Вы за мной? – орет она в сторону темной фигуры.

Та лишь снова машет рукой. Подойдя поближе, Мулагеш видит – у человека на груди тоже инициалы компании вышиты, правда, как-то по-другому: фон такой желтый, веселенький, а внизу кранчик.

– Благодарю, что пришли встретить меня, – говорит Мулагеш, подходя поближе. – Правда, какая хрен разница, меня сейчас этим дождем смо...

Она осекается. Человек сдвигает капюшон плаща.

Мулагеш ожидает увидеть насупленного, красномордого сурового дрейлинга, такого классического прораба или докера, лысоватого, и лицо все в шрамах и красных звездочках лопнувших сосудов. А встречает ее... ух ты! Встречает ее необыкновенной, поражающей красоты дрейлингская женщина чуть за тридцать. Скулы высокие, волосы светлые, а глаза – ледяные, синие, так и сверкают под стеклами очков в строгой оправе. И высокая какая, в ней росту больше шести футов, поэтому над Мулагеш она просто нависает, как тот кран. Женщина затягивается напоследок сигаретой и выкидывает ее в море – та сердито шипит, жалуясь на то, что ее бросили. И встречающая улыбается Мулагеш.

Какая интересная у нее улыбка. Сразу видно женщину обаятельную, умную и до ужаса проницательную. И очень внимательную: ее алмазно-острый взгляд подмечает все, на что падает. Но самое главное, ее широкая, белозубая улыбка сообщает, что тот, кому она принадлежит, – в этом доме хозяин и самый умный человек на каждом квадратном метре площади.

Женщина говорит:

– Добро пожаловать, генерал, в полис Вуртьястан. Надеюсь, вы остались довольны нашим экипажем и поездкой?

Мулагеш продолжает разглядывать лицо женщины. Что-то в нем видится знакомое такое, но что...

Ах, вот оно что. Если один глаз закрыть повязкой, лицо испещрить шрамами, а обаятельнейшую улыбку сменить на мрачное угрожающее выражение, то...

– Чтоб меня! – восклицает Мулагеш. – Лопни мои глаза, если вы не родственница Сигруду йе Харквальдссону!

Обаятельную улыбку как холодной водой смывает. Женщина изумленно смотрит на Мулагеш, но быстро берет себя в руки: смеется, весело так, вот только глаза остаются ледяными и совсем не веселыми.

– У вас прекрасная память на лица, генерал! – восклицает она. – Вы совершенно правы. Я Сигню Харквальдссон, главный инженер Южной Дрейлингской компании. А вы, как я понимаю, та самая знаменитая генерал Турин Мулагеш.

– Не знаю, как насчет знаменитой, но да, я та самая Мулагеш. Вообще-то могли бы хоть намекнуть, что меня будет встречать дочка Сигруда. А почему они никого с военной базы не прислали?

– Потому что Сумитра Чудри исчезла именно с базы, – холодно произносит Сигню. – И я полагаю, что министр не слишком доверяет тамошнему гарнизону.

Мулагеш оглядывается:

– Не могли бы мы обсудить это в каком-нибудь другом месте?

– Естественно, могли бы. Я подготовила вам комнату в нашей штаб-квартире, не в городе.

И она показывает в сторону веселенького цветного здания рядом с маяком. Оно и впрямь выглядит в тысячу раз гостеприимнее, чем громады Вуртьястана.

– Не возражаю.

– Отлично. Тогда прошу за мной. Поезд ждет нас. На нем мы и поедем в штаб-квартиру.

– У вас есть поезд, специально чтоб народ в штаб-квартиру возить?

– Мы проложили железную дорогу, чтобы доставлять людей и материалы в гавань. В устье реки ничего не выгрузишь – собственно, мы здесь затем, чтобы изменить эту ситуацию. Так что мы подвозим все необходимое в более удобную точку вне города и на поезде доставляем сюда.

– И все это делается, чтобы построить порт для континентцев, – говорит Мулагеш. – А не проще что-нибудь с нуля взять и возвести?

– Это не просто гавань, генерал. Это врата Континента! – И она показывает на два пика, нависающие над Солдой. – За этими вратами – точнее, за тем, что от них осталось, – водная артерия, пересекающая весь Континент! И никто не мог этим пользоваться, десятилетиями не мог! Но скоро, очень скоро, через несколько месяцев, мы сможем, – и она открывает дверь единственного пассажирского вагона поезда, – как бы это сказать, растворить врата снова.

Мулагеш оглядывается на горные пики.

– Вы называете их вратами. Почему?

Сигню улыбается.

– Хороший вопрос. Проходите, я расскажу вам по дороге.

* * *

Вздыбленные скалы Вуртьястана проплывают в окне поезда, потом их сменяют высокие белые утесы. Сигню снова закуривает – пятую по счету сигарету. Дрейлингка выглядит как самый настоящий топ-менеджер: волосы затянуты тугим узлом, идеальный пробор сделан по последней галадешской моде. На женщине приталенный черный жакет с потайными пуговицами, обтягивающие темные брюки и безупречно блестящие черные сапоги. Невероятно модный дорогой шарф с просчитанной небрежностью обмотан вокруг шеи до самого подбородка. Так и видишь эту Сигню на совете директоров, как она, помавая холеными руками, сыплет цифрами и успокаивает акционеров. Кстати, а не этим ли она и занимается...

Вот только руки совсем не такие: когда Сигню сняла перчатки, Мулагеш ожидала увидеть безупречный маникюр и гладкую ухоженную кожу. А они у нее мозолистые, кожа потрескавшаяся, как у человека, который годами руками работал, а еще они все перепачканы чернилами, словно Сигню целыми днями перелистывает дешевые газеты.

В купе залетает сквозняк, и Мулагеш ежится.

– Зима, – вздыхает Сигню. – Зимы здесь суровые, причем на всем Континенте. Но берег, на котором стоит Вуртьястан, омывает Великое Западное течение, так что бухта никогда не замерзает. Иначе нам здесь нечего было бы делать.

– Хорошо, что вы тут, – кивает Мулагеш.

– Согласна. Но из-за теплого течения здесь всегда очень влажно. Знаете ли вы, к примеру, что Вуртьястан занимает первое место в мире по наводнениям?

– Волшебнo. Еще одна милая черта милого городочка. Это даже если его историю не знать. Кстати, он Вуртьястан или Вуртьявастан? Я слышала, что его и так и эдак называют.

– Обычная путаница для здешних мест. Города на Континенте часто имели несколько названий. Одно имя – для духовного, так сказать, измерения города, другое – для профанного. То есть на одном и том же месте стояли два разных города, и каждый продолжал другой в другом аспекте реальности. Впрочем, это все гипотезы, точно никто ничего не знает. Но Вуртья мертва – и Вуртьявастан, духовный город, исчез вместе с ней.

– И остался только Вуртьястан. Твою мать, голову сломаешь с этими названиями.

– И не говорите. Что в контракте писать – тоже не вдруг поймешь, а уж карты – про них даже и говорить нечего... Таалаврас, к примеру, создал в Таалвастане с полдюжины реальностей, так что им пришлось после Мига двадцать раз дорожные знаки переделывать... Однако

после Мирградской битвы некоторые континентские города и полисы были вынуждены выбирать, в каком мире они хотят жить дальше. Что вы знаете о Вуртье, генерал?

– Что она мертва.

– Кроме этого.

– Что меня полностью устраивает тот факт, что она мертва.

Сигню с выражением полной безнадежности закатывает глаза и выпускает дым из ноздрей.

– Ну ладно, – говорит Мулагеш. – Я знаю, что это было такое континентское Божество войны и смерти. Я знаю, что она внушала ужас. И я знаю, что ее стража некогда контролировала весь мир и они уплывали в походы из этого самого города. Тысячами.

– Сотнями тысяч, – поправляет ее Сигню. – Если не тысячами тысяч. Вы совершенно правильно сказали – Божество войны и смерти, однако еще она была Божеством моря – а об этом часто забывают. Возможно, потому, что ее военные свершения... больше запомнились.

– Если вы таким занятым образом хотите сказать, что последователи убивали, калечили и пытали миллионы сайпурцев, – то да. Мы это хорошо запомнили. Наверное, даже слишком хорошо.

– Верно. Но многие забывают, что, поскольку она была морским Божеством, владения ее располагались большей частью на море. Изначальный Вуртьястан, насколько мы знаем, представлял собой громадный плавучий город, стоявший на доках и подводных цоколях. А может, он просто сам по себе по морю плавал. Так или иначе, мы изучили его руины и поняли, что, на чем бы он ни держался, его основания были совершенно точно чудесного происхождения.

– Потому что сейчас он провалился на дно бухты...

Да, этот сюжет Мулагеш более чем знаком: Континент пережил страшное мгновение смерти Божеств, которых убил кадж, – Миг, и во время Мига большая часть городов Континента и самая его реальность и твердь были разрушены. Если изначально Вуртьястан благодаря божественной помощи плавал по поверхности океана, понятно, почему сейчас он вдруг стал пристанищем рыб и прочей морской фауны Северного моря.

– Именно так.

И Сигню снова хитро улыбается. Какие у нее зубы белые, а ведь она смолит сигареты одну за одной, как ей это удастся?

– То, что вы видите, все эти руины – не город, а лишь предместье прежнего Вуртьястана. А те два пика к востоку от города – не горы, генерал. Это воротные столбы, так сказать.

Мулагеш замечает, посасывая сигариллу:

– Значит, современный Вуртьястан стоит на руинах ворот прежнего города?

– Именно так. А собственно город лежит на дне Солды, перекрывая течение реки. Из-за его обломков река каждый сезон выходит из берегов, вызывая сильнейшие наводнения. Поэтому одна из самых больших рек мира никак не может использоваться как транспортная артерия. И мы не можем с ее помощью вести невероятно выгодную торговлю с Континентом.

Мулагеш насмешливо улыбается:

– То есть вы тут собираетесь всему Континенту клизму в жопу вставить, так, что ли?

Улыбка Сигню остается столь же приветливой:

– Можно и так сказать, да.

– И когда вы планируете завершить работы?

– Ну... По правде говоря, согласно моим расчетам, последний заход драг должен случиться не позднее чем через три месяца.

Мулагеш таращится на нее с открытым ртом:

– Вы... вы действительно полагаете, что уложитесь в эти сроки?

– Да, – спокойно отвечает Сигню.

– То есть вы через три месяца завершите то, над чем бились годами?

– Да.

– А вы случайно не рехнулись, нет?

– Нет, насколько я знаю.

– И как вы это собираетесь сделать?

– Я понимаю ваш скептицизм и не обижаюсь, – говорит Сигню. – Годами ЮДК искала решение – как же расчистить бухту, как ликвидировать последствия пережитых катастроф. Однако время пришло, и наши инженеры нашли выход: модульная переработка компонентов.

– Что?

Сигню снисходительно улыбается. А ведь она, Мулагеш, только что выдала совершенно предсказуемую реакцию на, так сказать, презентацию этой дрейлингской дамы! Однако...

– Мы не можем продвигаться внутрь Солдинской бухты из моря: между нами и, скажем так, городом – целое подводное кладбище зданий. Поэтому мы решили двигаться в обратном направлении – из бухты в море. Мы разобрали два основных необходимых в нашем деле устройства – кран и грузовое судно – на части. Простые, дешевые, функциональные части, на которые можно без усилий их разобрать – и так же просто и быстро собрать из них готовый к работе механизм. Тогда мы поставили складские ангары в нескольких милях от Вуртьястана, там, где мы смогли подойти к берегу и разгрузиться, – и она показывает на приближающийся маяк, – и построили железную дорогу, по которой оборудование можно перевозить в гавань. Что ж. С той минуты, как мы сумели доставить части кранов и судов в устье, когда мы сумели собрать первые два крана, – с той минуты мы выиграли у стихии.

И Сигню торжествующе затягивается сигаретой. Мулагеш смотрит изучающе, ждет, а потом все-таки спрашивает:

– А почему два крана?

– Потому что если ты можешь поставить два крана в правильном месте – все, дело в шляпе. Сначала с их помощью мы построили пристани и корабли. Потом они собрали еще четыре крана дальше в море, по одному с каждой стороны. И эти четыре крана таскали обломки, грузили их на корабли и построили еще восемь кранов дальше в море, по одному с каждой стороны от себя. Тогда восемь новых кранов таскали обломки, грузили их на новые суда и построили еще шестнадцать новых кранов... а потом тридцать два, шестьдесят четыре и так далее и так далее. Это, конечно, довольно грубое упрощение, но в целом вы можете понять, как это делалось.

Мулагеш смотрит на лес кранов из окна.

– И все это заняло...

– Чтобы довести проект до его нынешнего статуса, нам понадобилось меньше двенадцати месяцев.

– Seriously?

– Да, – кивает Сигню, не скрывая гордости. – Нам сказали, что вниз по течению Солда уже перестала разливаться – ваше прежнее место назначения, Мирград, от этого немало выиграло. И вот однажды, да что там, очень скоро, некогда изолированные и отрезанные от цивилизации части Континента будут связаны единой транспортной артерией. Так что новый расцвет Континента не за горами.

– И чья же это была идея?

– Ну как вам сказать. Над проектом работали несколько команд, каждый этап, каждый шаг требовал самого строгого контроля и тщательного планирования, и...

– Это были вы, не правда ли?

Сигню молчит ровно столько, сколько требует скромность.

– Это была моя идея, но самого общего характера... Да, я сформулировала принципы модульного процесса и контролировала поставки оборудования и прочие важные детали. И

крановые стрелы – частью моя работа. Однако свой вклад в общее дело внесло очень много команд.

– Полагаю, должность главного инженера не дают за красивые глаза, ее заслужить нужно.

– Кто знает? Компания только что учредила эту должность. До меня у нас не было главных инженеров.

– Вот оно как... однако... как именно получилось, что член королевской семьи Дрейлинга занята в строительной компании?

Сигню растерянно сморгивает:

– Королевской семьи Дрейлинга?

– Ваш папа, если я не ошибаюсь, наследный принц, нет?

Сигню медленно выдыхает дым через ноздри и стряхивает сигарету в пепельницу в ручке кресла.

– Соединенные Дрейлингские Штаты теперь свободное демократическое государство. Нам нет никакого дела до монархии. И мы также не имеем ничего общего с пиратскими королевствами времен Республики.

– Даже если трон изначально принадлежал вам?

Ее глаза вспыхивают:

– Не мне, генерал. Я не имею к этому отношения. И моя работа в гавани – тоже.

– Вы хотите сказать, что ваш отец не имеет никакого отношения к тому, какую должность вы здесь занимаете?

Сигню тушит сигарету, прихватив горящий кончик большим и указательным пальцами. Кожа ее шипит от прикосновения раскаленного пепла, однако на лице женщины не отражается боли. Серьезные у нее, однако, на пальчиках мозоли.

– Боюсь, мой отец, генерал, – медленно говорит Сигню, – имеет очень, очень мало отношения к тому, что нынче происходит. Во всяком случае, к важным событиям. И если вы хотите узнать его мнение по этому вопросу, вам разумнее обратиться к тому, кто знает его лучше, чем я. Точнее, к тому, кому это почему-то интересно.

Сигню поднимает взгляд, поезд замедляет ход и останавливается. Над ними высится белая башня маяка. Лицо Сигню постепенно принимает прежнее, чуть лукавое и улыбчивое выражение.

– А вот мы и приехали! Позвольте мне пригласить вас на ужин. Я знаю, что час уже поздний, однако я более чем уверена, что вы умираете от голода.

И, не проронив более ни слова, Сигню выходит из вагона, оставив Мулагеш наедине с ее багажом.

* * *

Мулагеш и Сигню ужинают в отдельной гостиной, которая находится прямо под комнатами смотрителя маяка. Похоже, эта часть здания зарезервирована за высшими эшелонами власти компании: Сигню долго звенела ключами, открывая дверь за дверью, пока они дошли до нужной комнаты. Их официант – дрейлингский юноша с ключковатой бородкой – входит и выходит через потайную дверь рядом со шкафом в углу. В комнате все говорит о тайных переговорах и не менее важной работе, которая начинается по их завершении. Хотя, по правде говоря, больше всего эта парадная гостиная походит на китобойную таверну, только очень-очень разбогатевшую: кругом темное резное дерево, а на стенах развешаны кости морских тварей крайне неприятного вида. В некоторых скелетах до сих пор торчат острия гарпунов.

– Если хочешь, чтобы на тебя работали лучшие из лучших, – объясняет Сигню, когда они сюда входят, – предоставь им идеальные условия для отдыха. Люди приехали на другой край света и ежедневно рискуют жизнью в неприветливом море – и пусть они испытанные

моряки и работяги, у них лучшие повара, их развлекают самым замечательным образом, и мы обеспечиваем им наилучшее размещение, которое только можно купить за деньги.

Однако Мулагеш про себя подмечает, что размещение – оно интересное такое, на века. Постоянное такое размещение. Никто не станет отгрохивать эдакую махину, если не собирается поселиться здесь надолго. А она говорит – через три месяца работы в гавани завершатся. И что дальше?

Из окон открывается прекрасный вид на форт Тинадеш: темное приземистое, массивное здание в скалах к северу от маяка. Самые крупнокалиберные пушки развернуты к городу, угрожая излить смерть и картечь в любую секунду. Интересно, как себя местные ощущают под этим постоянным прицелом?..

– Вас ввели в курс дела? – тихо спрашивает Мулагеш.

Сигню берет салфетку и аккуратно промокает уголок рта.

– Сумитра Чудри. Да.

– Итак, – говорит Мулагеш. – Что вы можете о ней сказать?

– Она приехала сюда полгода назад. Исследовала что-то связанное с чем-то, что нашли неподалеку от форта.

– Вы знаете, о чем идет речь?

– Нет. Когда я вызвалась быть вашим контактом, мне очень ясно дали понять, что если мне понадобится что-то узнать, значит, мне это знать не нужно.

Она презрительно фыркает.

– Но ладно. Сначала Чудри жила в крепости, но потом она стала все чаще приезжать сюда и задавать вопросы моим людям. Я посчитала нужным отрегулировать этот процесс в интересах компании. Она выглядела... встревоженной.

– Встревоженной?

– Да. Мне даже показалось, что она слегка безумна. Немного шарики за ролики у нее заехали, как у нас говорят. В какой-то момент она получила травму головы, – продолжает Сигню, трогая лоб над левой бровью, – и носила вот здесь повязку. Вот я и подумала – может, это из-за сотрясения мозга... Но я не была уверена.

– А как она получила травму?

– Боюсь, она не сказала, генерал. Она очень много расспрашивала про геоморфологию – про то, как здесь различные пласты залегают. Думаю, потому, что мы постоянно ворочаем камни в заливе, вот она и решила, что мы что-то знаем. Но мы просто разбираем завалы после того, что произошло несколько десятилетий тому назад. Десятилетий, а не миллионов лет.

Она подходит к окну и показывает на утесы к западу от крепости.

– Люди видели, как она ходила там среди скал ночью с фонарем. И все смотрела в море. Мне говорили, все это выглядело традиционным сюжетом романтической живописи: девушка ожидает возвращения возлюбленного. Что-то в таком роде. В общем, мы думали, что она сумасшедшая.

– А что произошло потом?

– Ну... однажды нам сообщили, что она... просто исчезла. Ходили слухи, что в форте ее не сразу хватились, настолько странными были ее перемещения. Они вели поиски везде, куда могли дотянуться, но никого и ничего не нашли. И это, если честно, все, что я знаю.

– Может быть так, что кто-то из ваших служащих знает больше?

– Возможно. А зачем вы спрашиваете? Собираетесь допросить их всех без изъятия? Сколько у вас времени, генерал?

– Я думала, что вы можете разослать нечто вроде всеобщего оповещения. Так и так, просьба всем служащим ЮДК, имевшим контакт с Чудри, связаться с руководством.

– Что ж... у нас есть техническая возможность так сделать, правда, эту систему обычно используют в чрезвычайных ситуациях, и...

– Если вы сможете оповестить сотрудников, я буду вам крайне признательна, главный инженер Харквальдссон, – отрезает Мулагеш, подчеркнуто не обращая внимания на ярость Сигню. – Однако у меня есть вот какой вопрос. Мне очень любопытно: почему вы?

– Почему я что?

– Почему именно вы будете мне помогать? Из всех сотрудников? Вы никак не связаны с тем, что происходит в крепости. И я изрядно удивлена, что ЮДК может себе позволить подрядить главного инженера помогать с тайной военной операцией.

– О, они не могут себе позволить. На самом деле не могут. Хотя мы только что разобрались с одним очень трудным участком морского дна. Поэтому сейчас стало немного легче. Это меня частично разгрузило.

– Так почему именно вы?

– Я знаю культуру этой страны, – говорит Сигню. – Я ведь здесь выросла.

– Seriously?

– Да. – Сигню обматывает салфетку вокруг большого и указательного пальцев и разматывает ее. – Я – дрейлинг, естественно. Однако после переворота мы не смогли больше оставаться на дрейлингских берегах. Очень многие хотели нашей смерти. Моей и моих близких. И нам нужно было где-то спрятаться. Вуртьястан оказался ближе всего. Нас там вряд ли стали бы искать.

– А чем вы занимались после приезда сюда?

– В основном – пытались выжить. Выживали, вот и все.

Она улыбается, и в улыбке этой чувствуется горечь.

– Поэтому, проведя здесь тридцать лет, я неплохо знаю местных. Я знакома с их культурой. А еще с местной географией и историей. И у меня есть кое-какие связи, я могу ими воспользоваться. Если бы это делал кто-то из крепости, возникли бы вопросы.

– Но вы не хотите мне помогать, – говорит Мулагеш.

– А что, есть люди, которые реально горят желанием поучаствовать в секретной операции?

– В Сайпуре говорят: «Танцуйте», а вы спрашиваете: «Полечку или вальсок?» Дело в этом?

– Ну... да. Отчасти да, – мрачно отвечает Сигню. – Ваша страна держит мою страну за... некоторые части тела, так сказать. Плюс еще ваша репутация.

– Моя репутация? И что же это за репутация такая?

– Генерал Мулагеш, – четко произносит Сигню, – нравится вам это или нет, но вы у нас знаменитость. Вы близки с премьер-министром Сайпура. И вы приложили руку к смерти двух Божеств. А еще на вашем счету многочисленные разрушения и смерти мирградских мирных жителей. Город до сих пор не оправился после этого – если вообще когда-либо сможет от этого оправиться.

– Я не специально!

– Понимаю. Однако у вас такая репутация, что мне приходится держаться... настороже. Инвесторы, кстати, тоже держатся настороже. Вуртьястан – место, где всегда любили и ценили войну и насилие. А тут приезжаете вы. Под неплохим прикрытием, но все равно. Вы можете спровоцировать новый виток насилия.

– Да что вы? Вы, что же, думаете, я туда заявлюсь и все снесу под корень?

– Вы, верно, забыли, что люди здесь живут под прицелом ваших пушек, – отрезает Сигню. – И хотя в последнее время ваша репутация немного изменилась – в Мирграде вы рекомендовали себя как сдержанный и не склонный к насилию губернатор, – до сих пор циркулирует масса слухов касательно вашей деятельности, предшествовавшей назначению губернатором Мирграда. – И Сигню оскаливается, показывая в широченной улыбке все зубы, включая коренные. – Конечно, это всего лишь слухи, возможно где-то даже беспочвенные, – но ведь вы

и генерал Бисвал не просто сослуживцы. Вы же оба участвовали в штурме и захвате Мирграда во время Лета Черных Рек, не так ли?

Мулагеш молчит.

– Континентцы боятся вас, генерал, – говорит Сигню. – А особенно они боятся Бисвала. И пушек ваших они тоже боятся. А теперь вы все собрались в одном месте. Я вот считаю, что их опасения отчасти, мгом, оправданны, нет? Так почему бы не найти человека, который бы присматривал за вами? Этим человеком вполне могу быть я. Почему бы и нет?

4. Черная комната

Не завидую я Лалиту Бисвалу. Он сделал очень трудный выбор. Самый трудный за всю его карьеру. И уж точно самый трудный за все время Лета. Я полагаю, что он прекрасно знал: как бы он ни поступил, что бы ни выбрал, его и его солдат за это накажут – если они выживут. А на это никто не надеялся.

Возможно, когда-нибудь по отношению к генералу историческая справедливость будет восстановлена и история окажется более благосклонным судьей, чем мы с вами. И хотя Желтый поход изменил течение войны в нашу сторону, применяемые во время него методы ведения военных действий были таковы, что мы вынуждены отрицать, что Желтый Поход вообще когда-либо имел место.

Из письма главнокомандующего генерала Ади Нура премьер-министру Ашаре Комайд, 1722 г.

Мулагеш сидит у окна. За спиной – просторная большая комната. За окном – потрясающий вид на Вуртьястан: город распростерся внизу, взмигивая, как стая светлячков, тысячами окон. Однако наслаждаться зрелищем не получается. Разговор с Сигню сильно подпортил Мулагеш настроение.

Куда, куда она полезла? Зачем? И теперь – влипла так влипла, да...

Она встает, подходит к сумкам, роется в них и вынимает что-то завернутое в старый шарф.

Новизна не слишком ее манит, однако генерал Мулагеш практична: эффективность есть эффективность. Поэтому она, в отличие от большинства офицеров ее возраста, научилась владеть огнестрелом. Больше всего ей нравится вот эта злобная милашка: коротенькая, толстая, курносая штуковина под названием «карусель». Штуковину так прозвали за то, что пять патронов прокручиваются в барабане с каждым нажатием спускового крючка. «Карусель» весьма просто заряжать и разряжать даже одnorукому человеку. Вытащил пустой барабан – задвинул полный. По движущейся, в смысле живой, мишени ей еще стрелять не приходилось и, хочется надеяться, не придется, однако Мулагеш кладет штуковину на тумбочку около кровати. На всякий случай.

И ложится. А завтра она поедет туда, где Чудри видели в последний раз, – в форт Тинадеши.

Мулагеш закрывает глаза и прислушивается к шуму волн у подножия утесов.

Не забывай, где ты. Не забывай, где ты находишься.

* * *

Мулагеш просыпается ровно в пять, решительно берет в руки блокнот и реквизирует для собственных нужд телефон – а их в штаб-квартире ЮДК не так-то уж и много – и звонит в форт Тинадеши. В трубке слышится брякающий металлом голос сержанта-телефониста. Сержант изумлен: ее ждали, но не так скоро. Впрочем, ей улыбнулась удача: генерал Бисвал в крепости,

как раз вернулся после инспекционной поездки по укреплениям и крепостям, и да, он сможет сегодня уделить ей время.

– Если, конечно, машина сумеет доехать и забрать вас вовремя, генерал, – добавляет сержант.

– А с чего бы ей не доехать вовремя?

– Видите ли, из крепости в город ведет только одна дорога, и качество покрытия... сильно варьируется. Это единственная дорога в городе, по которой может пройти автомобиль, но ехать все равно долго.

– Значит, с собой горячий чай не брать, а то на коленки прольется?

– Именно так, генерал.

– Отлично...

Автомобиль подъезжает, и его реально трудно разглядеть под слоем грязи, мха и гравия. Так рачки и ракушки облепляют киль корабля. Молодец она, что догадалась надеть не парадную форму, а рабочую.

– Проклятье, – говорит она вылезавшему из кабины водителю, – мы колеса-то по дороге не потеряем?

И тут она смотрит на парня и задумывается: откуда она его знает? Молодой, невысокий, но крепко сложенный, бородка аккуратно подстрижена. Был бы красавец, если бы не безвольный подбородок... Но она явно его знает. И он знает ее, иначе бы не лыбился так радостно.

Он споро отдает честь:

– Доброе утро, генерал. Готовы к поездке? Прошу на борт!

– Я тебя знаю, – говорит она, подступая поближе. И тут – раз! И ее осеняет. – Твою мать! Старший сержант Панду, нет? Из Мирграда! Это же ты?

Парень расплывается в счастливейшей из улыбок. Он так и светится от гордости.

– Да, мэм. Рад вас видеть.

Она помнит его лучше, чем остальных солдат, которые служили в Мирграде под ее командованием: Панду капитанил в команде гребцов, которые тренировались летом на Солде. Мирградцы их терпеть не могли и постоянно жаловались. А еще она запомнила его, потому что парень был отличным фехтовальщиком. Сама она неплохо владела клинком, но текучую грацию, с которой работал мечом Панду, ни с чем не перепутаешь.

– Ты, я смотрю, подрос и вытянулся, – говорит она. – Какого лешего ты тут делаешь?

– Да машину в основном вожу, мэм, – бодро отвечает Панду. – Оказалось, не так-то уж много солдат здесь в автомобилях понимает, так что эту почетную обязанность возложили на меня, мэм.

Она по старой привычке быстро оглядывает Панду: руки-ноги целы, щеки не запавшие, значит, питается хорошо, зубы от цинги не шатаются. Так-так-так, спокойно, он больше не твой. Он теперь Бисвала. А может, он сам по себе солдат.

– Надеюсь, ты стал водить лучше, сержант. Мне бы наверх доехать, да побыстрее, но очень хочется добраться до базы живой и здоровой.

Панду широким жестом распахивает перед ней дверь:

– Дорога – струна *ваши*, – это в Сайпуре есть такой музыкальный инструмент, а машина – мой лук. Садитесь, мэм, я доставлю вас в распоряжение части в наилучшем виде.

– Языком ты чешешь бодро, – говорит Мулагеш, забираясь в кабину, – посмотрим, какой из тебя водитель...

Десять минут спустя Мулагеш разглядывает из окна машины Вуртьястан: пейзаж прыгает у нее в глазах вместе с машиной, то взлетающей вверх, то зарывающейся носом прямо как лодка в шторм. За окном проносятся палатки, юрты, выгребные ямы и проулки, какие-то хибары, которые вот-вот снесет здешний ветер. А среди всего этого трущобного безобразия высятся странные камни, похожие на полуразвалившиеся курганы-каирны. Камни стоят ров-

ными рядами вдоль берегов Солды, и что-то в них есть такое тревожно-необычное, хотя не вдруг поймешь что...

– Проклятье, натуральный лагерь беженцев, – бормочет Мулагеш.

– Так бы оно и было, генерал, – отвечает Панду, – если бы не это.

И он тычет пальцем в каирны.

– Что ты имеешь в виду?

Она присматривается к очередной куче камней, мимо которой они как раз проезжают. А каирн-то гораздо выше, чем кажется издали: в нем двадцать, а то и все тридцать футов. Сверху что-то такое круглое, что это? Да это же голова! Бугорки пустых глаз, вот нос круглится... Она присматривается к остальным, разглядывает наросты дерна на их вершинах – да они все такие же...

– Статуи, – говорит Мулагеш. – Это же статуи, правда?

– Да, прежде это были статуи, – кивает Панду. – Ходят слухи, что раньше тут Стражи реки приветствовали тех, кто проплывал вниз по течению в ворота Старого города.

И он кивает на нависающие над рекой пики.

– Климат у них сменился, теперь им не сладко...

Интересно, как оно раньше все выглядело... Высокие человеческие фигуры стояли над берегами, по-королевски величественные, а теперь... что от них осталось? Бесформенные, разбитые кучи камней, обращенные мертвыми лицами к отсутствующему городу...

– И как оно, жить в тени этих штук?

Они уже поднялись к самым вершинам скал. Над горизонтом грозным облаком вырастает форт Тинадеш – огромный, темный, влажно поблескивающий бастионами, щетинящийся, подобно гигантскому дикобразу, пушками.

– Думаю, станцам не привыкать жить так – под прицелом крупного калибра, – говорит Панду.

– Станцам?

– Э-э-э... да. Мы так местных называем, мэм.

Мулагеш хмурится. Слово оставляет во рту противный привкус. А может, это все нависающий над дорогой форт...

Когда они подъезжают к первой линии колючей проволоки, Мулагеш замечает к северо-западу от крепости, не далее чем в двух милях от ее стен, любопытное сооружение. Выглядит оно совершенно безобидно – скучное и маленькое бетонное здание, однако вокруг него торчит едва ли не больше, чем в целой крепости, охранных вышек. И колючей проволоки вокруг него намотано чуть ли не в два раза больше, чем вокруг форта.

– Это что за хрень такая? – интересуется Мулагеш. – Это ж скоко колючей проволоки на периметр пошло, страшно подумать...

– Я так думаю, они хотят еще один форт построить, генерал, – говорит Панду. – Ну, во всяком случае, так говорят. Но пока не особо у них дело продвинулось.

Мулагеш согласно кивает: она прекрасно знает, что это легенда – интересно, Панду в курсе или нет? Маленькое серое зданье, похоже, стоит над тем самым месторождением.

– Панду, а как тебя сюда занесло? – спрашивает она. – После Мирграда ты мог бы выбрать место получше.

– Ну, когда генерал Бисвал здесь принял командование, я не смог удержаться. Он же и у вас раньше был командиром, да? Я служил под вашим командованием, мэм, и получил страшно полезный опыт. Наверное, я решил и дальше опыта набираться, мэм.

– Зачем это?

– Ну... – Панду мучительно подбирает слова. – Нынче настоящих героев прошлых лет в строю осталось – раз-два и обчелся. А когда они выйдут в отставку, все забудут, как оно на самом деле все было.

Мулагеш смотрит в окно на ошетилившиеся темными елями голые холмы и пытается не думать о том дне, когда впервые увидела такие елочки.

– Да. Это будет весьма печально...

* * *

Форт Тинадеши назван в честь знаменитой изобретательницы Валлайши Тинадеши. Это одно из самых старых сайпурских укреплений на Континенте – наполовину это крепость, наполовину военная база. Внушительная береговая батарея, отвесные стены, просторные казармы, и все это опутано рядами и рядами колючей проволоки – форт Тинадеши стоит памятником мрачному величию и одновременно строительному гению: чего в нем только нет и ко всему он готов – ведь здесь, в Вуртьястане, может случиться все что угодно. Истинно, здесь из беспорядка рождается грандиозный и благородный порядок, – так размышляет Мулагеш, пока авто еле-еле ползет через ворота, нависающие над ними темными стенами.

Интересно, что об этом думала Сумитра Чудри. Мулагеш читала ее досье, покачиваясь на борту «Кайпи». Девушка отслужила полтора года в армии – обычное дело для того, кто хочет потом попасть в министерство. За это время она умудрилась отхватить Серебряную звезду и Золотое перо за «выдающуюся службу» – все за действия во время «беспорядков» (на самом деле речь шла о нападении континентцев на блокпост).

Уж кто-кто, а Мулагеш точно знает, что скрывается за сухим канцеляритом представления к наградам. Она выстрелила и убила кого-то. Потому что этого потребовала обстановка. А вот и представление к Серебряной звезде – Чудри ранили в ходе перестрелки.

Да, подтвердил тогда Питри. Девушка получила болт в левое плечо. Да, когда континентцы напали на блокпост. Всадили прямо над ключицей. Она чуть не умерла, но сумела выдрать болт после того, как получила ранение.

Ничего себе. Будучи тяжело раненной, взяла и вытащила из себя болт, которым ее едва насмерть не прибили? Суровая дама. Или ей очень повезло.

Питри немножко помолчал. И сказал, что, судя по тому, что говорят о Сумитре, дело не в везении. А в том, что да, женщина непростая, угу.

Панду паркуется, они заходят в форт. Внутри влажно, все дышит могильной сыростью, коридоры широченные, лесенки заворачиваются узкими спиральками. А ведь эта часть крепости строилась еще во времена каджа – иначе с чего ей быть такой... старомодной, чтобы не сказать – конструктивно дефективной. Мулагеш приходилось видеть много крепостей в проекте и в реальности, и здесь просчеты так и бросаются в глаза: вот эта лестница узковата, при эвакуации начнутся проблемы, окна слишком большие, хорошо простреливаются, так и тянет пригнуться, когда мимо идешь.

– Куда мы? – спрашивает Мулагеш, шагая вверх по бесконечной спиральной лестнице. – Я думала, Бисвал здесь.

– А он и здесь, мэм, – отвечает Панду. – Он в гнезде, прямо над нами.

– В чем он?

– В гнезде. Прошу прощения, в вороньем гнезде. Генерал Бисвал любит говорить, что думает глазами, так что ему нравится, когда из окна открывается хороший вид.

Вот о чем он, демон его забери? Но тут сверху просачивается сероватый свет, и они выбирают в круглую комнату со стеклянными стенами – такие обычно оборудуют на верхушках маяков. Мулагеш выглядывает в окно, голову тут же ведет: ну и высота! Вся крепость как на ладони где-то в трехстах футах под ней...

– Генерал Бисвал, – произносит Панду. – Генерал Мулагеш.

Мулагеш оглядывается. Комната, похоже, устроилась на вершине самой высокой башни форта, и ее превратили в походный офис: вон письменный стол, на окнах наклеены карты

региона – и многие ей очень знакомы... Карты настолько яркие и подробные, что взгляд на мгновение путается, и только спустя минуту она понимает, что за столом сидит кто-то в оранжевом тюрбане.

Этот кто-то ворчит и медленно разворачивается в своем кресле. И смотрит на них.

Мир вокруг генерала Мулагеш начинает медленно вращаться.

Как же он изменился. Да, что-то в нем осталось от Бисвала прежнего – широкоплечего, крепко сложенного молодого человека, но теперь он раздался в поясе и в животе, аккуратно подстриженная, ухоженная бородка снежно-белая, а на переносице сидят очки в тоненькой оправе.

А вот глаза остались прежними: они такие же бледно-бледно-серые, глубоко посаженные и смотрят настороженно, словно из щели дзота.

Генерал Лалит Бисвал улыбается – не очень-то весело, надо сказать, – и поднимается на ноги.

– Во имя всех морей, – говорит он. – Во имя всех морей, Турин! Турин, это правда ты? Сколько же лет прошло? На вид ты старуха старухой, и не признаешь сразу!

– На себя посмотри, – усмехается Мулагеш. – Теперь-то я понимаю, почему мне не хочется встречаться с бывшими коллегами. Смотрю на вас и вижу, в какую старую развалину я превратилась.

Он пожимает ей руку – что ж, и это в нем не поменялось: у него пальцы человека, предназначенного судьбой либо строить, либо разрушать. И тут, к ее изумлению, он ласково привлекает ее к себе и заключает в объятия – прежде за ним такого не водилось...

– Мне плевать, – говорит Бисвал. – Жалко, что мы с тобой раньше не встретились...

Он берет ее за руки и всматривается в лицо – ни дать ни взять отец, разглядывающий вернувшегося из частной школы-интерната ребенка.

– Я себя чувствую старым вьедливым кротом. Неужели то, что было, действительно было? А погляжу на тебя – и как ветром сдувает такие мысли...

Мулагеш пытается обнять его в ответ, но получается не ахти: левая рука болит, а правая то и дело непроизвольно сжимается в кулак. А он пахнет почти так же, как раньше: мускусный мужской, но не неприятный запах, что-то в нем есть от можжевельных ягод и сосновой хвои. Но даже слабый след прежнего его аромата тут же тащит за собой шлейф воспоминаний и других запахов: дыма, пепла, дождя, навоза, тухлой еды, гнилого мяса, – а с ними приходят и звуки: пронзительные крики и бормотание пламени.

«Не забывай, где ты, Мулагеш. Не забывай, где ты находишься».

Бисвал отпускает ее.

– Старший сержант Панду, вы свободны. Не стоит молодым смотреть, как старики жалеют друг друга. – И он одаривает Мулагеш веселой улыбкой. – Как насчет чашечки чаю? За чаем мы наконец-то забудем о проблемах этой мерзкой дыры.

* * *

— Как говорил один мудрец, – произносит Бисвал, разливая чай, – если пастух спит со своими козами, однажды он начнет сам болтать по-козьи. И тогда – кто скажет, где пастух, а где козы?

В окна барабанит дождь. Вот это ощущение, что башня раскачивается вместе с комнатой, – правда? Или игра воображения? Нет, нет, башня не может ходить ходуном у них под ногами...

– Ты считаешь вуртястанцев козами? – интересуется Мулагеш, наблюдая, как над краем чашечки лениво клубится пар.

– Нет, – отвечает Бисвал, наливая чаю себе. – Я считаю, что для них это незаслуженный комплимент.

Голос у него точно не изменился: по-прежнему такой же низкий и хриловатый, словно корабельный брус поскрипывает на волнах. И манера разговаривать осталась той же: словно бы ему не очень хочется, но надо же произнести до конца реплику. Беседуешь с ним как с бульдозером: медленно, но верно он прет на тебя.

– Какая обстановка в городе?

– На первый взгляд все просто. Министр Комайд желает построить порт, так? Расчистить русло, обеспечить проход вверх по реке, полностью изменить Континент, так?

– Ну и?

– Проблема в том, как это все отражается на местной политике – если к здешнему козьему месиву применимо это слово, оно для них слишком цивилизацией отдает. Все дело в давнем соперничестве.

И он показывает на развешанные по стеклянным стенам карты. На одной из них – районы по берегам Солды и выше в горы, каждый обозначен своим цветом.

– Вуртьястанцы, Турин, бывают двух видов. Те, кто живет в горах, и те, кто селится на берегах реки. Те, что у реки, – они богатые, толстые и счастливые. У них лучшие пастбища, и они нещадно обижают тех, кто желает переправиться через Солду. А вот те, что в горах... В общем, у них все сложно: жизнь тяжелая и всегда была тяжелой. Поэтому у них вошло в привычку драться за более плодородные участки земли.

– И что?

– Это правильный, разумный вопрос. И что нам до этого? Какое отношение вся эта козья бредятина имеет к строительству порта? Кому какое дело до этих долбанов? Но, к сожалению, если мы хотим открыть порт, нам придется сосуществовать с этими людьми. Если мы расчистим русло и река станет судоходнее, кому мы наступим на большую мозоль?

Мулагеш морщится и кивает:

– Вот оно что.

– Именно. Прибрежные племена хотели бы прибрать к рукам новые земли, чтобы туда переселиться. Однако единственные плодородные земли дальше от рек принадлежат горным племенам – точнее, это единственные пахотные земли, которые принадлежат горным племенам. И это очень беспокоит горные кланы. Беспокоит настолько, что они нападают на поезда с военными грузами, воруют взрывчатку и винташи, а потом берут это все в ручки и айда воевать. Это настолько их беспокоит, что они разоряют и жгут приграничные поселения. Это настолько их беспокоит, что они взяли и прямо в лоб выстрелили предыдущему военному губернатору этой страной провинции. Вот насколько их это все беспокоит.

– Это, мать твою, сильное, я скажу, беспокойство какое-то...

– Очень, очень сильное, – кивает он. – Я здесь уже год с небольшим, и мне предстоят переговоры с вождями племен. Хочу, чтобы они перестали убивать друг друга. И нас заодно. Но я не сильно надеюсь на успех. Кстати, хорошо, что ты в походной форме. Не стоит сильно выделяться в массе солдат и светить погонями. Тинадеша выглядит надежным, однако это все равно передний край. В холмах сидит куча народу, которая с радостью откроет прицельный огонь по твоим аксельбантам.

– А как ты здесь оказался? Предыдущего командующего застрелили, и они обратились к тебе?

Бисвал словно бы сдувается.

– Нет. Не совсем так. Я... преподавал. Преподавал военную историю в Академии Абхисек. Другими словами, меня... на полочку поставили.

Мулагеш кивает. «Поставить на полку» – так в армии говорили о солдатах, оперативниках и офицерах, которых теоретически не отправляли в отставку или в запас, а как бы задви-

гали в угол. И забывали про них. На полку можно было попасть по ряду причин: вызвать неудовольствие политиков, провалить операцию или совершить какую-нибудь непростительную ошибку... А некоторых отправляли на полку просто из-за возраста. Постарели – с глаз долой. Очень мало кто отправляется на полку добровольно. Как она... «И даже это у тебя не вышло сделать по-человечески, Мулагеш...»

– Никто не хотел сюда ехать, поэтому мне дали второй шанс, – выговаривает Бисвал. – Я должен был понять: если они мне это предлагают, соглашаться не надо. Тут все слишком непросто, и на мне тяжким грузом висит ответственность за сотни душ...

Мулагеш взглядывает на карту с укреплениями Вуртьястана:

– Сколько всего?

– Семь тысяч здесь, в Тинадешах. Четыре – в форте Хаджи, где эти ребята больше всего любят нападать на поезда – вот здесь, прямо к северу от горных районов. Три с половиной тысячи в форте Лок. Еще больше – на границе с Жугостаном. А всего под моим командованием оказалось двадцать три тысячи солдат, Турин. Это много, но нам нужно еще больше.

– Еще больше?

– Да. Контингент слишком рассеян по фортам и укрепрайонам. Мой предшественник попытался атаковать базы мятежников в горах, но потерпел прежалкое поражение. И оно стоило ему жизни. На данный момент военный совет предписывает исключительно оборонительные действия. Удерживать занятое. Строить укрепления. Защищать гавань. Словно мы им там нужны – дрейлинги сюда почитай что армию прислали. У них даже многоствольный пулемет есть на вооружении.

– Вот как. – Мулагеш делает про себя мысленную отметку. – Даже многоствольный пулемет, ничего себе.

– А еще огнестрел каким-то образом оказался у станцев. – И Бисвал бросает короткий – слишком короткий взгляд – на «карусель» у нее в кобуре. – Ненавижу их, Турин. Ненавижу эти новые пушки, а они теперь повсюду.

– Никогда не думала, что ты такой технофоб, – замечает Мулагеш.

– А я и не технофоб вовсе, – рычит он. – Но эти штуки... из них убить человека – раз плюнуть. С арбалетами все ведь не так просто было: поправка на ветер, все такое, ветер чуть сильнее стал – вообще пиши пропало, стрелять невозможно. Да и не больно далеко ты мог выстрелить. Но вот винташи... Раз – и все поменялось: от арбалетов мы перешли к полностью автоматическому оружию... Убить и умереть стало слишком просто, Мулагеш...

– У нас всегда была возможность открыть их производство, – говорит Мулагеш. – Мы просто не могли вывести его на нужную мощность.

– Лучше бы мы это производство вообще не открывали, – злится Бисвал. – Ты что, из новообращенных, Турин?

– Не можешь победить – возглавь. Особенно если у тебя вот такие вот небольшие проблемки с конечностями. – И она поднимает протез.

– Да, – горько кивает он. – Я слышал о том, что случилось. Мне очень жаль.

– И мы оба знаем, что ничего особенного там не случилось. К тому же я жива. Жива – вот и хорошо, многие и того не имеют...

– Да. Ты права. Ты всегда хорошо определяла приоритеты, Турин. Я был очень удивлен, когда мне сказали, что ты ушла. Почему ты ушла, Турин?

Она подчеркнуто равнодушно пожимает плечами:

– Они хотели, чтобы я была тем, кем я не являюсь.

– Вот оно что. Политиком, правильно я понял?

– Что-то вроде этого.

– А теперь ты здесь на обзорной экскурсии, – говорит Бисвал. – Впервые слышу, чтобы на экскурсию отправляли к нам. Почему тебя прислали именно сюда?

– Я отдала кучу ног в дорогах ботинках, когда уходила, – вздыхает Мулагеш. – Они могли бы просто забыть о наших... расхождениях, но они не забыли. Я даже не думаю, что они хотели меня отправить с каким-то реальным поручением. Думаю, меня сюда послали с надеждой, что тут-то я и упокоюсь...

Взгляд Бисвала разом затуманивается:

– Да. Я... я о таком тоже думал. Возможно, они просто хотят избавиться от нас. Мы с тобой еще живы – неудобно как-то, не находишь?

Она молчит, не зная, что сказать. Ее подташнивает. Десять лет она ни с кем это не обсуждала и никогда не хотела, чтобы тему подняли вот так откровенно в беседе, тем более в беседе с человеком, который ими командовал. Командовал ими тогда, когда все это случилось.

Она хотела забыть. И у нее даже неплохо получилось. Миру совсем не следовало напоминать ей о том, что Желтый поход действительно имел место...

К счастью, их прерывают: кто-то поднимается вверх по лестнице. Мулагеш оборачивается: входит сайпурский офицер в возрасте за сорок. По шевронам на форме понятно: она – капитан первого класса. А еще по всему виду женщины – выдающийся вперед подбородок, напряженные плечи, широко расставленные ноги – ясно: она смертельно опасна. В любой момент готова нанести или отразить удар. Волосы увязаны в узел, такой тугой, что, кажется, натягивает кожу лба. А на месте пробора – странная светлая полоса. Хотя нет – это широкий шрам, словно кожу содрали одним длинным движением. Однако взгляд у нее неподвижный, спокойный – взгляд солдата, побывавшего во множестве боев, причем самого жесткого и грязного толка.

Выбравшись с лестницы в комнату, капитан лихо разворачивается на каблуках и отдает честь:

– Генерал Мулагеш. Для нас честь принимать вас здесь, в Тинадеши.

– А, Надар. Ты нашла меня, – кивает Бисвал.

– Когда вы в Тинадеши, генерал, то почти всегда находитесь в гнезде.

И она осуждающе поглядывает по сторонам:

– Хотя я и против этого.

– Турин, познакомься с капитаном Киран Надар, командующей гарнизоном форта Тинадеши. Надар не нравится, что я здесь расположился. Она думает, что станцы опасны и могут этим воспользоваться. Однако я сижу здесь именно по этой причине – я знаю, что они опасны. – И он смотрит на восток, где высятся ошетилившиеся утесами розовые пики гор Тарсил. – Отсюда открывается прекрасный вид на расположение возможного противника.

– Я полагаю, что это место – нечто вроде музейного экспоната, – говорит Мулагеш, поднимаясь и оглядывая комнатку. – Гнездо строили до того, как артиллерия и огнестрел стали дальнобойными...

– Именно, – соглашается Надар. – Наш предыдущий командир погиб от руки снайпера – да будет его сон мирным, – и потому я нервничаю всякий раз, когда генерал Бисвал решает выпить здесь чаю.

– Возможно, мне нравится проводить время в старинных частях крепости, – продолжает Бисвал, – потому что они мне напоминают о временах, когда мы четче представляли цели нашего здесь пребывания.

Надар опускает глаза. В комнате повисает неловкое молчание.

– Потрясающее место, – пробует снять напряжение Мулагеш, но ее слова беспомощно повисают в воздухе.

– Не сомневаюсь, генерал, что вы видели множество гораздо более современных укреплений, – в голосе Надар звенит уязвленная гордость, – однако здесь мы вынуждены обходиться тем, что имеем.

– Однако часть форта выглядит вполне современной.

Мулагеш переходит на западную сторону комнаты, выходящую на океан и скалы. А перед скалами пуговкой торчит непонятное квадратное зданище, которое она видела на подъезде. Зданище, опутанное километрами колючей проволоки.

– А это что еще за демон знает что?

– Мы хотели расширить форт, но не вышло, генерал, – быстро отвечает Надар.

– Расширить форт?

– Да, генерал.

Мулагеш пристально смотрит на нее:

– Нет.

Надар уже не выглядит столь уверенной в себе, Бисвал с непроницаемым выражением лица переводит глаза с одной женщины на другую.

– Я видела, как расширяют укрепления, капитан, – говорит Мулагеш. – Много раз. И это – не тот случай. К тому же в свое время я наблюдала много предложений и просьб расширить форт Тинадеш. Ни одно из них не было утверждено. А строительство этого здания явно получило добро.

Надар смотрит на Бисвала, а тот отвечает ей красноречивым взглядом: мол, я же тебе говорил. Надар сердито хмурится и отвечает:

– При всем уважении, генерал, – и я думаю, вы меня правильно поймете, – это военная тайна, и я полагаю, что вы не имеете к ней допуска.

– Возможно, капитан. – И она подчеркнуто небрежно роняет: – Так это связано с металлом?

Надар вздрагивает так, словно ей отвесили пощечину:

– Ме... металлом?

– Ну да. Металлом, который вы тут нашли.

– Но как... как вы... – Надар пытается взять себя в руки. – Как вышло, что вы, генерал... э-э-э... информированы об этом?

– Я видела кое-какие отчеты еще во времена, когда заседала в Военном совете.

Это, конечно, вранье, но, поскольку люди обычно слабо себе представляют, чем занимаются и что знают влиятельные чиновники, в такую ложь легко поверить.

– Видимо, все произошло до того, как вашу тайну сделали особо секретной тайной. Я полагала, что речь идет о какой-то местной любопытной находке, только и всего. Однако если все вдруг сделалось таким невероятно тайным, да еще и обернутым в столько слоев колючей проволоки... что ж, наверное, это действительно крайне любопытная находка.

В комнате повисает долгое молчание.

Бисвал откидывается в кресле и хмыкает.

– Время было милостиво к твоему разуму, Турин. Ты поумнела с тех пор, как я тебя видел в последний раз.

– Полагаю, это комплимент, сэр, – отвечает Мулагеш.

– Генерал Бисвал, – говорит красная как рак Надар, – я... я не думаю, что приказы касательно конфиденциальных сторон нашей деятельности здесь – это нечто смешное! Если произошла утечка, мы обя...

– Я помню, как однажды молодая капитан очень тактично сказала мне, – перебивает ее Бисвал, – что приказ есть приказ, ему нужно повиноваться, однако мы тут, а Галадеш – в тысячах миль отсюда.

Надар краснеет еще сильнее.

– И все же это очень серьезно. Даже если лицо, которому разгласили конфиденциальную информацию, – генерал Мулагеш. Я считаю, что если она знает, то, вполне возможно, кто-то еще осведомлен об этом. А это уже ставит под угрозу конфиденциальность информации.

– Вы правы, капитан, – говорит Бисвал. – В то же время утечка произошла не по нашей вине – и я с удовольствием сообщу об этом в Галадеш. Возможно, нам следует поблагодарить генерала Мулагеш за то, что она вообще поставила нас в известность об этой утечке.

– Я здесь всего лишь с «обзорной экскурсией», – говорит Мулагеш, – и я не хотела бы создавать вам помехи.

– А ты и не создаешь, – пожимает плечами Бисвал. – Помехи создает этот проект. Однако нам необходимо обеспечить секретность, а лучший способ ее обеспечить – это четко обозначить, что, собственно, в проекте секретного. Капитан Надар, будьте добры, передайте генералу Мулагеш для ознакомления все документы касательно операции «Ковчег Молний».

Надар морщится, словно только что проглотила ложку какого-то отвратительно горького лекарства.

– Я не хочу больше тратить время на обсуждение этой невероятной глупости, – спокойно говорит Бисвал, поднимая обе ладони. – Пожалуйста, Надар. Покажи ей, на что наше правительство спускает деньги. Пусть она прочитает про эту дурацкую эскападу, из-за которой нам отказали в финансировании новых укреплений, припасов и увеличения личного состава.

– При всем уважении, генерал, – говорит Надар, – это грубейшее нару...

Тут она осекается – с бастионов доносятся легкие хлопки. Мулагеш встревоженно интересуется:

– Это выстрелы?

Однако Бисвал с Надар не выглядят удивленными. Бисвал смотрит на часы:

– Ах да. Я и забыл.

– Какого демона? Что это было? Звучало как залп из винташей!

– Так оно и есть. – Бисвал вынимает подзорную трубу и идет к стеклянной стене. И наводит трубу на восточный двор, отделенный от остальных укреплений многочисленными оградами из колючей проволоки. – Это наша обычная, так сказать, рутинная деятельность здесь.

И он передает Мулагеш подзорную трубу. Она быстро понимает, куда нужно смотреть. И хотя над плацем еще плавают пороховой дым, понятно, что там произошло.

С одной стороны двора выстроились девять сайпурских солдат с винташами. С другой – высокий земляной вал, песок у его подножия мокрый и темный. Что-то там лежит в грязи, уже безвольное и сжавшееся, а двое сайпурских солдат подбегают и утаскивают это что-то. Что-то оставляет за собой длинный кровавый след.

– Они напали на блокпост, – поясняет Бисвал. – Застрелили двоих солдат. Мы захватили их по чистой случайности – на них наткнулся возвращавшийся патруль.

Двое солдат выволакивают грязного, скрюченного континентца с заплывшим от побоев лицом. Завязывают ему глаза и ставят перед валом. Между ногами человека появляется темное пятно – от мочи.

– Вы их расстреливаете? – спрашивает Мулагеш.

– Да, – кивает Бисвал. – Мы тут не в Мирграде, Турин. Здесь нет закона – точнее, здесь есть только племенные законы. Судов тоже нет. Точнее, есть только военные трибуналы. А тюрьма в форте крохотная и старая. Мы не можем себе позволить долго содержать там людей.

Командир выкрикивает команды. Девять солдат поднимают винташи.

– Здесь, в Вуртьястане, – говорит Бисвал, – мы вынуждены обходиться тем, что имеется.

Воздух двора заплывает дымом. Континентец падает ничком. В этот раз звук выстрелов долетает до них с некоторым опозданием.

Мулагеш опускает подзорную трубу и медленно передает ее Бисвалу.

– Возможно, теперь ты понимаешь, – говорит Бисвал, – что у меня есть по-настоящему важные дела. И мне не до каких-то там секретных научных экспериментов. Капитан Надар! Прошу, проведите генерала Мулагеш в лаборатории. Возможно, прежде, чем она выйдет на пенсию, она сумеет уведомить совет, насколько смехотворен весь этот проект. Насколько

неудобоносимо для нас это бремя. А когда отведете, возвращайтесь и доложите обстановку на восточном периметре укреплений. Нам нужно заниматься настоящими делами – так-то.

* * *

Мулагеш спускается вниз и видит Надар – та все еще пытается принять приличествующее случаю спокойное выражение. Потом капитан неловко откашливается:

– Я прошу прощения за то, чему вы стали свидетелем, генерал. Должно быть, вам было неприятно смотреть на это.

– Это точно, – мрачно отвечает Мулагеш.

Конечно, ей приходилось присутствовать на казнях в Мирграде – в том числе и на тех, где приговор подписывала она сама. Однако там все было обставлено с определенной торжественностью, а сама казнь совершалась в присутствии важных гражданских лиц и чиновников. А здесь... словно мусор выкинули...

– Однако я согласна с ним, – говорит Надар. Она идет по коридору, Мулагеш за ней. – Операция «Ковчег Молний» для нас – огромное бремя, не только ненужное, но и практически непосильное.

– Но?

– Но... Бисвал... как бы это сказать... игнорирует любой вопрос, не связанный с непосредственной угрозой форту.

– Ну что ж, его предшественника застрелили во время боя, так что я прекрасно понимаю, почему секретные геологические изыскания не стали главным его приоритетом...

– Генерал Рааджаа... Да, он был прекрасным командиром, генерал. Им искренне восхищались. Когда он погиб, многие по-новому взглянули на то, что мы здесь делаем.

Она решительно отмахивается от призрака прошлого и начинает спускаться по длинной лестнице.

– Что вы знаете о «Ковчеге Молний», генерал?

– Я знаю, что речь идет о металле. Знаю, что металл – в земле. В общем, это все. Я даже не знала, что операцию по его добыче уже наделили хитромудрым именем.

– Понятно. А что вам известно об электротехнике, генерал?

– Ничего. Даже меньше, чем ничего.

– Что ж, это упрощает дело, – кивает Надар. – Меньше вопросов будете задавать.

Они идут по коридору к дверям лаборатории. Вдоль потолка протянуты трубы, и все они посвистывают, побулькивают и попискивают.

– Вы, наверное, в курсе, что на электротехнику возлагаются большие надежды. Что мы ждем великого технологического прорыва в этом вопросе. Прорыва, который станет великим благом для нашей страны.

– Я читала об этом время от времени. Однако мне казалось, что Валлайша Тинадеша уже пыталась что-то такое сделать и потерпела фиаско.

– Да, но она только подступилась к проблеме. А теперь, как вы могли видеть в Галадеше, электричество проведено во множество зданий и домов.

– Да, – кивает Мулагеш. На самом деле ей никогда не нравился электрический свет. При нем так бросаются в глаза все морщины...

– Главная проблема сейчас – это проводимость, – говорит Надар. – У нас есть уголь, у нас есть гидроэлектростанции. Однако получить источник электроэнергии, который бы соответствовал потребностям сайпурской промышленности... С этим пока сложно.

И она распахивает деревянную дверь с другой стороны коридора. Внутри обнаруживается белоснежная лаборатория, доверху набитая сверхсовременным оборудованием: насосы, процессоры и что-то, к чему подключено огромное количество трубок и трубочек. Четверо

лаборантов сидят над стеклянными блюдами с разномастными горками какого-то серого, ничем не примечательного порошка. Они с удивлением поднимают глаза на вошедших.

– Лейтенант Пратда, – говорит Надар. Один из служащих лаборатории встает по стойке «смирно» и отдает честь. – Это генерал Мулагеш. Она осматривает крепость. Не могли бы вы ввести ее в курс дела? Я имею в виду технические детали.

Пратда – долговязый, чем-то смахивающий на старенького павлина человек – выступает вперед и отдает честь непосредственно Мулагеш.

– Конечно, генерал. Большая честь видеть вас здесь. Насколько мне следует углубиться в технические детали?

– Дайте самое общее описание! – поспешно говорит Надар. – И обойдитесь в этот раз без графиков, лейтенант.

– Я понял, – кивает Пратда. И закусывает губу. – Но, капитан, дело в том, что я тут доработал один график и сейчас он очень хорошо проясняет, как...

– Никаких графиков, лейтенант, – жестко повторяет Надар. – Просто общее описание. На пять минут максимум.

– Конечно, капитан. – И он задумывается на мгновение, а потом говорит: – Что ж, в таком случае лучше показать все наглядно. – И он разворачивается к лаборантам: – Будьте добры, подготовьте мне все для опыта Аамди.

Одна из помощников вскакивает и принимается рыться под столом, затем вытаскивает очень длинную, больше чем в два фута, лампу, объемную батарею и два пучка толстых кабелей.

– Благодарю, – произносит Пратда и относит все к толстой двери с надписью «Лаборатория № 4». – Прошу за мной, генерал, – оборачивается он через плечо.

Мулагеш идет следом, но Надар не спешит за ней.

– Я уже видела это представление, генерал, – поясняет она. – Я, если вы позволите, побуду здесь в коридорчике.

Не зная, что и думать, Мулагеш заходит в лабораторию.

– Пожалуйста, плотно прикрывайте дверь, – предупреждает Пратда. – Благодарю, генерал.

А дверь-то изнутри – стальная, словно от взрыва должна уберечь...

– А нам... э-э-э... следует от чего-то беречься?

– Уверяю, опыт совершенно безопасен. Итак, вот перед нами два обычных предмета – лампочка и батарейка. Аккумулятор большой, и мощность у него серьезная. А лампа – от уличного фонаря в Галадеше, так что у него тоже большая мощность, и свет от него очень-очень яркий. Я понятно выражаюсь?

Мулагеш утвердительно бурчит.

– Прекрасно. Итак, вот эти кабели – из обычной меди. Такой, которую используют в электроприборах. Если я подсоединю их к контактам аккумулятора... вот так... а другим концом, понятное дело, к основанию лампы...

Лампа лежит на лабораторном столе. Она тут же загорается бледно-желтым, но Пратда поправляет кабель, и вот она уже неярко, но вполне прилично освещает темноватую комнату.

– Ну вот, – кивает Пратда. Убирает кабели, и свет гаснет. – Все работает, ток идет от аккумулятора к лампе. Тем не менее потери при прохождении велики – и лампа горит не слишком ярко. Однако вот эти кабели, – он поднимает их, и тогда Мулагеш видит: на них ярко-красные метки, – из сплава обычной меди с недавно открытым элементом.

– И что это за элемент?

– Обнаружен в окрестностях Вуртьястана совершенно случайно, – поясняет Пратда, присоединяя кабели к аккумулятору. – Мы вели вспомогательные работы для ЮДК, искали нужные для реконструкции гавани материалы. Тогда полагали, что проект затребует большое количество камня, поэтому мы рассматривали возможность строительства каменоломни рядом с

крепостью. Инженеры копали землю и нашли... это. Рудную жилу, металл из которой оказался непохожим на все, что мы видели прежде.

Пратда поднимает голову и блаженно улыбается:

– Генерал, вы готовы?

Мулагеш кивает.

Он прикасается кабелем к основанию лампы.

И тут...

Мулагеш видит... взрыв. Только беззвучный. Взрыв невероятно чистого света. Она подавляет инстинктивный порыв броситься на пол – вокруг должны визжать снаряды, откашливая гильзы, грохотать другие взрывы. Но она стоит и смотрит.

Лампа наполняется жгучим белым светом, ослепительным, горячим, взрывным свечением, таким ярким, что Мулагеш практически чувствует его кожей. Настолько ярким, что бьющий в глаза свет простреливает ей навывлет голову, и она вскрикивает, оборачивается – и вот стены тоже наливаются свечением, отражая жуткой мощи сияние.

Спираль лампы не выдерживает и лопается с громким «пух!». Мулагеш орет: «Демон ты забери!» и мгновенно прикрывается папкой – чтобы лицо не посекло разлетающимися осколками. Но стекло лампы не лопается – оно просто чернеет от сочащегося изнутри дыма. Пратда тоже стоит отвернувшись, но, когда он поднимает на нее взгляд, на губах его играет ошеломленная улыбка. Взгляд – блаженный, точно Пратда только что попробовал новый удивительный наркотик.

– Потрясающе, правда? – говорит он. – Мы назвали его тинадескитом. В честь инженера, как вы понимаете.

* * *

– Эта лампа, – поясняет Пратда и, не церемонясь, выкидывает ее в мусорное ведро, – должна выдерживать напряжение в 110 киломундов. Это такой термин. Проще говоря, освещать приличную площадь в обычном городском парке. И то, что тинадескит заставил этого монстра перегореть, – дело... необычное. Так или иначе, в сплаве тинадескита не так уж и много. Если вам интересно, генерал, – я готов вам продемонстрировать еще более любопытные вещи.

И он выходит, не оглядываясь. Она делает шаг следом, затем останавливается и поднимает аккумулятор. Он теплый. Переворачивает его и видит на основании наклейку – 90 км. Км – это киломунды, наверное. Она ни разу не слышала этот термин, но она же, с другой стороны, и не ученый...

– Хм... – произносит она.

Ставит аккумулятор на место и идет вслед за Пратдой.

Надар встречает ее улыбкой:

– Брови на месте, генерал?

– С графиками, кажется, было бы попроще... – бормочет Мулагеш.

– Ну будет вам, – все так же улыбается Надар.

– Как вы видите, проводимость – фантастическая, – говорит Пратда на ходу. – Просто фантастическая. Департамент реконструкции в этом очень заинтересован, не говоря уж о бесчисленных представителях промышленных предприятий и компаний. Хотя, конечно, мы предоставили им лишь самые общие сведения. Вы только подумайте: весь Галадеш можно запитать от одной небольшой электростанции, ну ладно, от нескольких! Представьте себе протянувшиеся на мили и мили провода и кабели из тинадескита! Вообразите фабрику, которую можно запитать от проводка не толще вашего пальца!

– Да уж, тут есть чему подивиться... – бормочет Мулагеш.

Они проходят мимо окна, за которым она успевает разглядеть странную лабораторию, полную микроскопов. Линзы, лампы, мотки проводов, масса колб. А вот и собственно *он* – лежит в стеклянном аквариуме. На вид – обычный графит.

– А как этот... материал... работает?

Пратда смущенно покашливает:

– Видите ли... пока идет научная дискуссия. Очень оживленная. Теорий много. Верная пока еще нами не найдена.

– То есть вы ни фиги не знаете?

– Мы работаем над этим. Мы думаем, что это как-то связано с изменениями регулярной диэлектрической структуры или с колебаниями во вращении некоторых субъядерных...

– Короче, вы ни фиги не знаете.

– Э-э-э... нет. Мы не знаем. Пока, во всяком случае.

Мулагеш, конечно, все это известно. Просто как-то неожиданно Пратда себя повел: раз – и смутился.

– Пратда и другие сотрудники научного отдела как раз над этим работают, – сообщает Надар.

– Я так понимаю, неясность задерживает внедрение этой штуки в промышленное производство, – замечает Мулагеш. – Нельзя же получать электроэнергию из источника, про который ничего толком не знаешь.

– Конечно, конечно, настоящий ученый должен сначала во всем разобраться! – кивает Пратда. – И мы пытаемся. Однако я знаю, что в Галадеше обеспокоены... – тут он качает головой, посмеиваясь, – хотя мы много – куда уж больше! – раз подтверждали, что волноваться не о чем. А они все твердят: а вдруг этот металл – божественный. Ну надо же, нашли о чем беспокоиться...

– А я их прекрасно понимаю, – говорит Мулагеш.

Надо не подавать виду, что ее об этих беспокойствах и волнениях как раз очень хорошо информировали.

– Да нет же, это совершенно невозможно! Во-первых, Божество этих земель Вуртья совершенно точно мертва. Как бы Сайпур стал свободным, если бы кадж не убил ее еще в начале войны, сами-то посудите? Но мы также провели многочисленные тесты согласно запросам Министерства иностранных дел! Мы множество раз пытались установить, не является ли сам материал или его воздействие божественным по своей природе, и все тесты оказались отрицательными! Эти тесты нам присылало само министерство!

– Ну ладно, но... хорошо, давайте вот еще что проясним. Этот... тинаде... как его там?

– Тинадескит.

– Вот. Помимо проводимости, этот тинадескит что-то такое необъяснимое делает?

– Ну... это зависит от вашего определения необъяснимости.

– Я бы определила это, – терпеливо выговаривает Мулагеш, – как что-то, что вы не можете объяснить.

Пратда отвечает не сразу. И упирается взглядом в левый верхний угол комнаты. Понятно. Придумывает, как бы вывернуться.

Очень, очень хочется, как деликатно выражаются в отчетах, «применить властный ресурс». То есть взять этого Пратду за грудки и вытрясти из него правду-матку, пока он тепленький. Она всегда так поступала с солдатами, которые начинали ходить вокруг да около. Была бы она сейчас в Мирграде да с полномочиями губернатора полиса...

Но ничего не поделаешь. Она здесь не главная. И прислали ее не за тем. Ее прислали не взять на себя командование и пройтись новой метлой. И не затем, чтобы отчитаться перед вышестоящими инстанциями. Она здесь не командует, она оперативник. Шпион. А эти ребята

считают ее эдаким скучающим туристом, который здесь пробудет месяц, от силы – два, а потом навсегда исчезнет из их жизни.

Она скрипит зубами, и коренной с правой стороны явственно потрескивает. Тоже мне, нашли шпиона себе на голову...

Так. Как бы Шара поступила на ее месте?

Она бы держала его на крючке и ходила бы за этим тупым долбаном как привязанная.

Так что не надо хватать Пратду за грудки и орать «немедленно выкладывай всю правду, засранец!». Вот чем мы поинтересуемся:

– А как так вышло, что лампа на 110 киломундов перегорела, когда ее подключили к аккумулятору на 90 киломундов? Это же на 20 киломундов меньше, чем мощность лампы?

Пратда меняется в лице. Ага, понял, что не с дурочкой имеет дело. Капитан Надар тоже поднапряглась – не ожидала, что беседа примет такой оборот.

– Пратда, этот тинадескит проводит электричество, – спрашивает Мулагеш, – или генерирует электроэнергию?

Пратда надолго замолкает.

– Мы... мы еще не установили это.

– Понятно.

– Но в чистом виде он... увеличивает заряд. Существенно.

Мулагеш молчит. Пратда неловко переминается с ноги на ногу.

– А это возможно? – спрашивает она.

– Э-э-э... Нет.

* * *

– Эта тема... – вмешивается Надар, – она... немного щекотливая, генерал.

– Я это очень хорошо понимаю, – говорит Мулагеш. – Поверьте, я сама терпеть не могу, когда случается что-то... невозможное.

– Мы не готовы это объяснить, исходя из нынешней научной парадигмы, – соглашается Пратда. – наших знаний о физике пока недостаточно. Электроэнергия действительно не может браться из ниоткуда. Что-то должно ее порождать, какой-то феномен. Но современная физика постоянно, день ото дня, эволюционирует. Мы каждый день узнаем что-то новое, – говорит он, ведя их обратно через лаборатории. – Это и есть цель проекта «Ковчег Молний». Наука подобна леднику: она наступает медленно, но неотвратимо. Но она непременно доберется туда, куда идет.

– Благодарю за речь, Пратда, – обрывает его Надар. – И за экскурсию. Она, как всегда, весьма информативна.

Пратда низко кланяется, благодарит за внимание и возвращается к работе.

– Он неплох, – говорит Надар, когда они покидают помещение. – Но сюда трудно заманить первоклассного ученого.

– Это понятно. Значит, пока мы не поймем, как тинадескит делает то, что делает, никаких фабрик и электростанций.

– Именно так, генерал. И на нас сейчас наседадут большие шишки от промышленности: пустите нас, пустите сюда, мы свои тесты проведем. А я что, нянька им? Сдались мне все эти штафирки... – Надар произносит слово с нескрываемым презрением – интересно почему?.. – У нас тут и без того проблем хватает. Недоставало еще, чтобы какого-то академика или ученого здесь выпотрошили или пристрелили у нас на глазах. Я уж не говорю о рисках для безопасности – это если промышленники полезут в военные дела.

– Какие-то проблемы с безопасностью имеются? Я говорю о «Ковчеге Молний».

– Серьезных вроде нет.

– Серьезных?

– Ну как сказать. По правде говоря, был тут один странный случай пару месяцев тому назад, но, похоже, действительно ничего такого опасного. Охрана заметила, что в одной из шахт кто-то разводил огонь. Речь не о саботаже – что там в туннеле можно сжечь... Но... кострище было. Маленькое.

– Странно... – Мулагеш ставит мысленную галочку напротив этого пункта.

– Да. Я сама туда спускалась. Похоже, там кто-то жег просто... растения какие-то. Листья. Одежду. Что-то вроде этого. Словно развели огонь, чтобы пересидеть дождь.

– Как давно это случилось?

– Да вот же, несколько месяцев тому назад. Четыре... или пять. Мы проверили проводочные ограждения, блокпосты, туннели – никто ничего не взламывал и внутрь не пробирался. Это было странно, но с тех пор не повторялось. Ну, по сравнению с тем, что у нас тут регулярно творится, это слабый чайк...

– Была бы ваша воля, капитан, как бы вы поступили с этим проектом?

Надар смигивает. И упирает тяжелый взгляд в пол.

– Могу я быть с вами откровенной, генерал?

– Можете.

– Я бы это все, к демонам, позакрывала. Некогда нам в ученых играть.

– А что бы вы сделали вместо этого?

Ответ поступил мгновенно:

– Вооружила и обучила речные кланы, чтобы, объединившись с ними, вытеснить горцев из гор Тарсил.

– Никаких дальнейших переговоров, я правильно понимаю?

Надар хмыкает:

– Это все для отвода глаз. Горные племена просто тянут время, а сами планируют очередную пакость. Конечно, потом они твердят, что они вообще тут ни при чем. Это сделали люди, которые разделяют их позиции, но которых они все никак, ну никак не могут контролировать. Очень удобная позиция...

– Понятно. – Мулагеш прочищает горло. – И последнее, капитан.

– Да?

– Я знаю, что вы подвергли этот металл тестам на предмет его возможной божественной природы... но когда они отправляли меня сюда, я узнала, что Министерство иностранных дел прислало еще одного представителя. Для проведения дальнейших испытаний.

Лицо Надар заволакивает темная туча.

– Но, – продолжает Мулагеш, – на отчете стояла пометка, что этот представитель находится в самовольной отлучке. Это так?

Надар некоторое время думает, шевеля губами.

– Думаю, это тоже лучше показать, чем рассказывать.

* * *

Она приводит Мулагеш в узкий коридор, в который выходят спальни.

– В этом крыле проживает старший офицерский состав, – объясняет она, – а также некоторые техники и гости.

Она подходит к одной из дверей и принимается перебирать ключи на тяжелом кольце.

– Мы оставили все как есть. По моему приказу. Я так и думала, что кто-нибудь приедет ее искать.

Она отпирает дверь.

– Хотя я подозреваю, генерал, что вы зайдете, посмотрите и отправитесь дальше отрабатывать свою пенсию. Извините, если что не так сказала.

И распахивает дверь в комнату.

Мулагеш открывает рот и ахает:

– Во имя всех морей!..

Прежде чем исчезнуть, Сумитра Чудри, похоже, серьезно поработала над интерьером: вся мебель вынесена, только на полу матрас, а по белым голым стенам идет черная, в четыре фута шириной полоса со странно размытыми краями. Где-то по пояс взрослому человеку начинается и заканчивается на уровне плеч. Так-так-так... нет! Это не черная полоса! Это записи! Записи, бесконечно тянущиеся фразы, одна поверх другой, переплетаются, сотворяя глухой черный туман, тысячи и тысячи слов бегут от одной стены к другой. А над и под полосой, на потолке, на полу, – рисунки и наброски: они выползают из опоясывающей комнату черной ленты и тянутся к углам. Почти три четверти комнаты зарисовано и записано черными чернилами.

– Это все она сделала? – спрашивает Мулагеш.

Надар кивает. Некоторые записи, похоже, больше не устраивали хозяйку – на них вылили целые бутылки чернил. Теперь уже не прочтешь, что там было... Чернила стекают со стен длинными, сужающимися книзу кляксами, напоминая сосульки, свисающие по весне с крыши. А в центре исписанного черным пола – голый серый матрас.

– Значит, – выговаривает Мулагеш, – она сошла с ума.

– Я пришла именно к этому выводу, генерал, – подтверждает Надар.

Мулагеш проходит в комнату. На пол натекло столько чернил, что они застыли лужами, поверхность которых начала трескаться, как голодная земля в пустошах. С некоторыми чернильными кляксами поработала сама Чудри: из высохших черных пятен глядят крохотные прорисованные личики.

Мулагеш стоит в середине матраса, на котором спала Чудри, – матрас, кстати, тоже весь залит чернилами – и осматривается. Похоже, она зарисовала свои кошмары и заползла в них как в логово.

В рисунках и набросках повторяются одни и те же мотивы. Взявшиеся за руки люди, причем некоторые из них стоят... на воде? А вот кто-то – похоже, женщина – причиняет себе вред – отрезает руку... или кисть руки? А вторая женщина смотрит на нее в ужасе. И очень-очень много рисунков с оружием: по стенам нескончаемой чередой идут мечи, кинжалы, копья, стрелы. А вот и совсем странное: один из углов сплошь зарисован чем-то вроде шампура с насаженными четырьмя крылышками, хотя... что-то такое в них есть странное. Если не отвратительное.

А вот еще набросок... впечатляющий, очень впечатляющий... впрочем, почему? Странно... пейзаж – прекрасно, в отличие от других набросков, прорисованный: берег, на берегу люди стоят на коленях, головы склонены. А за ними – башня, и, хотя рисовали ее черными чернилами, понятно – она белоснежная, и свет холодной луны отражается в ней.

– Что произошло? – спрашивает Мулагеш.

– Она приехала где-то с полгода назад исследовать тинадескит. Долго занималась этим, результат был как всегда – ноль. Ничего божественного. А потом ее исследование... вышло за обычные научные рамки. Она стала уходить из форта, бродила по городу и окрестностям. В лаборатории больше не заглядывала. В гавани много времени проводила, как мне сказали. Мы еще подумали – странная какая, и я переживала из-за возможных утечек, хотя... если мы не можем доверять служащему министерства, то кому мы вообще можем доверять... – Тут она вздыхает. – Но мы никогда до этого не заходили в ее комнату. Ведь она же служащая министерства... Поэтому мы не знали, что с ней так все плохо. А однажды она просто не вернулась.

Мы организовали поиски – ну и обнаружили это. Я даже не представляю, что с ней произошло. Однако она пропала именно тогда, когда случился очередной набег.

Мулагеш сходит с матраса и медленно оглядывается.

– А бумаг после нее не осталось? Документов? Может, в лаборатории она чем-то особо интересовалась?

– Она перестала интересоваться лабораториями уже через несколько недель после прибытия, – говорит Надар. – И вскоре превратилась в какой-то призрак. На глаза почти не попадалась, ни с кем особо не контактировала. Хотя вот патрульные говорили, что видели ее на скалах с фонарем. Но в этом нет ничего особенного, генерал.

– Какие тесты она проводила?

Надар монотонно перечисляет тесты, названия которых ничего не говорят Мулагеш: что-то такое про лепестки лилий, кладбищенскую землю и серебряные монеты.

– Более того, – кивает Надар. – Она не только тинадескит тестировала, но и сам форт. В смысле камень стен, грязь, деревья... Она весь район, почитай, протестировала на присутствие божественного – и ничего не нашла. Она реально вела себя как сумасшедшая.

– Кто последний видел ее живой?

– Трудно сказать, потому что мы точно не знаем, когда она исчезла. В донесениях упоминалась сайпурка, которую видели на берегу в окрестностях Вуртьястана, но подтвердить, что это была Чудри, мы не можем. Собственно, это все, что мы знаем о ее последних перемещениях.

Мулагеш мысленно ставит еще одну галочку.

– А есть ли этому какая-то причина?

– Причина?

– Ну, я не знаю... какое-нибудь травматическое событие... ранение, болезненный опыт – что угодно, что могло запустить этот процесс?

– Да, ее в какой-то момент ранили... Она получила травму головы, хотя каждый раз поразному рассказывала о том, как это произошло.

– Травма могла стать причиной изменений в ее поведении?

– Не думаю. Изменения в поведении происходили скорее постепенно.

– Тогда что это могло быть?

– Генерал... – Надар вздыхает и грустно улыбается. – Если вы найдете ответ на этот вопрос... что ж, у вас получится то, что не вышло у нас. Но это место... оно давит на мозги. И если говорить откровенно, генерал... – Она оглядывает комнату. – От всей этой хрени у меня мурашки по коже.

Мулагеш очень хорошо ее понимает. Надо все это как следует запомнить – все рисунки, странные глифы... Кое-что перерисовать – хотя получается не ахти по сравнению с оригиналом... Эх, Шару бы сюда. Она-то все про божественное знала. Или какого-нибудь вуртьястанца порасспросить, но где ж его взять...

А впрочем... она же знает вуртьястанца! Точнее, дрейлингскую женщину, которая здесь выросла!

Хотя... С Сигню Харквальдссон играть – как играть с огнем.

А что это у нас в углу лежит? Ага, стопка бумаг! Ну-ка, посмотрим, что там... ух ты!..

Да, Чудри закончила с отличием Академию Фадурри по классу истории – однако зачем ей читать про вещи, известные вдоль и поперек каждому школьнику?

В руках у Мулагеш портрет Валлайши Тинадеши, пожалуй, самой известной женщины в сайпурской истории. И человека, в честь которого назван этот форт.

* * *

Когда Мулагеш училась в школе – а было это так давно, что и вспоминать не хочется, – дети делились на две партии: тех, кто боготворил каджа, и тех, кто боготворил Тинадеши. Большинство, конечно, были за каджа: а как же, спаситель Сайпура, блестящий военачальник, изведший свой народ из рабства.

Однако потом дети понимали: кадж-то – не вернулся. Он умер на Континенте меньше чем через год после окончательной победы над врагами. Он не был в Сайпуре, когда тот строился. Он даже не подозревал, что Сайпур станет тем, чем стал. Он не созидал – только разрушал.

И вот тут-то на сцену выходит Валлайша Тинадеши. В течение нескольких столетий Континент полностью зависел от Сайпура: в отсутствие божественной помощи ему были нужны технологии и ресурсы. Поэтому сайпурцы изрядно поднаторели в планировании и инженерных работах. А самой талантливой оказалась Валлайша Тинадеши: в год основания Сайпура как государства, в 1648-м, она возглавила строительство дорог, занималась ирригационными работами и сельским хозяйством, а также проблемами урбанизации – ведь миллионы сайпурцев освободились от рабства и хлынули в города. Нежданно пришедшая свобода оказалась нелегким бременем, однако все стало бы гораздо проблематичнее, если бы Валлайша Тинадеши не оказалась в нужное время в нужных местах.

Однако роль ее этим не ограничилась – ведь она была самым настоящим гениальным изобретателем. Именно Тинадеши и ее команде инженеров Сайпур обязан железными дорогами и телеграфом. Именно ее протеже провел воду в Галадеш и построил тамошний водопровод. А когда в Сайпуре приняли решение продолжить оккупацию Континента в 1650 году и «реконструировать» его, именно Валлайша Тинадеши переплыла океан и построила на Континенте сеть железных дорог – хотя, как сейчас уже известно Мулагеш, поезда запустили, чтобы в случае чего ускоренно перебрасывать войска в полисы: в Сайпуре не верили, что континентцы примут перемены благосклонно.

Именно этот период в жизни Тинадеши принес ей вечную славу первопроходца и изобретателя, бесстрашно переправившегося во враждебную страну, человека, принесшего на Континент просвещение и цивилизацию. Мулагеш знает, что этот образ лишь отчасти соответствует действительности: Тинадеши перевезла на Континент свою семью, и двое ее детей погибли от чумы. Изобретатель себе этого так и не простила. А кроме того, жизнь Тинадеши окончилась самым таинственным и загадочным образом. Именно об этом и читала, судя по всему, Чудри.

Мулагеш тоже принимается за чтение.

К 1661 году Тинадеши построила железные дороги и обеспечила инфраструктурой практически все полисы Континента. Кроме одного – Вуртьястана. И вот она наконец выехала и туда. С целью, как писал один журналист, «опутать самый чудовищный город Континента цепью благородной сайпурской стали». Во время этой экспедиции Валлайша Тинадеши неожиданно исчезла. Ее долго искали, опрашивали местных – впустую, ее нигде не нашли. Такое впечатление, что она просто растворилась в воздухе. Поисковые работы длились несколько месяцев, затем ее люди вернулись в Галадеш, и страна оплакала гибель национального героя.

А вот и портрет Тинадеши: гордая, царственного вида бесстрашная смуглая женщина с утонченно аристократическими чертами.

Галочка напротив пункта. И она, и Чудри без следа пропали в этом городе. Исчезновения разделяет шестьдесят лет.

– Что-нибудь еще такого интересного она читала? – спрашивает Мулагеш.

– Это все, что мы нашли, – качает головой Надар. – Думаю, остальное она сожгла, хотя мы не знаем когда. И почему.

А вот и последняя страница. Странный набросок, поначалу даже непонятно, что тут нарисовано: черная рука держит меч, точнее, рука – это рукоять меча... Да, точно, это отрубленная рука. Запястье превратилось в рукоять и наверх, а скрюченные пальцы – в гарду.

Внизу – еще два наброска, помельче: один – только меч, другой – эта непонятная и неприятная рукоять.

А под ними – заметка, явно выдранная из другой публикации:

«Меч и рукоять Вурты имели для вуртыстанцев глубокое символическое значение. Клинок обозначал атаку, нападение, агрессию, а рукоять, откованная из отрубленной руки сына святого Жургута, символизировала жертвенность. Вместе они были призваны обозначать как радость битвы, так и преданность и цену крови, которых требовала война. То есть они образовывали пару, символически представляющую воинский дух, призванный забирать и отдавать, править и подчинять.
ЕП».

Что ж, понятно, чьи это инициалы. Это Ефрем Паньей. Вот и еще один призрак прошлого объявился...

Мулагеш вскидывается на звук хлопающей двери и топот в коридоре. Кто-то очень быстро бежит к ним. На пороге появляется запыхавшийся старший сержант Панду.

– Капитан Надар... Прошу прощения, я вас везде искал, мэм.

– Да? – оборачивается к нему Надар. – Что случилось, Панду? Что за спешка?

– Дело в том... в общем... это снова произошло, капитан.

– Что произошло?

Панду явно пытается сформулировать это половчее.

Наконец он говорит:

– Еще одна семья к северу от нас.

Надар цепенеет. Потом медленно разворачивается к Мулагеш и произносит:

– Извините, мне нужно выйти.

– Да, конечно.

Надар и Панду выходят и останавливаются в коридоре, тихо переговариваясь. Мулагеш запикивает заметки Чудри к себе в папку, затем наклоняет голову к двери, вслушиваясь. Слов разобрать не удастся – хотя ей раз за разом слышится «жертва» или «жертвы». Надар стоит бледная, с гримасой отвращения на лице.

Мулагеш высовывает голову в коридор. Панду нервно переминается с ноги на ногу, ожидая ответа. И явно боится задавать дальнейшие вопросы. Мулагеш подходит к ним:

– Что-то не так?

Надар в ярости мотает головой:

– Проклятые станцы...

– В смысле?

– Прошу прощения, генерал. Тут такое дело... Только что пришло донесение: новое нападение. Погибла семья на хуторе к северу отсюда. Четыре человека. Городок называется Пошок. – Она замолкает на мгновение. – Говорят, это страшная дыра.

– Так. Понятно. И что вы собираетесь делать?

Надар вздыхает:

– Вскоре состоится встреча глав кланов, и переговоры будут весьма сложными.

– Бисвал упоминал об этом.

– Да. Только этого нам не хватало. Особенно если это клановые разборки.

– Так. А что вы будете делать?

– Поеду туда и посмотрю, как там и что. Попытаюсь отыскать преступников и отправить их на виселицу. Или сразу в могилу. Чем быстрее с этим разберемся, тем лучше.

– Мне поехать с вами? – спрашивает Мулагеш.

Надар изумленно вскидывает взгляд:

– Вы и вправду хотите этого, мэм?

– На самом деле я здесь, чтобы заниматься чем-нибудь полезным, – говорит она. – К тому же в бытность мою губернатором полиса я сталкивалась с подобными вещами. И, честно говоря, я думаю, Бисвалу совсем не нужно, чтобы я путалась у него под ногами. Да и потом вы все здесь при деле. А я нет.

– Э-э-э... мне сказали... мне сказали, что место преступления выглядит... неприятно, генерал, – говорит Надар.

– Я видела много неприятного в своей жизни, – пожимает плечами Мулагеш. – Сдается мне, ничего нового я сейчас не увижу.

Надар с очень серьезным видом обдумывает ее слова.

– Я... я не уверена, мэм.

5. Составные части

Сайпур может похвастаться огромным флотом, который контролирует практически все торговые пути во всех морях, но, даже если бы размеры нашего флота в два раза превысили нынешние, это все равно не шло бы ни в какое сравнение с морской мощью древнего Вуртьястана.

Мощь эта основывалась не на числе кораблей и не на числе воинов на их палубах – хотя цифры эти были впечатляющи. Основа мощи флота Вуртьи – невероятные свойства каждого судна вне зависимости от его размера. Корабли обладали колоссальной разрушительной силой. И хотя то, что вуртьястанцы бросались в битву с одним мечом и без щита, – чистая правда, правда и то, что связь воина с мечом была божественной по своей природе.

Меч вуртьястанца считался продолжением души воина, его сердцем – человек и оружие были связаны на самом высоком, если не метафизическом, уровне. А самое потрясающее заключалось в том, что меч всегда возвращался к хозяину, даже если тот бросал его как копье на поле боя или в воды открытого моря: меч быстро возвращался к руке, что кинула его, вне зависимости от того, что он пронзил или встретил.

Мечи вуртьястанцев представляли собой удивительное оружие: невероятно длинные и острые, вкупе со сверхчеловеческой силой адептов они наделяли носителя поражающей мощью, сравнимой с нынешней пушкой. Если верить описаниям морских сражений – а они весьма многочисленны и последовательны в изложении, этого у них не отнять, – крохотный вуртьястанский катер с горсткой адептов на борту мог бы с легкостью потопить сайпурский дредноут.

Как можно понять, связи души воина и меча придавалось огромное духовное значение. Если воин долго жил на свете, считалось, что меч превращался во вместилище его души, а тело становилось не чем иным, как придатком к оружию. Бытуют также рассказы о простых континентцах, обзаведшихся вуртьястанским клинком: в рассказах люди становятся одержимыми духом прежнего хозяина меча и гротескным образом меняют облик. Трудно сказать, насколько эти истории реальны; возможно, этот миф – лишь концентрированное в сюжете представление об отношениях, связывавших Вуртью и ее воинов: она требовала, чтобы они стали ее оружием, и они добровольно превращались в него.

Доктор Ефрем Паньюй. «Континентальная империя»

Они выезжают из крепости после полудня – двадцать человек верхом, Надар впереди. Давненько Мулагеш никуда не отправлялась на лошади: промежность и задница начинают немедленно жаловаться, а увечье тут же напоминает о себе – держать поводья одной рукой не слишком-то удобно. Однако тропы здесь такие, что машине не проехать.

На дороге спокойно. Мрачные ели практически смыкаются над ними своими лапами, с них капает влага. Вдалеке низкие облака медленно заволакивают Тарсильские горы, раскрашивая розовые пики в грязно-коричневые цвета. Потом горы и вовсе скрываются из виду.

Самое время в очередной раз спросить себя: «Турин, ты хоть понимаешь, во что ввязалась? За каким демоном ты потащилась на север, где тебя ждут расчлененные останки фермеров? Это как-то поможет в расследовании судьбы Чудри? Или разобраться с тинадескитом?»

Да нет, поможет. Как раз поможет. Что тут сказала бы Шара? Что-то вроде: хороший оперативник заходит к цели со всех возможных углов, ко всем втирается в доверие и слушает все, что ему хотят поведать.

Вот так, да, сказала бы Шара, будь она здесь. Так что не такая уж плохая ее посетила идея.

Но в то же время Шара могла бы выразиться и так: хороший оперативник не тратит свое и чужое, мать его, время. А Мулагеш, возможно, занимается именно этим.

По обеим сторонам дороги торчат странные высокие и гладкие стоячие камни. Причем расставлены они явным образом не случайно. Что-то их расположение друг относительно друга да значит. А вот провалившаяся арка или разбитая мощеная дорога, белые камни сплошь затянуты мхом... Милю спустя они натыкаются на развороченную до половины башню, взорванную изнутри какой-то чужеродной катастрофической мощью: кирпичи раскатились по склону холма, как выбитые зубы. Остатки и останки древней погибшей культуры...

А вот и вовсе нечто удивительное! И вполне знакомое, судя по виду... Над вершиной далекого холма торчат две гигантские каменные ступни, футов восемьдесят в длину и пятьдесят в высоту. Чудовищно огромную статую что-то разрушило по самые икры. Ступни босые, стоят на массивном мраморном постаменте, который частично ушел в землю, словно глина не выдержала веса колосса, некогда здесь высившегося. Однако никаких обломков не видать, как ни присматривайся: ни лежащей вдалеке мраморной руки или остатков плеча, никаких разбитых камней, усыпавших соседние холмы. И головы нет, хотя так и видишь, как из глины выступает потрескавшееся и размытое бледное лицо с пустыми глазами...

Мулагеш оглядывается на чудовищные ступни на пьедестале и интересуется:

– Мне нужно знать, что это было?

Надар отчеканивает:

– Мне – точно не нужно.

* * *

Запах Мулагеш учуяла до того, как все увидела: где-то поблизости горит мягкое влажное дерево. Панду утыкается в донесение.

– Тут так все запутано, что сам Колкан ногу сломит, генерал, – выдыхает он.

И указывает на одну из узких сельских дорог. Они объезжают пихтовый бор, и Мулагеш видит – вот оно. В вечернее небо поднимается струйка темного дыма.

Они приближаются к месту в полной тишине. Фермерский дом низкий, с большим крыльцом, жиденький столб дыма встает откуда-то сзади. Но вот перед порогом... там торчит что-то странное: шесть тотемов, а может, декоративных деталей бледно-белого цвета. Бледно-белое насажено на колья. А еще эти штуки дрожат, словно вокруг них мерцает и переливается свет.

«Мне это не нравится», – думает Мулагеш.

Они подъезжают ближе. Так. У одного из тотемов явно есть груди, на другом курчавится волос, а воздух вокруг них дрожит, потому что по ним толстым слоем ползают и перелетают мухи.

– Ох, во имя всех морей... – с отвращением выговаривает Надар.

Это человеческие тела, точнее, их половинки, разрезанные от шеи до промежности и водруженные на колья. Анатомический театр какой-то... органы внутри все черные и сморщенные. Головы, руки и ноги аккуратно срезаны и сложены кучками между столбами, словно какой-то хворост... И да, несмотря на вонь и вываленные внутренности, это очень чисто, с подходцем, исполнено, аккуратно и выверенно сделано. Будто эти тела – какие-то овощи, которые вымыли и ошкурили для ужина...

Разглядев, что творится, солдаты в ужасе держатся подальше от дома. Надар быстро смекает, что к чему, поворачивается и приказывает:

– Берем это место под контроль. Панду, посмотри в лесу, не проходил ли там кто. Ты и ты – оставайтесь здесь и охраняйте ворота. Задерживайте любого, кого увидите.

Потом поворачивается обратно к жутким останкам и бормочет:

– Сраные станцы...

– Сможете подойти и осмотреть поближе? – спрашивает Мулагеш.

Надар вспыхивает:

– Да!

Мулагеш посылает лошадь вперед, Надар едет следом, и ей на глазах становится все хуже и хуже. Лошади начинают пятиться – запах, им не нравится запах.

– Как они... как они могли сделать такое? – спрашивает Надар.

– Очень аккуратно, похоже, – замечает Мулагеш, объезжая тела и разгоняя ладонями мух. – Они даже сумели отделить грудину от спинного хребта. А это не просто сделать – хотя вот с позвоночником пришлось потрудиться...

Надар отворачивается, ее рвет. Конь испуганно ржет.

– Водички дать? – спрашивает Мулагеш.

– Как вы можете просто смотреть на это? – Надар сплевывает и вытирает глаза.

– Да, такого я еще не видела, – мрачно произносит Мулагеш, присматриваясь к ближайшему телу. – Но похожее – видела, и не раз.

Она осматривает сложенные на траве отрубленные головы. Целая семья, сказал Панду. Да – жена и двое сыновей, оба подростки. Лица синие, искаженные смертными гримасами, глаза смотрят тупо и пусто, как у всех мертвых: словно им задали трудный вопрос, а они не могут найти с ответом.

Мулагеш спрыгивает с лошади, отмахиваясь от мух, и подходит ближе. Тела раскромсаны и разделаны, однако никаких ран нет: ни от холодного оружия, ни от пуль. У одного из сыновей глубокий разрез в области ребер – но это не смертельная рана... Ноги и руки она не изучает – даже ее на это не хватает. Однако поверхностный осмотр показывает: там тоже нет ничего подобного.

– Их отравили, возможно, они задохнулись или что-то в этом роде, – говорит она вслух. – Или их рубили, и от этого они и умерли.

– Им головы отрубили, – мрачно говорит Надар.

– Может, так оно и есть.

Мулагеш осматривает половину обрезанной шеи – срез уже заветрился и посерел.

– Чистый удар. Либо с одного удара отрубили, либо резали медленно. Так или иначе, это все непросто осуществить. Люди не стоят смирно, когда с ними такое делают. У мальчика какая-то инфекция на коже, что-то гадкое... Но я не уверена, что это как-то связано с убийством.

– Не могли бы вы... не могли бы вы отойти? – просит Надар. – Вас мухи облепили.

Мулагеш идет через тучу жужжащих насекомых.

– Панду сказал, жертв четверо.

– Что?

– Когда рапортовал. Сказал, что семья из четырех человек. Где четвертый?

Они объезжают дом и находят четвертое тело. Оно лежит лицом вниз среди клевера. Мужчина примерно сорока лет, но на теле – никаких следов насилия. Вообще никаких. Мулагеш снова спешивается, осматривает его с ног до головы, затем приседает на корточки, берется здоровой рукой и переворачивает тело на спину.

Застывшее белое лицо смотрит в небо. Бледная кожа трупа, жуки везде ползают – бр-р-р, вот один побежал изо рта в ворот рубашки, – но никаких порезов, ударов и прочего. На

горле, правда, странная татуировка. Нет, не на горле, она идет вокруг шеи. Рисунок выполнен зелеными чернилами, что-то похожее на косичку.

– Я так понимаю, это отец семейства, – говорит Мулагеш.

– Видимо, да, – соглашается Надар.

Она также спешивается – правда, с крайней неохотой.

– А что это за татуировка?

– Татуировка? – Лицо Надар завлакивается черной тучей. – Твою мать...

– Что это?

– Это племенная татуировка. У всех племен есть такие. Человек проходит все испытания, приносит клятву верности племени, и они набивают ее – вот так, кольцом вокруг шеи. Это символизирует, что покинуть племя он может только...

– Только потеряв голову, – тихо говорит Мулагеш.

– Точно. Татуировки племен различаются цветом и узором. Эта – племени Орскова, из речных кланов. Это очень разозлит некоторых важных людей.

Мулагеш бросает взгляд на дом – задняя стена дымится, и вдруг все кажется до боли знакомым: горящая ферма, мокрая холодная трава, зудение мух, трупный запах...

Мулагеш встряхивается. Встает и обходит крепко сколоченный, не отличающийся изяществом дом. Задняя дверь выбита, словно туда на грузовике въехали. Удар развалил очаг, и начался пожар.

– Хорошо еще, что влажность высокая, – говорит она вслух. – Иначе не миновать нам лесного пожара. – Она оглядывается на Надар: – Вы ведь в курсе, что это такое, правда?

– В смысле? – удивляется Надар.

– Срезаны руки и ноги, тела распотрошены и насажены на колья.

Надар задумывается. Затем глаза ее удивленно распахиваются:

– Ох... во имя всех морей...

– Да-да. Именно так вуртьястанцы поступали с сайпурскими рабами, которые осмеливались поднять мятеж или сбежали. Разобрать на составные части – так они это называли. Чтобы показать: мы в их глазах не люди, а инструменты, а инструменты и механизмы легко разобрать. А потом они выставляли тела на всеобщее обозрение. Очень трудно сопротивляться, если из окна твоей спальни открывается вот такой вот вид. – Она качает головой. – Я читала о подобном, но... никогда не видела, чтобы кто-то в действительности пытался повторить это.

Надар и Мулагеш снова обходят дом, ведя лошадей в поводу.

– Как вы думаете, это нам такое послание оставили? – спрашивает Надар.

– Ваша территория, ваш задний двор, – пожимает плечами Мулагеш. – Это вы мне должны сказать.

– Я и говорю. Он из Орскова, а кланы бьются за их территорию. Может, это оскорбление, а может, предупреждение: предадите нас, и мы поступим с вами как с сайпурцами.

– Похоже на то. – Мулагеш сдувает муху с лица. – Переговоры пойдут к едреной матери, правильно я понимаю?

Надар стонет и закатывает глаза:

– Вот-вот. Бисвалу с Радой придется попотеть, чтобы эти проклятые племена перестали убивать друг друга – после такой-то мерзости.

– Рада?

– Рада Смолиск. Она здесь губернатор полиса.

– Рада Смо... – Мулагеш понимает, что имеет в виду Надар, и у нее буквально падает челюсть. – Это имя... Вы что, хотите сказать, что губернатор полиса – демонова континентка?

– О да, – кивает Надар. – Это все в рамках одной из программ министерства – типа надо вовлекать континентцев в управление. В отличие от других программ, кстати, с этой все хорошо. С Радой работать одно удовольствие. Она, конечно, фиялочка, зато доктор хороший.

Носится по всему городу, людей лечит, даже иногда в форт приезжает, если кого ранят. Ее здесь любят.

– Я в жизни о таком не слыхала! Континентец – на должности губернатора полиса!

Надар хихикает:

– А я-то думала, что вы из сторонников министра, генерал. Разве это не прогрессивно, а?

– Одно дело – прогресс, другое – хрень вроде этой.

Мулагеш встряхивается и пытается сфокусироваться на деле.

– Значит, такое уже и раньше случалось?

– В смысле? А, да. Да, один раз, семь месяцев тому назад. Но тогда погибла семейная пара, не семья, и убийство было не таким... э-э-э... красочным.

– Никаких тел на кольях?

– Нет. Как доложили патрульные, муж убил жену, отрубил ей голову и руки-ноги. Но туловище не вспарывал. Мы нашли его в той же комнате их халупы. Его разорвали волки.

Они идут обратно на передний двор.

– Никаких следов человеческого вмешательства в его смерть?

– Я же говорю – волки. Хотя нет. Мы думали, может, он пьяным все это проделал, а потом умер от алкогольного отравления. Или у него сердце отказало. Но там тела долго лежали, не то что здесь. И мы полагали, что это единичный случай. Тут чего только не происходит. Но это...

– Да уж, – кивает Мулагеш. – Теперь такое в тренде, как я погляжу. Может, первый случай тоже должен был стать уроком, просто они не успели закончить работу. Что-то им помешало. Но теперь они наострились и довели дело до конца.

Надар смотрит на темный ельник.

– Значит, это произойдет снова.

– Возможно, да. Если вы не найдете человека, точнее, людей, которые это сделали.

– Вы думаете, их было несколько?

– Убить всю семью в одиночку – дело трудное. Дети начнут разбегаться. Кто-то кинется на тебя с ножом – такое тоже случается. Наверняка там несколько человек потрудились. Хотя я бы не исключала отравление или поджог. Вспыхнул дом – жертвы задохнулись в дыму. В таком случае это мог быть один человек.

– Откуда вы все это знаете?

– Я просто знаю. – Мулагеш щелкает языком и качает головой. – Хотя вот тело мужчины они уродовать не стали. А остальных разделали. Странно это.

До них доносится крик. Надар и Мулагеш снова вскакивают на лошадей и несутся к Панду и остальным солдатам. Те толпятся рядом с дорогой, там, где к ней подступает лес.

– Что там?

– Мы кое-что нашли, мэм, – говорит Панду. И показывает на деревья. – Похоже, как если бы охотник в засаде сидел.

Надар и Мулагеш снова спешиваются – бедра у последней уже болят – и присаживаются, чтобы разглядеть получше. Между деревьями высится тщательно сложенная стена из лапника.

Надар разводит ветки и всматривается.

– Иголки повыпадали, – тихо говорит она. – Кто-то здесь долго сидел. Отлично сработано, старший сержант.

Мулагеш встает и примеривается к стене – и ей тут же открывается вид на ферму. Все как на ладони.

– Они сидели и ждали, – тихо говорит она. – Ждали удобного времени, чтобы напасть.

* * *

Собственно к городу они подъезжают уже затемно. Мулагеш безмерно устала, мышцы спины отказываются поддерживать ее в вертикальном положении.

– Я отправлю человека к Орсковым, – говорит Надар, когда перед ними открываются двери форта. – Они, наверное, сами захотят похоронить соплеменников.

– А что дальше будете делать, капитан? – спрашивает Мулагеш.

– Утром пошлю патрули прочесывать местность, – отвечает Надар. – Пусть поспрашивают, может, заметят что-нибудь подозрительное. Надо же что-то с этим делать. Вы останетесь на ночь здесь, генерал?

– Нет, думаю, лучше я в город вернусь, – мотает головой Мулагеш. – Два генерала под одной крышей – сами понимаете. Не хочу никому наступать на больную мозоль.

– Уверена, роскошные перины, камины и лучшие шеф-повара ЮДК не имеют к вашему решению никакого отношения, – говорит Надар, и голос ее звучит на удивление холодно и раздраженно.

– Сегодня был тяжелый день, капитан, – резко отвечает Мулагеш. – И вы насмотрелись всякой дряни. Поэтому я спущу вам это. Но только сегодня. Не надо так со мной разговаривать.

– Приношу свои извинения, генерал. Вы оказали неоценимую помощь при осмотре места преступления. Панду отвезет вас обратно, если вы так хотите. А нам, боюсь, еще долго не придется спать.

Она отдает честь и пускает лошадь рысью. Мулагеш отдает честь в ответ и смотрит вслед Надар. Что ж, намек понят: ты тут мельтешишь, типа как бы помочь хочешь, но в конце выясняется, что мы тут вкалываем, а ты не вкалывать, а отдыхать сюда приехала.

– Ну и хрен с тобой, – бормочет Мулагеш, направляясь к машине. – У меня своей работы невпроворот.

Панду отдает честь:

– Едем обратно к маяку, генерал?

– Нет, не сегодня, – говорит она, забираясь внутрь. – Мы едем в гавань.

Она перелистывает странные, до дрожи неприятные зарисовки Чудри в папке.

– Мне нужно кое с кем поговорить.

* * *

Первым делом Мулагеш направляется на проходную ЮДК, где крепко сбитый человек, взглянув на график работ, сообщает ей, что Сигню сейчас в доке Д4. И машет куда-то в сторону северо-востока. Мулагеш с трудом находит док Д4, но там ей говорят, что Сигню уже на Подготовительной станции-3, а это огороженный участок цехов ЮДК. Прорвавшись туда, она обнаруживает прораба, который сообщает, что они с Сигню, вот беда, разминутись на двадцать минут. И нет, графика ее они не знают, но думают, что она отправилась в башенный испытательно-сборочный цех – поди пойми еще, что это такое.

Мулагеш, пыхтя от усилий, бежит обратно на проходную. Эта сумасшедшая, наверное, думает, что в сутках семьдесят два часа, иначе с чего она так носится.

На бегу Мулагеш присматривается, вглядывается в тени, впивается глазами в рабочих. В цивилизованном мире дрейлингов считают пиратами и дикарями – и Мулагеш прекрасно знает, что в этом есть доля правды, – однако индустриализация явно идет на пользу тем, кто работает на ЮДК. На куртках из тюленьей кожи – цветные нашивки, и сидит форма ловко, на касках – значки и метки, показывающие, какие зоны стройки этим рабочим можно посещать. Люди явно заняты делом и намерены выполнить свою задачу хорошо.

Однако кое-что... настораживает. Некоторые «строители» не светятся, сидя в темных уголках, – и у них под плащами явно винташи и дробовики. А на сторожевой башне и вовсе крайне неприятная штука – ПК-512. Это стационарный, полностью автоматический, с шестью стволами пулемет, способный нанести колоссальный урон врагу буквально в одну секунду. Мулагеш пристально изучает механическую машину: она словно увеличенная версия «карусели», что сидит у нее самой в кобуре. Пару лет назад она присутствовала на испытаниях этого чуда техники: штука изрешетила в клочья пластину стали в четверть дюйма толщиной.

А Бисвал-то прав. У них тут целая частная армия.

В конце концов Мулагеш все-таки догоняет Сигню. За той бежит толпа обеспокоенных дрейлингов – ни дать ни взять, утят, семенящие за мамой-уткой. Сигню выдает указания, и очередной человек отваливается от ее свиты и быстро несется в нужном направлении.

– ...Док Г7 сейчас на ремонте, поэтому мы должны перенаправить все грузы в ЖЗ до 12:00 следующего вторника. Повторяю – следующего вторника. Башня номер 5 сейчас в сборке, когда ее доделают, она должна удерживать на грунте Башню номер 34, у той сейчас проблемы с этим. Башню 34 необходимо стабилизировать к 10:00 субботы, чтобы мы могли начать подъемные работы – нам нужно расчистить тот участок, если мы хотим добраться наконец до западной дельты. Как у нас с дизелем?

- Танкер придет завтра.
- В котором часу?
- В девять утра.
- Слишком поздно. Поторопите их.
- Есть, мэм.

И так далее. Сигню отсеивает человека за человеком, и вот около нее уже только трое сопровождающих. Один из них – телохранитель, хотя, судя по униформе, явно не последнего разбора. Он замечает Мулагеш, быстро взглядывает на «карусель» у ее бедра и слегка меняет позу – видимо, расстегивает кнопку на спрятанной под одеждой кобуре.

Сигню тоже замечает ее:

- А! Здравствуйте, генерал. Как крепость? Познавательный вышел визит, не правда ли?
- Что-то вроде этого, – кивает Мулагеш.

И внимательно наблюдает за ее телохранителем – сухощавым, с волчьими повадками дрейлингом. Волосы его пострижены настолько коротко, что непонятно, где кончаются они и начинается щетина.

– Позвольте мне представить вас друг другу, – говорит Сигню. – Это глава моей службы безопасности, Лем.

Мулагеш делает вид, что улыбается:

- Добрый вечер, Лем.

Тот лишь кивает в ответ. И продолжает недобро тарашиться.

- Мне нужно кое-что с вами обсудить, – говорит Мулагеш.

– Конечно, – отвечает Сигню и с преувеличенным вниманием изучает свой планшет. – Я с огромным удовольствием с вами поболтаю. Вот только на данный момент я курирую сборку новой башни, с помощью которой мы совершим прорыв в работах в гавани.

- Понятно. Ну так и что?

– А вот что... – И Сигню показывает на высящуюся впереди железную клепаную стену футов в двадцать высотой.

В сооружении видна лишь одна дверь со множеством замков. Они здесь собрались от вооруженного нападения защищаться? Впрочем, крыши как таковой нет – только брезентовые навесы, укрывающие от дождя.

– Вы не сможете пойти со мной, увы. Перед нами сборочный цех. За этими стенами скрываются промышленные секреты на несколько очень, очень ценных патентов, так что мы стараемся широко дверь не открывать. Надеюсь на ваше понимание.

– Вы что, считаете, я тут промышленным шпионажем подрабатываю?

– В обычных обстоятельствах я бы не волновалась, но... сами посудите: сайпурский генерал, желающий как можно скорее выйти на пенсию да и прикопить кое-что на будущее... Может, я и параноик, но мой опыт подсказывает, что паранойя в наших делах – штука скорее полезная, чем вредная.

– Благодарю за откровенность. Тогда когда, проклятье, мы сможем с вами поговорить?

– Ммм... После этого я иду в док Ж7, так что... завтра?

– Вы что, не можете говорить до завтрашнего дня?

– У меня много дел сегодня вечером, – подтверждает Сигню. Один из ее помощников протягивает ей планшет, и она смотрит в него. – Думаю, что я смогу завтра уделить вам час времени. Скажем, в семь вечера в клубе.

– В том пафосном месте, где мы ели? Ладно. Только один вопрос: когда вы спите?

– Лем? – интересуется Сигню.

– Да, мэм?

– Когда у меня по плану следующий сон?

Тот заглядывает в блокнот размером с грессбух:

– В одиннадцать, завтра вечером, мэм.

Сигню улыбается Мулагеш:

– Вот видите. Впрочем, генерал, у меня есть для вас кое-какая информация, и я ее сообщу вам сейчас же. Я оповестила служащих, как вы просили, и наказала любому, кто был знаком или контактировал с Сумитрой Чудри, сообщить об этом. Оказалось, она действительно разговаривала с одним нашим медиком, спрашивала, есть в Вуртьястане аплитека – место, где покупают всякие разные...

– Я знаю, что такое аплитека, – отвечает Мулагеш. И делает пометку у себя в бумагах. – Она сказала, зачем ей это?

– Увы, нет. Но наш медик говорил, что ей очень хотелось что-то такое купить. Но что – она не сказала. Вам нужна лавочка с зеленой дверью на улице Андрус.

– Подождите, а что, у улиц здесь есть названия? Я и не знала.

– Их пишут на углах домов на перекрестках, – говорит Сигню. Они приближаются еще к одному посту охраны – на этот раз на входе в сборочный цех. Мулагеш отступает перед здоровяком-дрейлингом, у которого на плече висит винташ. – Они их процарапывают рыбьими костями. Так или иначе, еще есть надежда, что кто-нибудь еще что-нибудь знает о мисс Чудри. Может, кто-то из служащих или рабочих сумеет сообщить что-то более полезное.

Мулагеш продолжает делать пометки. Гигантская железная дверь раскрывается. Сигню проходит в нее, уткнувшись в свой планшет и что-то бормоча себе под нос. И даже не оглядывается, когда дверь за ней захлопывается с лязгом и грохотом.

* * *

Лавочка на улице Андрус оказывается обычной халупкой со стенами из кож, крепко прошитых сухожилиями. Дощатая дверь – выкрашенная когда-то в зеленый цвет и облупленная – болтается на одной петле. От холодного ветра это сооружение абсолютно не защищает.

Мулагеш подходит и трижды стучит. Кто-то изнутри отвечает:

– Входите!

Она открывает дверь и обнаруживает, что внутри – целый лабиринт из заставленных всякой дребеденью полок и все это закручивается вокруг нее словно водоворот. На полках –

бутылки и банки, а в них почерневшие и ссохшиеся остатки каких-то штук явно органического происхождения. В остальных – семена, порошки, косточки каких-то странных фруктов. Мулагеш не сразу находит взглядом стол – тот притулился у дальней стены хижины, а за ним сидит человек, такой же высохший, как его товары. И этот человек ей улыбается.

– Здравствуйте, мэ, – говорит он. – Глаза его расширяются, потом сужаются – заметил, какая на ней форма. Сайпурская. – Прекрасный вечер, не правда ли?

– Думаю, да.

– Чем могу быть полезен? – спрашивает человек. И кивает на ее руку: – Вам нужна болеутоляющая припарка? Ко мне приходят моряки из гавани – у них тоже не всегда руки-ноги на месте. Вы не подумайте, я знаю, как обходиться с культами, столько их перевидал...

Мулагеш замирает, переваривая: вот обижаться ей или нет? Обидно, конечно, но до какой степени?..

– Нет, я...

– У вас что-то по женской части не в порядке? – Тут он расплывается в улыбке. Зубы у него как желтые камушки, покрытые черным лишаем. – Вы дама в возрасте – приливы беспокоят? Это вовсе не проблема. У меня есть...

– У вас есть припарки для подбитого глаза? – спрашивает она. – Потому что вам такая понадобится, если продолжите в том же духе.

Он смигивает:

– Ох. Хорошо.

– Я не за покупками к вам. Сюда некоторое время назад приходила женщина. Вот она меня и интересует.

Человек присвистывает:

– О, тут надо будет подумать. Сложный вопросик-то, сложный. К сожаленьицу.

– Это почему же?

– А не в интересах моих клиентов, если я буду каждому встречному-поперечному болтать о том, что они у меня покупают. – А потом добавляет: – Да и нечестно это будет по отношению к ним, вот.

– Эта женщина – сайпурка, – говорит Мулагеш. – Такая, как я. Как, это не меняет дела?

– Вы прямо обижаете меня! Неужели вы думаете, что я, честный человек, имею какие-то предрассудки в отношении сайпурцев? Прямо даже обидные вещи вы говорите.

Вздыхнув, Мулагеш выкладывает на стол банкноту в двадцать дрекелей.

Человек смахивает ее со стола в мгновение ока.

– Ну что ж, – просияв, говорит он. – Та сайпурская женщина, значит.

– Она приходила сюда несколько месяцев тому назад.

– Так я и думал. Вам повезло. К нам сюда редко-редко заглядывают сайпурские женщины, так что я, пожалуй, помню ту, о которой вы толкуете. Невысокая? С повязкой вот здесь? – и он показывает на лоб. – И вела себя так, словно провела весь день взаперти?

– Похоже, да, она.

– Ммм. Ну да, я ее помню. Странная она была, честно вам скажу.

– Почему вы так решили?

– Ну потому что она вела себя странно, – говорит он так, что понятно: что за глупый вопрос? – Смотрела на все странным таким взглядом. Я каждое утро, чтобы вы знали, принимаю пилюлю дранглы – она мне очень помогает, я сразу такой наблюдательный становлюсь. – И он постукивает под правым глазом весьма грязным пальцем. – Подмечаю все тайные стороны. Пилюли эти, знаете ли, нелегко готовить, но у меня на них хорошая це...

Мулагеш с хрустом разминает пальцы – один за другим.

– Хорошо-хорошо. Ладно. Эта девушка, она выглядела так, словно вышла из потайного места и считала секунды до возвращения в свое укрытие. Она купила очень странные вещи – я

такие почитай что и не продаю. – Он закидывает голову назад, прикрывает глаза и принимается перечислять: – Розмарин. Сосновые иголки. Сушеных червей. Могильную землю. Сушеные лягушачьи яйца. И костяной порошок.

– У вас прекрасная память.

– А это все настоечка, которую я делаю. – И он фыркает: – Вам не предлагаю, вы же не хотите ничего покупать.

– Умный ход.

– Конечно, дело еще в том, что она приходила и раз за разом все это покупала. И каждый раз в больших, знаете ли, количествах.

Мулагеш делает пометку в бумагах.

– Вы, конечно, не в курсе, – говорит она, – зачем бы ей все это понадобилось.

Человечек с преувеличенной растерянностью чешет за ухом:

– Ну... я когда-то знал, конечно, но что-то подзабыл...

Мулагеш кладет на стол еще одну банкноту в двадцать дрекелей.

Человечек мгновенно хватается ее.

– Я вот почему все это больше не продаю? А потому, что незачем теперь все это держать в лавке. Такие вещи в божественных целях использовали.

– Понятно, – говорит Мулагеш.

– Да. Это весьма популярные реагенты для совершения самых простых чудес. Вот только лягушачьи яйца – они совсем другое дело, они надобны для вещей посильнее и помогающее. Все купленные ею ингредиенты соотносятся с вуртыястанцами: розмарин и сосновые иглы – для вечной молодости, сушеные черви – для восстановления сил, могильная земля и костяной порошок – это символ их смертности, а лягушачьи яйца – для превращений. И все они так или иначе связаны с порогом, отделяющим жизнь от смерти.

– Царством Вурты, – говорит Мулагеш.

– Э-э-э... да. – Человечку явно не по себе, он не привык открыто обсуждать божественное.

– А для какого конкретно чуда нужны все эти ингредиенты, не знаете?

– Вот этого – нет, не знаю. Все эти вещи были запрещены с введением Светских Установлений. Они забрали все книги и куда-то их спрятали. Я знаю лишь самые общие вещи, их особо не запрещали.

– А вы знаете кого-либо, кто в курсе, какое чудо можно совершить с помощью этих штук?

– Ну... – Он задумчиво потирает подбородок. – Комайд как корону надела, она ж все эти Светские Установления поотменяла... Но до нас, простого люда, все это еще не дошло. А вот горцы – те могут кое-что знать.

– В смысле горные племена?

– Они самые. Они у нас традиционалисты, да-с. Таких вещей они не забывают. Вот только с ними так просто чайку не попьешь, да-с.

Еще галочка в бумагах.

– А что у вас есть из сонных снадобий?

– О... это все зависит от того, какой сон вам потребен! Вам трудно засыпать? Или просыпаетесь часто?

– Просыпаюсь, – отвечает Мулагеш, потирая левую руку.

– Так какого рода сон вам нужен, мэм? Легкий? Со снами? Или глубокий?

– Глубокий, – моментально отвечает она. – И хорошо бы без снов.

Он смотрит, и глаза его странно поблескивают – возможно, малый не врал насчет дранглы...

– Вам нужно это для сна? – тихо спрашивает он. – Или чтобы сны не приходили?

Она меряет его тяжелым взглядом:

– Последнее.

Он осматривает полки, потом берет стеклянную баночку с крохотными бурыми кругляшами.

– Шляпки грибов-медяшек, – говорит он, – обладают сильным снотворным эффектом. От них вы точно уснете, мэм. Если заварить – эффект усилится.

Он осторожно пересыпает их в жестяную баночку и крепко закручивает крышку.

– Их еще используют, чтобы усыпить лошадей перед операцией. Я это к чему, мэм. Не злоупотребляйте и много их не принимайте. Половинку шляпки под язык сразу перед сном. Можете с ними чай заваривать, но тогда эффект отложенный. И не облизывайте пальцы и еду не готовьте, пока руки не помоеете. И это, не вступайте в интимную связь. Малейший след медяшки на пальцах – и все, штанный уд мужчины обвиснет на долгие часы.

– Я буду иметь это в виду.

Она берет баночку, снимает крышку и смотрит внутрь. Шляпки грибов выглядят как неровные бурые жемчужинки.

– Побочные эффекты есть?

– Да, по кошельку больно бьет, – говорит он. – Тридцать дрекелей, пожалуйста.

Мулагеш недовольно ворчит – за тридцать дрекелей можно со стойком в ресторане поужинать, – но потом все равно раскошелливается: сон ей нужнее, чем деньги.

* * *

Вернувшись в свою комнату в штаб-квартире ЮДК, Мулагеш принимается массировать руку, потом вытаскивает «карусель» из кобуры и кладет ее на прикроватную тумбочку. Затем садится на край постели. Турин совершенно одна в этой роскошной комнате – только ветер за окном воет, да море неустанно бьет о берег.

В голове крутятся картины того, что она видела на ферме: изуродованные до неузнаваемости тела, темный столб дыма, кольцами разворачивающийся над кромкой леса, лежащий в гуще клевера мертвец.

А что в этом такого? Да, воспоминания не из приятных, она встревожена – ну так любой чувствовал бы себя так же на ее месте. Она буквально только что приехала с места преступления, и какого: жуткое массовое убийство, надругательство над телами жертв... Вот от этого-то сердце и колотится как бешеное. И дело вовсе не в том, что такого она уже когда-то навидалась...

Порывшись в карманах плаща, она извлекает жестяную баночку с медяшками и вынимает одну крошечную темную шляпку. Ножом, повидавшим много сражений, разрезает пополам и внимательно разглядывает маленькое сморщенное полукружие на указательном пальце. Секунду посомневавшись, кладет его в рот под язык – кстати, вкус у него как у дерева и шерсти – и ложится в постель.

Грибочек действует моментально. Голова кружится, перед глазами все расплывается, словно туда воды налили, и тело становится очень-очень тяжелым. Словно кости разом налились такой тяжестью, что вот-вот прорвут кожу и плоть и провалятся через кровать сразу на пол.

Как там говорит Бисвал: это помогает мне справиться с чувством, что я всего лишь въедливый старик, чье прошлое все больше и больше расплывается в памяти...

Веки тяжелеют. Да, медяшки прогоняют сны, но от воспоминаний не спасают: перед глазами мелькают события прошлого, и их так много...

* * *

Если вы заговорите о Желтом походе в Сайпуре, скорее всего, люди отреагируют по-разному, но точно не в положительном ключе. Кто-то закатит глаза – мол, сколько можно нести эту чушь, помилосердствуйте, – кто-то насмешливо хихикнет. А от наиболее патриотично настроенных граждан можно схлопотать что-то посерьезнее: либо в шею вытолкают, либо по морде дадут.

Потому что в нынешнем Сайпуре Желтый поход считается плодом очернительской кампании против державы, параноидальным бредом, опасной и дурацкой идеей, сродни теории заговора – и вообще, только идиоты и непатриотические элементы способны поверить во всю эту чушь.

Все приличные люди согласятся с тем, что Лето Черных Рек (на самом деле эта кампания длилась без малого три года) принесло Сайпуру одну из самых важных побед в той войне. А поскольку сайпурская национальная идентичность сформировалась как раз во время войны и собственно войной, кто решится запятнать репутацию славных сайпурских воинов? Сайпурская интеллигенция может признать, что да, что-то за этой черной легендой стоит, не бывает дыма без огня, война есть война, и это грязное неблагодарное дело, однако адепты теории заговора весьма далеки от истины, когда расписывают всякие ужасы.

Вот только Мулагеш знает: никакой это не заговор. И не теория. Потому что она помнит. Прошло без малого сорок лет – а она все помнит.

Кадж завоевал Континент в 1642 году, а уже через восемь лет Сайпур начал процесс, названный Великой Чисткой: Континент был полностью зачищен от религиозных образов в искусстве и литературе. Вскоре после этого из Сайпура спустили Светские Установления: их авторы надеялись, что запрет на упоминание божественного исключит божественное из современной жизни. Зря они так. Впрочем, это касалось всего Континента, кроме его столицы, Мирграда. Даже послевоенный, истерзанный войной и на девять десятых уменьшившийся Мирград оставался огромным мегаполисом, и с ним – попробуй не учитывать желания такой массы населения! – приходилось считаться. Поэтому Светские Установления в Мирграде не исполнялись, и Сайпур это устраивало: вызова ему открыто никто не бросал, зато остальной Континент держали в ежовых рукавицах.

Так продолжалось до 1681 года. К тому времени Сайпур обзавелся сильной армией и решил поиграть мускулами: что это у нас в крупнейшем городе Континента законы не исполняются? Безобразие, надо восстановить порядок. В Мирград полетели депеши с драконовскими указами, и местные чиновники рьяно ринулись их исполнять. Обстановка накалялась постепенно: сначала пошли протесты, потом беспорядки, затем муниципальные здания взяли штурмом, а чиновников объявили заложниками – и в 85 году начался самый настоящий мятеж. Позже его назовут Мирградским восстанием. А потом восстание переросло в самую настоящую войну.

Это была первая война в современном смысле этого слова – сражались только люди, без всякой божественной помощи. В Сайпуре как раз наладили массовое производство арбалетов и другого механизированного оружия – такое массовое, что досталось даже пехоте. Плюс это были свежие силы, боевой дух солдат находился на высоте: всем хотелось доказать бывшим угнетателям, что Сайпур достоин стать мировой державой. Но на стороне континентцев был численный перевес, плюс примите во внимание огромные территории, которые не так-то просто покорить. И хотя генерал Пранда вещал: «Это будет мгновенная, победоносная кампания, много шума, после которого настанет долгое молчание», и все средства массовой информации кричали, что война не продлится дольше одного лета – отсюда и название кампании, – вскоре сайпурцы и континентцы уперлись друг в друга в двухстах милях от Мирграда на берегах реки

Лужницы. Оказалось, что ни одна из сторон не в состоянии взять штурмом фортификационные сооружения противника.

И вот тут на сцену вышел капитан Лалит Бисвал, двадцати трех лет от роду, до того тихо и прилежно изучавший специализированную литературу по тому скудному числу войн, что велись без божественного вмешательства. А под его командованием в Желтой роте обреталась шестнадцатилетняя Турин Мулагеш, которая сбежала из дома, соврала на призывном пункте насчет возраста, записалась в армию и даже успела дослужиться до сержанта, вся такая восторженная дура, вообще не представлявшая, что ее ждет.

Во время пятой битвы при Лужнице капитан Бисвал и Желтая рота получили приказ совершить фланговый обход (а надо сказать, что на него командование возлагало большие надежды): двинуться вверх по течению, форсировать реку и зайти континентцам с тыла. И это прекрасно сработало бы и нанесло бы континентцам непоправимый ущерб, и их порядки оказались бы прорваны, если бы... если бы континентцы не были осведомлены об этой атаке и не знали о ее начале с точностью до минуты.

Сайпурскую атаку быстро и жестоко отбили. Противнику удалось сжечь плоскодонки, на которых переправлялись через реку, и Желтая рота оказалась отрезанной от основных сил на занятом противником берегу реки. Все покатило в тартарары, ни о какой дисциплине речи уже не шло, а континентцы безжалостно отжимали их от места боя и сайпурских порядков.

Желтая рота отступала ночью, хотя отступала – сильно сказано, их гнал по пересеченной местности многожды превосходивший силами противник, к тому же преследовавший их на территории, которую знал как свои пять пальцев. В лесах слышались вопли, ржание лошадей, вдалеке мелькали огни. А когда солнце взошло, оборванные и уставшие сайпурские солдаты поняли, что не знают, где находятся.

Им никогда прежде не приходилось видеть эту линию холмов на горизонте. Разведка донесла: вблизи есть люди – но никаких укреплений, просто отдельно стоящие фермы.

Бисвал мгновенно все понял. «Мы обошли их укрепления! – вскричал он, сидя верхом на своем боевом скакуне. – Во имя всех морей, мы у них в тылу!» Желтая рота не знала, что преследовать ее была отправлена целая бригада, которую, по счастью, отвлек генерал Пранда, далеко на юге бросивший в бой основные силы по всей линии соприкосновения. Это значило, что Желтую роту никто более не преследует и сражаться с ними на континентской территории некому.

Так не должно было случиться. Но случилось.

Мулагеш до сих пор помнит вечер первого дня, когда Бисвал подошел к ней и отвел в сторону. На холмы наползал туман, из лагеря доносились стоны и рыдания. Зажигать костры Бисвал запретил – дым мог их выдать, – поэтому все, обхватив себя руками и дрожа, довольствовались сухпайком, которого было в обрез, потому что они не готовились к длительному маневру и к тому же растеряли много провизии во время спешного отступления.

Он привел ее на маленькую лесную полянку.

– Лейтенант Панкадж умер от ран сегодня утром, – сказал он.

– Мне очень жаль, сэр.

– Спасибо, сержант. Я сегодня много раз слышал эти слова. Не знаю, значат ли они для меня что-либо сейчас. – Он вздохнул. – Мы не можем отыскать ни Наранджана, ни Капила, ни Рама. А это значит, что ночью я потерял большую часть офицерского состава. У меня нет полномочий, чтобы повышать в звании, однако вы, Мулагеш, так или иначе будете моим лейтенантом. Так я и стану называть вас в дальнейшем. Если мы доживем до того, чтобы получить за это нагоняй, я буду благодарен судьбе.

– Да, сэр.

– Вы молоды, и я видел вас в деле. Вы не глупы, солдаты прислушиваются к вам. Это весьма ценно.

– Спасибо, сэр.

Бисвал повернулся к холмам.

– Итак. Похоже, у нас есть три стратегии на выбор. Мы можем повернуть к югу, осуществить рекогносцировку и зайти противнику с фланга – как нам изначально приказывали. Или пойти на восток, попытаться форсировать Лужницу, обойти противника и соединиться с основными силами Пранды.

Тут он замолчал.

– А третья опция?

Он посмотрел на нее – пристально.

– Как вы считаете, у нас есть шансы на успех с одним и другим маневром?

– Минимальные, сэр.

– А почему?

– Континентцы не идиоты. В какой-то момент они поймут, что мы здесь. Сейчас нас не преследуют, но они готовы к нашему возвращению. И они будут наблюдать за рекой. В общем, от нас ждут именно этого.

И она искоса посмотрела на оборванных, раненых солдат, сидевших под соснами.

– Я не думаю, что мы способны принять серьезный бой, сэр. У нас нет провизии. И я не уверена, что мы сможем продержаться больше нескольких дней.

– Я согласен.

И он снова обратил свой взгляд на гряды холмов перед ними.

– Сэр?

– Да?

– Вы говорили, что у нас есть три опции. Какова третья?

– Да, я так сказал. – И он втянул воздух сквозь зубы. – Вы знаете, что поддерживает противника, лейтенант? Почему они так крепко держат свои позиции?

Она была слишком умна, чтобы отвечать на риторические вопросы командования.

– Не знаю, сэр.

– Фермы, – проговорил Бисвал. Он подошел к дереву, оперся на него спиной и посмотрел на крохотный хутор далеко в долине. – Провизия и фермы. Мы сейчас в самой середине хлебной корзины Континента, Мулагеш. Конечно, мы оказались здесь случайно, но мы здесь. – Он примолк на мгновение. – Есть много способов выиграть войну. А это война – не между армиями, а между странами. – Он поджал губы, вздохнул и покачал головой. – Во имя всех морей, ну что это будет за война...

– Вы предлагаете нам...

Он обернулся к ней через плечо:

– Продолжайте, лейтенант.

– Вы предлагаете нам драться с мирными жителями?

– Я предлагаю уничтожить их фермы, инфраструктуру, их ирригационную систему. Забрать то, что нам нужно для выживания, а остальное уничтожить. Продвинуться к следующему пункту, сделать то же самое. Мыотрежем их от поставок продовольствия. Это отвратительно, не спору.

Бисвал посмотрел на нее, и она поняла: он хочет, чтобы она вынесла какое-либо суждение. Что-то сказала. Возможно, одобрила его предложение. А между ними висела так и не высказанная, но подразумеваемая правда: сейчас они воюют с теми, кто некогда держал их в рабстве.

Но она сумела лишь выдавить:

– Мы умираем, сэр.

Он кивнул:

– Да.

– Умираем от голода.

– Да.

– Я думаю, что мы все равно умрем. Что бы мы ни делали.

Он долго молчал. Потом сказал:

– Да. Я согласен.

– Тогда я делаю такой вывод, сэр, если не будет слишком смело с моей стороны. Почему бы нам не попытаться и не выполнить свой долг, – тихо сказала она. – Продержимся, сколько продержимся.

Он кивнул и снова отвернулся, глубоко задумавшись. А потом сказал:

– Соберите людей. Сколько сможете. Прочешите лес, прочешите холмы. Найдите всех выживших. Завтра утром мы выступаем.

Он вытащил подзорную трубу и навел ее на хуторок в долине.

– Мы подойдем с юго-запада, через лес. Идти придется медленно, но зато мы застанем их врасплох. И будь оно все проклято, Мулагеш... – Он быстро убрал от глаз подзорную трубу и крепко вцепился в нее, словно в мыслях своих душил кого-то. И она поняла – Бисвал в ярости. – Если... если мы возьмемся за это, нужно все делать правильно. Мы будем действовать... мирно. Организованно, дисциплинированно. Никаких потерь – только если они окажутся неизбежны. Я не позволю проливать невинную кровь – даже континентцев. Естественно, мы не тронем женщин и детей. Мы солдаты – не мародеры, мы преследуем стратегические цели. Это понятно?

– Совершенно понятно, сэр.

– Как вы полагаете, мы сможем это сделать?

– Да, сэр.

– Тогда выполняйте приказ, лейтенант. Можете идти.

Она отдала честь и быстро пошла по лесу прочь.

* * *

Мулагеш лежит на кровати в штаб-квартире ЮДК: голова как в тумане и кружится, но она вспоминает тот момент и понимает: вот какие безумные обещания мы даем, лишь бы оправдать худшие свои решения.

Тело наливается тяжестью, руки-ноги немеют, и лишь одна мысль настойчиво стучится в голову.

Что-то не так с тем, что она сегодня наблюдала.

Эти трупы на ферме... Где-то она такое уже видела. Где-то такое видела...

Континентская глубинка, трупы. Да. Такое она видела не раз.

«Но все же. Нет. Нет. Я видела эти тела совсем недавно, сегодня, перед тем, как ехать на ту ферму...»

А ведь да, так и есть.

Мулагеш пытается сесть, но тело ее не слушается. Она изо всех сил тянется рукой за папкой – ничего не выходит. Только задевает и роняет с тумбочки бумаги. А потом проваливается во тьму.

«Не забыть. Не забыть бы...»

* * *

Утром Мулагеш просыпается с ощущением, что глаза замазаны подсохшей грязью. Очень долго она не может понять, где находится. И почему рука болит. Что у нее с головой, проклятье... Она с трудом садится и трет лицо – на большее сил не хватает.

– Никаких побочных эффектов, конечно, – бормочет она.

Еще и поверила в эту чушь.

Все тело болит: спина, ноги, руки. А ведь могла бы принять бо́льшую дозу и вовсе скопытиться.

И тут ее озаряет.

– В бога в душу! – говорит она.

Хватает папку и несется к двери.

Телефон ЮДК занят: идут работы в гавани, дел неуворот. Еще дольше она ждет, пока сержант подзывает капитана Надар.

– Что надо? – Надар даже не пытается быть любезной. – Что вам нужно? И кто вы?

– Это генерал Мулагеш. Слушайте, до меня дошло. Ну, насчет тел на ферме.

– Ага. – Надар откашливается, недовольство сменяется официальным тоном. – Да, генерал?

– Мы видели их раньше. Обе мы их видели. В тот же день. Мы видели их до того, как поехали на ферму.

В трубке повисает молчание.

– Что?! – после паузы, вне себя от изумления, восклицает Надар.

– Я кое-какие наброски Чудри перерисовала, – говорит Мулагеш, перерывая документы в папке. – В одном углу я видела это, только не могла понять, что это значит. Оно выглядело словно куриные крылышки, наколотые на шампур, – что-то вроде этого. Но это никакие не крылышки. Это человеческие тела. Над ними точно так же надругались!

Дрейлингский прораб, говорящий по соседнему телефону, медленно поворачивается к ней и смотрит круглыми глазами.

– Что вы хотите сказать, генерал? – спрашивает Надар.

– Я хочу сказать, что Сумитра Чудри нарисовала эту сцену до того, как все вчера случилось! А ведь рисовала она несколько месяцев тому назад. Выходит, она предсказала произошедшее!

– Но как? Как такое возможно?

– Я не знаю. Но этот рисунок у меня перед глазами, я на него смотрю.

– Но Чудри сошла с ума! Может, это какое-то совпадение?

– Ничего себе совпадение! Ритуально обезображенные тела на рисунке, потом на ферме ритуально обезображенные тела! Это слишком даже для безумицы...

Дрейлингский прораб аж вспотел и отодвинулся от нее на всю длину телефонного провода.

– Так что же вы предлагаете?

– У вас наверняка нет времени, а у меня есть, – говорит Мулагеш. – Я хочу поехать туда, где было совершено первое убийство, и посмотреть, как там и что. Если Чудри действительно связана с этим, мы должны узнать как.

– Первое убийство произошло на спорных территориях, генерал. Там опасно.

– Я тоже опасна, знаете ли. Я сумею туда добраться.

– Я восхищена вашей уверенностью в себе, генерал, но что делать, если вы не сумеете?

– Ну, у вас большой опыт по части похорон мертвых генералов. Так что вы с этим справитесь, безо всякого сомнения.

Надар вздыхает:

– Я поговорю с Панду, он все подготовит.

– Отлично, – говорит Мулагеш. – Благодарю за помощь, капитан Надар.

– Всегда готова помочь, генерал, – отвечает Надар.

Отвечает после такой красноречивой паузы, что становится понятно: не желает она ей помогать от слова «совсем».

* * *

Далее Мулагеш, при оружии и припасах – на случай, если она заблудится, – едет по той же самой дороге, по которой они двигались вчера, – к северу от форта Тинадеш. Однако в одной из речных долин она резко разворачивается к Тарсильским горам, которые постепенно вырастают на горизонте розово-зеленой стеной.

Она снова заглядывает в карту. Ей нужна деревня Гевальевка, та стоит глубоко в лесу, на берегу одной из многочисленных речек. Вокруг все покрыто влажным светло-зеленым мхом: ветви деревьев, камни, даже сама дорога. Интересно, а сама она мхом не покроется, если перестанет двигаться? Но уже через несколько миль подо мхом просматриваются не обычные камни, а стены, изгороди и ворота – остатки прежней цивилизации.

Мулагеш снова смотрит на карту:

– Я уже почти на месте, фух...

Она снова заглядывает в рапорт, который Панду положил вместе с картой. Скупые строки его не оставляют сомнений: военные посчитали это обычным убийством, пусть и совершенным с особой жестокостью. А еще там есть пометка, что погибший был местным угольщиком.

Она едет вперед, и вот показываются понатыканные среди пихт юрты и халупы. У дороги сидит мальчишка лет одиннадцати, грязный и рахитичный. Вокруг него пасется какое-то невероятное количество худых мелких коз. И козы, и мальчишка смотрят на Мулагеш с одинаковым выражением лица и морд – с тупым любопытством.

Мулагеш оглядывает мальчика, потом спрашивает:

– Это Гевальевка?

Мальчик с открытым ртом таращится на нее – интересно, он очень удивлен или просто у него всегда такое лицо?

– Я так поняла, у вас пару месяцев назад был угольщик, – говорит она. – Ты знаешь, куда он ходил?

Мальчишка продолжает таращиться. Затем из юрты за его спиной доносится голос:

– Вим, ты что творишь? Я тебя для чего сюда отправил? Чтобы ты их сюда не пускал! Чтобы козы здесь не ходили!

С жалобным мемеканьем из юрты выскакивает крохотная козочка и мчится вниз по грязной дороге.

– А теперь у меня на полу дерьмо, а еще она уперла несколько репо...

Здоровенный и высокий мужчина выбирается из юрты – и тут же замирает, увидев Мулагеш верхом на лошади.

– Ух ты, – произносит он наконец.

Она внимательно следит, как мужчина разглядывает ее оружие: «карусель», винташ и меч. Слишком долго и пристально он смотрит.

– Могу я чем-нибудь... помочь?

Мулагеш широко улыбается.

– Доброе утро, – с наигранной веселостью говорит она. – Я генерал сайпурской армии Турин Мулагеш.

– Генерал? – искренне удивляется тот. – Здесь?

– Похоже на то.

– О! Ну ладно. Я – Дрожкин, – сообщает верзила. – А это Вим.

И он отвешивает легенького пинка мальчику. Тот, как и следовало ожидать, не реагирует.

– Доброе утро вам обоим! – говорит она. – Мне сказали, что тут когда-то жил угольщик.

– «Когда-то» и «был» – вот это правильные слова, – пожимает плечами мужчина. – Помер сумасшедший говнюк.

– Сумасшедший?

– О да! Как заяц в схлопывающемся туннеле сумасшедший. Угольщики – они такие... Ремесло у них такое.

– А почему?

– Почему? – переспрашивает он – вопрос ему явно кажется абсурдным. – Да он целыми днями не спал – следил за лесом, чтоб пожар не занялся. Бедняга даже изобрел такой стул, на одной ножке. Чтобы, если уснет, перекинуться и свалиться на землю. Неудивительно, что он свою жену убил. Я бы тоже рехнулся, если б так долго не спал.

– Думаю, вы удивитесь, но я скажу: мы теперь считаем, что он никого не убивал, – говорит Мулагеш.

– Мы – это... – он кивает на ее военную форму, – это вы.

За этим крайне выразительным «вы» стоит много чего, в том числе и главный вопрос: нам-то какое дело, что вы там себе думаете?

– К юго-западу отсюда убили целую семью. Очень похожим способом. Четыре трупа мы нашли.

– Целую семью? – Мужчина на глазах бледнеет. – Жургутовы слезы... Мерзость какая... Значит, тут у нас убийца завелся, так?

– Кто-нибудь видел, как он убивает свою жену?

– Да никто с ним рядом жить не хотел, с угольщиком-то. Хотя... слышал я, что вроде как Гожа что-то такое видела. В ту ночь, когда они все померли.

– Гожа?

– Старуха здешняя. Грибами приторговывает. Тоже на голову больная. Может, потому она и пошла к Богдану, может, о чем с ним поговорить хотела...

Мулагеш быстро записывает:

– А кто такой Богдан?

– Кто? Да угольщик же. Вы чего, вообще ничего не знаете?

– Похоже, что нет, – невозмутимо отвечает Мулагеш. – Значит, Гожа говорит, что кое-что видела той ночью, когда Богдана-угольщика убили. Правильно я поняла?

– Не, ничего подобного она не говорила! – спешно добавляет Дрожкин. – Я только слышал, что она вроде о таком рассказывала. И вообще – я тут ни при чем. Я... я даже не знаю, зачем на ваши вопросы отвечаю. В смысле... – тут он делает жест в ее сторону, – я тут с вами болтаю, и это плохо, да.

– Скажи мне, где жили Богдан и Гожа, – говорит она. – И тебе больше не придется отвечать на вопросы.

* * *

Еще двадцать минут верхом по лесу – и деревьев становится меньше, только кругом пеньки торчат. И вскоре понятно почему: впереди – грязная поляна, по которой разбросаны непонятные кучки земли. Такие странные, похожие на гигантские муравейники или пчелиные гнезда. Кругом воняет дымом и углями. А, это же угольные кучи: сначала складывают поленья пирамидкой, насыпают сверху земли, а потом поджигают полено, что остается торчать из кучи. И так дрова медленно-медленно прогорают. За всем этим нужно присматривать: полено сдвинется – и земля рассыплется, внутрь кучи попадет слишком много воздуха, и тогда поленица вспыхнет – и хорошо еще, если не вместе с лесом. Отвратительное, грязное ремесло. Хотя и так можно зарабатывать на жизнь, что тут поделаться...

Впереди Мулагеш видит что-то похожее на жилье, хотя это слово трудно применить к покосившемуся, грубо сколоченному каркасу из дерева, что торчит на вершине грязного холма.

Видно, угольщик не слишком-то заботился о своей лачужке – все равно ведь может вспыхнуть в любой момент. Или дом уже горел, и ему пришлось заново строиться.

Ну-ка, присмотримся, что тут у нас на полянке может быть интересного. Мулагеш при-
вязывает коня, примеривается взглядом к домику – как бы в окрестном лесу не потеряться и
подойти так, чтобы и зад, и перед видеть.

Интересное она находит быстро: другое охотничье укрытие из пихтового лапника. Лап-
ник уже порыжел – потому-то она так быстро на него вышла. А поначалу был зеленый и пол-
ностью сливался с окружающим лесом. Неудивительно, что тогда укрытие не сумели найти.
Ну и плюс они не туда смотрели.

Мулагеш отводит ветви и снова видит: кто-то тщательно убрал осыпавшиеся иголки.
Почему интересно? У этого таинственного охотника очень чувствительная задница. Может,
он оставил здесь какой-нибудь след или знак? Но нет, ничего такого не видать. Уже собираясь
уходить, она оглядывается и... а это что еще такое?

Наклонившись, она видит вырезанный на коре дерева необычный знак. Впрочем, она
такой уже видела, только точнее прорисованный: меч с рукоятью из отрезанной руки.

– Меч Вурты, – бормочет Мулагеш, проводя двумя пальцами по коре.

Вот так он здесь и сидел, этот человек, сидел в своем укрытии и вырезал меч на стволе
дерева... Похоже, вырезал не из благоговения, а от скуки, лишь бы занять время. И этот кто-
то был очень терпелив и ждал, ждал, когда наступит нужный момент.

Пора возвращаться в хижину на куче грязи. Двери нет – ее кто-то сорвал с петель. Ну
что ж, вперед. Халупка смотрится одинаково что внутри, что снаружи: деревянный каркас и
стены из дранки. Пол из досок, потолок подбит шкурами. Так, а почему пол такой темный? Вот
оно что – это пятна. Пятна крови Богдановой жены. Другому человеку могло бы показаться,
что пятна слишком большие, однако Мулагеш знает: в человеческом теле много, очень много
крови.

Какое печальное все-таки зрелище эта халупа. Ничего напоминающего прежних жильцов
в ней нет. Неприятный, голый домишко. Кровать из плетеных прутьев, сверху наброшены меха
и шкуры. Очаг скалится поваленными кирпичами... Как он в такой дыре сумел женой обзаве-
стись, неужели какая-то женщина пожелала жить такой жизнью? Впрочем, не будет лишним
вспомнить: у некоторых особого выбора-то нет...

Выходя из домика, Мулагеш чувствует, что отзвук ее шагов какой-то не такой – словно
под ногами пустота. Она покачивается с носка на пятку и прислушивается к скрипам и стонам
досок. Сев на корточки, вглядывается в щель между половицами. Трудно сказать наверняка,
но похоже, под досками действительно пусто.

– Он вырыл это, чтобы спастись от огня в случае чего, – доносится с порога голос.

Мулагеш вскакивает на ноги, одна рука на кобуре с «каруселью» – стоп, ложная тревога.
На пороге стоит какая-то пожилая женщина. Старуху, к чести ее нужно сказать, совершенно
не тревожит вид оружия. Смуглая от загара, крепко сбитая, но гибкая – словно кто-то вырезал
из старого, подгоревшего дерева человеческий силуэт. На старухе болтаются лохмотья из шкур
и меха. И она пристально смотрит на Мулагеш темными и блестящими глазами.

– Леди, – говорит Мулагеш. – Я знаю, что тут двери нет, однако кругом полно дерева –
стучись не хочу.

– Военные, значит. Ты из армии, – произносит старуха. И это не вопрос, а утверждение. –
Из восточных людей.

– А вы кто?

– Я Гожа.

– Вот оно что, – и Мулагеш выдыхает. Впрочем, с этой Гожей тоже надо быть настороже. –
А что вам здесь понадобилось, Гожа? Я как раз собиралась нанести вам визит. У меня к вам
есть пара вопросов.

– Дрожкин пришел ко мне прощения просить. – Женщина переступает порог. – Разболтал вам, что я видела, и зря разболтал. Предал соседку... Такой уж человек: что в голове, то и на языке. Непонятно, как мозги у него в голове еще держатся.

– А что вы видели в ту ночь, мэм?

Гожа останавливается рядом с ней и смотрит на пятно на полу.

– Он, в сущности, неплохой человек был, этот Богдан. Не слишком умный, невезучий – но неплохой.

– Правда?

– Он на случай пожара подвал выкопал, если вдруг дом займется. Даже трубу вывел на склон холма, чтобы не задохнуться без воздуха.

Она переводит взгляд на Мулагеш:

– Знаете – он любил ее. Хотел защитить. Все время доктора звал, чтобы посмотрел ее. На всякий случай. Заботился о ней, вот. Но... не большого ума он был: ну спрятались бы они в погребе, когда дом загорелся, ну так и что – он же на них бы и рухнул, дом этот, и завалил их там в подвале. Я же и говорю – не великого ума был этот Богдан.

Мулагеш поднимается:

– Так что здесь произошло?

– А зачем спрашиваешь? Тебе до этого какое дело?

– То, что случилось здесь, случилось снова в другом месте. И может случиться опять.

– И все равно. Тебе до этого какое дело?

– Я думаю, они стали лучше готовиться. Поднаторели. В этот раз все обернулось гораздо хуже, чем здесь. А следующий будет еще хуже.

– И все равно. Скажи, тебе лично до этого какое дело?

– А почему бы и нет? – отвечает вопросом на вопрос Мулагеш.

– Почему? Потому что ты с востока, ты сайпурка. А мы вуртьястанцы. Мы ж для вас не лучше свиней или коз. Думаешь, я не знаю?

– Я видела кровь сайпурцев и кровь вуртьястанцев. Она одинаковая. И я хочу, чтобы эта кровь текла в жилах, а не на пол.

– Ни к чему не обязывающая болтовня, – говорит Гожа. – Так дипломаты разглагольствуют – а потом раз тебя по горлу, и он уже тащит в постель твою дочку.

Мулагеш смотрит ей в глаза:

– Я что, похожа на какого-то сраного дипломата?

Гожа некоторое время выдерживает ее взгляд, потом отворачивается.

– Я не видела, как их убивали.

– Так что же вы видели?

– Так, самую малость. – И она смотрит в окно. – Вот там я шла, где деревья начинаются. Темно было, уже ночь наступила, а луна светила ярко. Я вела своего пони в поводу по лесу... А он у меня чуткий такой. Все запахи чует. И вот пони как сбесился, и я поняла: кровь где-то близко пролилась. – Гожа подходит к дверному проему. – Я вышла на полянку, чтобы посмотреть, что там да как. И я увидела женщину. Она стояла там, где угли заложены.

– Вы видели жену Богдана?

Гожа качает головой:

– Нет. Та женщина была пониже ростом. Ну я так думаю. Так мне показалось – невысокая она. А смотрела я не туда. Я глаза не могла оторвать от того, что на пороге дома стояло.

– А что это было?

– Вы решите, что я рехнулась.

– Я видела много такого, от чего можно рехнуться. Можете смело рассказывать, я вас слушаю.

Гожа склоняет голову к плечу, задумавшись, а потом выговаривает – странным, сонным голосом:

– Сначала я подумала, что это пугало. Не человек. А так, подобие человека, сделанное из всяких... штук.

– Штук?

– Да, штук. Обрывков, да. Гвоздей. Лохмотьев и шипов. Человек из шипов, шесть или семь футов ростом, темный и безликий... А еще он держал в руках блестящий меч, яркий такой, серебристый. Я не верила своим глазам, пока он не развернулся и не вошел в дом.

Между ними повисает молчание.

Гожа поворачивается.

– Вы мне не верите. Думаете, я с ума сошла. Правда?

Мулагеш после паузы отвечает:

– Я не... ладно. Твою мать. Я не знаю, чему верить. На нем была такая одежда? Из лохмотьев и... и шипов?

– Я не знаю. Я даже не знаю, мужчина то был или женщина. Ночь, не разглядеть. Но он и та женщина переглянулись, как будто говорили без слов. А потом он вошел в дом.

– Расскажите мне об этой женщине.

– Ну, как я уже сказала – невысокая. В темном плаще – фиолетовом или зеленом, точно не скажу. И она накинула капюшон на голову. Так что я ни лица, ни даже рук не разглядела.

Осторожная, значит, если с ног до головы замоталась.

– А что случилось после того, как мужчина в одежде из шипов вошел в дом?

– Я привязала пони на просеке к востоку отсюда. Он начал ржать и дергаться – напуган, видать, был. И я испугалась: а вдруг та женщина и человек из шипов увидят меня. Вот я и убежала. А через два дня услышала, что Богдана с женой нашли мертвыми.

– А вы не думаете, что это Богдан был в одежде из шипов?

– Богдан – он как все здешние мужчины, сайпурка, – еду в детстве нечасто видел. Я бы не сказала, что он был, как это говорится, здоровяк.

– А вот мужчина в той одежде – крепко сложенный?

– Да уж, выглядел он впечатляюще, я аж испугалась, – тихо говорит Гожа. – Он как из кошмара вышел. – И она смотрит на Мулагеш. – Вы думаете, эти люди и убили Богдана с женой?

– Похоже на то.

– Но почему? Зачем убивать угольщика деревни Гевальевки? Кому он был нужен, бедолага?

– А вот это хороший вопрос, – кивает Мулагеш. – Убить легче тех, кто никому не нужен: угольщика с женой, семью на одиноком хуторе...

– Но зачем вообще это делать?

– Выглядит так, словно это... ритуал, что ли, – отвечает Мулагеш. – Церемония. Тела разрезаны особым образом, одежду вот специально подобрали. А кто-то стоит неподалеку – чтобы удостовериться, что ритуал совершился.

– У вуртьястанцев много церемоний, – говорит Гожа. – А до Мига было еще больше, я уверена. Но о такой церемонии я никогда не слышала.

– Это не значит, что ее не существует, – пожимает плечами Мулагеш. – Но для чего она нужна – не понимаю.

Гожа разворачивается и идет к двери. На пороге останавливается и говорит:

– Странно, конечно, что я говорю это восточнице. Но я надеюсь, что вы поймаете этих людей.

И она сердито прищуривается:

– Мы не свиньи и не козы, генерал Мулагеш.

– Я это знаю.

– Надеюсь, остальные, кто форму носит, думают так же.

Мулагеш стоит на пороге и смотрит, как Гожа идет через лес. Затем глядит вверх – где там солнце, который час? Судя по всему, уже сильно за полдень. А ей нужно быть в городе вечером. Пропустит назначенное Сигню время – пиши пропало, ждать следующего свободного ее часа можно до самой старости. И Мулагеш оглядывает напоследок хижину.

А это что такое? Мулагеш склоняет голову к плечу, всматриваясь. Вот это, в углу?

Что-то там такое серебристо поблескивает. Мулагеш трогает это что-то пальцами и выносит на свет.

Немного похоже на графит – такой же мягкий и рассыпчатый.

– Вот дерьмо, – тихо говорит Мулагеш. – Не может быть...

Где же эта дверь в погреб? Мулагеш резко дергает ее на себя и прыгает вниз.

Там тесно, темно и влажно. Она зажигает спичку, на стенах тут же принимаются плясать теплые отблески. Богдан снес сюда только самое необходимое – горшки с водой и шкуры, на которых можно спать. Она смотрит вверх: где там угол, в котором она нашла серебристый след?

В углу погреба земля чуть поблескивает. Мулагеш присаживается на корточки: ну-ка, что это такое? Похоже на руду, легкую и мелкую как пыль. Она явно просыпалась сюда из угла через щели в полу. Турин дотрагивается до блестящей кучки пальцем – та тут же рассыпается, как сахарный песок.

Мулагеш знает, что это. Еще вчера она видела целые кучи этой руды.

– Тинадескит, – шепчет она. – Проклятье, это действительно он.

* * *

Взгляд Надар мечется по офису Бисвала – она напряженно думает:

– Это... это невозможно.

– Я тоже не знаю, как такое могло произойти, – говорит Мулагеш. – Я надеюсь, если честно, что я ошиблась. Но я вылила воду и накидала туда этой штуки – чтобы мы могли проверить, так это или нет.

И она протягивает свою объемистую флягу.

– Сколько времени понадобится Пратде, чтобы провести анализ?

Надар берет флягу – судя по ее виду, она до сих пор не пришла в себя от изумления. Мимо окна вороньего гнезда Бисвала пролетает голубь. Голубь достаивает трех странных существ на вершине башни лишь мимолетного взгляда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.